

РУСИСТИКА БЕЗ ГРАНИЦИ

Международно научно списание

РУСИСТИКА БЕЗ ГРАНИЦ
Международный научный журнал

RUSSIAN STUDIES WITHOUT
BORDERS
International scientific journal

2025/4
ISSN 2535-0390

РУСИСТИКА БЕЗ ГРАНИЦИ

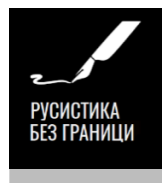
Международно научно списание

РУСИСТИКА БЕЗ ГРАНИЦ
Международный научный журнал

RUSSIAN STUDIES WITHOUT
BORDERS
International scientific journal

Том IX Книжка 4 2025
Volume IX Issue 4 2025

ISSN 2535-0390

София – Sofia

2025

Международный редакционный совет:

доц. к.ф.н. Галия Бадагулова (Алматы, Казахстан)
 доц. к.ф.н. Нина Баско (Москва, Россия)
 проф. д.ф.н. Наталия Голубева-Монаткина (Москва, Россия)
 член-корреспондент Российской Академии Образования Любовь Клобукова (Москва, Россия)
 проф. д.ф.н. Геннадий Ковалев (Воронеж, Россия)
 доктор филологии Наталья Кононова (Рига, Латвия)
 доц. к.ф.н. Светлана Коростова (Ростов-на-Дону, Россия)
 проф. д.ф.н. Мария Котюрова (Пермь, Россия)
 проф. д.п.н. Ольга Левушкина (Москва, Россия)
 проф. д.ф.н. Биляна Марич (Белград, Сербия)
 проф. д.ф.н. Елена Маркова (Москва, Россия; Трнава, Словакия)
 проф. д.п.н. Виктория Сафонова (Москва, Россия)
 доц. д.ф.н. Ольга Сологуб (Тайбэй, Тайвань)
 проф. д.п.н. Елена Тарева (Москва, Россия)
 проф. д.п.н. Людмила Федорьяк (Тюмень, Россия)
 проф. д.ф.н. Клара Штайн (Ставрополь, Россия)
 проф. д.ф.н. Нэлли Щедрина (Москва, Россия)
 Действительный член АНУРС, д.ф.н. Срето Танасич (Белград, Сербия)

Редакционная коллегия:

Главный редактор: доц. д-р Димитрина Лесневска
 Зам. гл. редактора: Ян Лесневский
 Ответственный секретарь: Радослава Лесневска

Рецензенты:

д.ф.н., проф. Мария Павловна Котюрова, Пермский государственный национальный исследовательский университет (ПГНИУ), Пермь, Россия
 д.ф.н., проф. Людмила Вениаминовна Кушнина, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (ПНИПУ), Пермь, Россия
 д.ф.н., проф. Петр Буняк, Белградский университет, Филологический факультет, Белград, Сербия
 д.ф.н., проф. Биляна Марич, Белградский университет, Филологический факультет, Белград, Сербия
 к.п.н., преподаватель Валентина Владимировна Звягина, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (ПНИПУ), Пермь, Россия;
 д.ф.н., проф. Дмитрий Владимирович Польш, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (ФГБОУ ВО «МПГУ»), Москва, Россия
 к.ф.н., доцент Надежда Майеровна Перельгут, ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет» (ФГБОУ ВО «НВГУ»), Нижневартовск, Россия
 д.ист.н., доцент Максим Валерьевич Кирчанов, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ВГУ»), Воронеж, Россия

Журнал выходит четыре раза в год: 30 марта, 30 июня, 30 сентября и 30 декабря. Материалы принимаются до 15 числа марта, июня, сентября и декабря. К публикации принимаются оригинальные, неопубликованные ранее в других печатных изданиях материалы на **русском, болгарском или английском** языке.

Адрес редакции: София, Болгария, e-mail: rusistikabg@gmail.com,
<http://www.rusistikabg.com/>

ISSN 2535-0390 (online)

Индексируется в **RSCI/РИНЦ (<http://www.eLibrary.ru>)**

ERIH PLUS (Европейский индекс гуманитарных и социальных наук)

© Все права защищены

International editorial Board:

Ass.Prof., Ph.D. in Philology Galia Badalova (Almaty, Kazakhstan)
 Ass.Prof., Ph.D. in Philology Nina Basco (Moscow, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Philology) Natalia Golubeva-Mohnatkina (Moscow, Russia)
 Corresponding Member of the Russian Academy of Education Lubov Klobukova (Moscow, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Philology) Gennady Kovalyov (Russia)
 Ph.D. in Philology Natalia Kononova (Riga, Latvia)
 Ass.Prof., Ph.D. in Philology Svetlana Korostova (Rostov-on-Don, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Philology) Maria Kotyurova (Perm, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Pedagogy) Olga Levushkina (Moscow, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Philology) Biljana Maric (Belgrade, Serbia)
 Professor, Dr. Sc. (Philology) Elena Markova (Moscow, Russia; Trnava, Slovakia)
 Professor, Dr. Sc. (Pedagogy) Victoria Safonova (Moscow, Russia)
 Ass.Prof. Dr. Sc. (Philology) Olga Sologub (Taipei, Taiwan)
 Professor, Dr. Sc. (Pedagogy) Elena Tareva (Moscow, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Pedagogy) Ludmila Fedoryak (Tyumen, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Philology) Clara Stein (Stavropol, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Philology) Nelly Shchedrina (Moscow, Russia)
 Full member ANURS, Dr.Sc. (Philology) SretoTanasić (Belgrade, Serbia)

Editorial Board:

Editor-in-Chief: Ass. Prof. Ph.D. in Philology Dimitrina Lesnevska
 Deputy Editor-in-Chief: Ian Lesnevski
 Executive Secretary: Radoslava Lesnevska

Reviewers:

Professor, Dr. Sc. (Philology) Maria Pavlovna Kotyurova, Perm State National Research University (Perm, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Philology) Lyudmila Veniaminovna Kushnina, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Philology) Petar Bunjak, University of Belgrade, Faculty of Philology (Belgrade, Serbia)
 Professor, Dr. Sc. (Philology) Biljana Maric, University of Belgrade, Faculty of Philology (Belgrade, Serbia)
 Teacher, Ph.D. (Pedagogy) Valentina Vladimirovna Zvjagina, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Philology) Dmitriy Vladimirovich Pol, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)
 Ass.Prof., Ph.D.(Philology) Nadezhda Mayerovna Perelgut, Nizhnevartovsk State University, (Nizhnevartovsk, Russia)
 Ass.Prof., Dr.Sc. (History) Maksym Walerevich Kyrchanoff, Voronezh State University (Russia, Voronezh)

The journal is published four times per year: March 30, June 30, September 30 and December 30. The papers are accepted until the 15th of March, June, September and December. The papers submitted for publication should be original, previously unpublished work not currently under review by other publications. The papers can be presented in **Russian, Bulgarian or English**.

Contact address: Sofia, Bulgaria, e-mail: rusistikabg@gmail.com
<http://www.rusistikabg.com/>

2535-0390 ISSN (online)

Indexed in RSCI/PIHII (<http://www.eLibrary.ru>)

ERIH PLUS (The European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences)

© All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ:**ЛИНГВИСТИКА***М.Р. Милуд, Н. Гезайли*

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ7

А. Ессад

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ПОЛИСЕМИИ В СПЕЦИАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НА МАТЕРИАЛЕ ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ16

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ*Н.С. Саньярова*

СПЕЦИФИКА ОБОСОБЛЕННЫХ ПАРЦЕЛЛИРОВАННЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ЯЗЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ27

Е.Ю. Долгова, Ю.А. Харитонова

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КОНЦЕПТА «ТОСКА» НА МАТЕРИАЛЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ МИХАИЛА ЗОЦЕНКО «ПЕРЕД ВОСХОДОМ СОЛНЦА»38

Осипова Н.Д., Шакина О.В.

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ СРАВНЕНИЙ В РОМАНЕ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВА «СЕРДЦЕ ПАРМЫ»51

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ*С.Г. Воркачев*

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ СМЫСЛ «УНЫНИЕ» В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ60

ВЗГЛЯД В ИСТОРИЮ*Н.Г. Дружинкина*

БЫТ РАБОТНОГО ЛЮДА В РОССИИ ПО МЕМУАРАМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - НАЧАЛА XX В.: ИЗ КРЕСТЬЯН В РАБОЧИЕ72

И.А. Измestьева

ЭТИКЕТНЫЕ ФОРМУЛЫ В ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПОСЛАНИЯХ ПЕТРА I85

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА*М.Р. Миронова*

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ПЕРЕДАЧА ЮМОРА И ИГРЫ СЛОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ93

М.Н. Миронова, Л.В. Эпоева

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ99

РЕЦЕНЗИИ*Р.В. Лесневска*

КОВАЛЕВ Г. Ф. ПУШКИН. ОНОМАСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ: МОНОГРАФИЯ. ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ. – ВОРОНЕЖ: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ВГУ, 2024. – 457 С. ISBN 978-5-9273-4018-7107

Д.С. Лесневска

ПЕТРОВ А. ЕЗИКОВИ СУБСТАНДАРТИ ПРИ ПРЕВОДА НА ХУДОЖЕСТВЕНИ ТЕКСТОВЕ (ЗА ДВОЙКАТА РУСКИ И БЪЛГАРСКИ ЕЗИК). – ВЕЛИКО ТЪРНОВО : УНИВЕРСИТЕТСКО ИЗДАТЕЛСТВО «СВ.СВ. КИРИЛ И МЕТОДИЙ», 2024. – 178 С. ISBN 978-619-208-434-9113

ХРОНИКА

П.В. Аркушина, А.М. Ключина

ОПЫТ РАБОТЫ ВОЛОНТЕРСКОГО ОТРЯДА ФАКУЛЬТЕТА ИНОСТРАННЫХ
ЯЗЫКОВ САМАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛЬНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ОБЛАСТИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....118

Я.В. Лесневский

ЮБИЛЕЙНАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ – УНИВЕРСИТЕТ
ЭКОНОМИКИ И БИЗНЕСА, БРАТИСЛАВА, СЛОВАКИЯ, НОЯБРЬ 2025.....125

Д.С. Лесневска

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ – НОВЫЙ БОЛГАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ,
СОФИЯ, НОЯБРЬ 2025.....129

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«РУСИСТИКА БЕЗ ГРАНИЦИ» ЗА 2025 ГОД
ПО РУБРИКАМ, В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ АВТОРОВ135

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«РУСИСТИКА БЕЗ ГРАНИЦИ» ЗА 2025 ГОД, В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ139

ИЗИСКВАНИЯ ЗА ОФОРМЯНЕ НА МАТЕРИАЛИТЕ..... 142

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ 144

ВИМОГИ ДО ОФОРМЛЕННЯ МАТЕРІАЛІВ 146

GUIDELINES FOR AUTHORS..... 148

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА 150

CONTENTS:

LINGUISTICS

M.R. Miloud, N. Ghezaili

ON THE ORIGIN OF COMPUTER TERMINOLOGY

A. Yessad

ON THE ISSUE OF THE POLYSEMY PROBLEM IN SPECIALIZED TERMINOLOGY
BASED ON MILITARY TERMINOLOGY

LITERARY STUDIES

N.S. Sanjyarova

SPECIFICS OF ISOLATED PARCELLED CONSTRUCTIONS IN THE LANGUAGE OF
FICTION

E. Yu. Dolgova, Yu. A. Kharitonova

A LINGUISTIC MODEL OF THE CONCEPT «SADNESS» BASED ON MIKHAIL
ZOSHCHENKO’S AUTOBIOGRAPHICAL STORY «BEFORE SUNRISE»

Osipova N.D., Shakina O.V

SEMANTICS AND FUNCTIONS OF COMPARISONS IN ALEKSEY IVANOV'S NOVEL
«THE HEART OF PARMA»

LINGUOCULTUROLOGY

S.G. Vorkachev

THE LINGUOCULTURAL MEANING OF «DESPONDENCY» IN LEXICOGRAPHICAL
DISCOURSE

HISTORICAL VIEW

N.G. Druzhinkina

THE LIFE OF THE WORKING PEOPLE IN RUSSIA BASED ON THE MEMOIRS OF THE SECOND HALF OF THE 19TH - EARLY 20TH CENTURY: FROM PEASANTS TO WORKERS

I.A. Izmestieva

ETIQUETTE FORMULAS IN THE DIPLOMATIC MESSAGES OF PETER THE GREAT

ISSUES OF TRANSLATION

M.R. Mironova

INTERLINGUAL HUMOR COMMUNICATION AND PLAY ON WORDS IN LITERARY TEXT

M.N. Mironova, L.V. Epoeva

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PROFESSIONAL TRANSLATION: CHALLENGES AND PROSPECTS

REVIEWS

R.V. Lesnevskaya

KOVALEV G. F. PUSHKIN. ONOMASTIC COMMENTARY: A MONOGRAPH. VORONEZH STATE UNIVERSITY. – VORONEZH: VSU PUBLISHING HOUSE, 2024. – 457 P. ISBN 978-5-9273-4018-7

D.S. Lesnevskaya

PETROV A. LANGUAGE SUB-STANDARDS IN THE TRANSLATION OF ARTISTIC TEXTS (FOR THE PAIR RUSSIAN AND BULGARIAN). - VELIKO TARNOVO: UNIVERSITY PUBLISHING HOUSE «ST. ST. CYRIL AND METHODIUS», 2024. - 178 PP. ISBN 978-619-208-434-9

CHRONICLES

P.V. Arkushina, A.M. Klyushina

EXPERIENCE OF THE VOLUNTEER TEAM OF THE FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES OF SAMARA STATE SOCIAL AND PEDAGOGICAL UNIVERSITY IN THE FIELD OF TRANSLATION ACTIVITIES

Y.V. Lesnevskiy

JUBILEE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE – BRATISLAVA UNIVERSITY OF ECONOMICS AND BUSINESS, SLOVAKIA, NOVEMBER 2025

D.S. Lesnevskaya

INTERNATIONAL CONFERENCE – NEW BULGARIAN UNIVERSITY, SOFIA, NOVEMBER 2025

BIBLIOGRAPHY OF THE ARTICLES LISTED IN ORDER OF THE SUBJECT PUBLISHED IN THE JOURNAL "RUSSIAN STUDIES WITHOUT BORDERS" (2025)

BIBLIOGRAPHY OF THE ARTICLES LISTED IN ALPHABETICAL ORDER BY SURNAME OF THE AUTHOR, PUBLISHED IN THE JOURNAL "RUSSIAN STUDIES WITHOUT BORDERS" (2025)

PUBLICATION REQUIREMENTS IN BULGARIAN

PUBLICATION REQUIREMENTS IN RUSSIAN

PUBLICATION REQUIREMENTS IN UKRAINIAN

PUBLICATION REQUIREMENTS IN ENGLISH

CONTACT ADDRESS

ЛИНГВИСТИКА

УДК 801.314:81`37:004

Милуд Мохамед Рашид
 доктор филологических наук, профессор
 Университет Алжир 2 им. Абу Эль касем
 Саад
 Аллах
 Алжир, г. Алжир
 e-mail: medrachid.miloud@univ-alger2.dz

Miloud Mohamed Rachid
 Professor, Dr.Sc. (Philology)
 Algiers University 2 named after Abu
 Elkassem Saad Allah
 Algiers, Algeria
 e-mail: medrachid.miloud@univ-alger2.dz

Гезайли Надя
 доктор филологических наук, профессор
 Университет Алжир 2 им. Абу Эль касем
 Саад Аллах
 Алжир, г. Алжир
 e-mail: nadia.ghezaili@univ-alger2.dz

Ghezaili Nadia
 Professor, Dr.Sc. (Philology)
 Algiers University 2 named after Abu
 Elkassem Saad Allah
 Algiers, Algeria
 e-mail: nadia.ghezaili@univ-alger2.dz

М.Р. Милуд, Н. Гезайли

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Аннотация. Статья посвящена изучению происхождения компьютерной терминологии. В ней рассматривается история становления информатики как самостоятельной науки и формирование её терминологического аппарата. Выявляются основные факторы, влияющие на развитие компьютерной терминологии. Проанализированы специфические черты терминов информатики и описан неоднородный характер компьютерного подязыка. В исследовании представлены основные этапы зарождения, становления и развития терминополья информатики. Доказывается, что компьютерная терминология находится в процессе постоянного и активного формирования на фоне современных достижений науки и техники. На основе проведённого исследования можно утверждать, что история компьютерной терминологии тесно связана с развитием операционных систем, программного обеспечения, появлением персонального компьютера, нового оборудования и всемирной сети Интернет.

Ключевые слова: термин, компьютерная терминология, Интернет, информатика, программное обеспечение, операционные системы

Для цитирования: Милуд М.Р., Гезайли Н. К вопросу о происхождении компьютерной терминологии. *Русистика без границы. Международно научно списание*, 2025, Том IX, кн. 4, С. 7–15.

M.R. Miloud, N. Ghezaili

ON THE ORIGIN OF COMPUTER TERMINOLOGY

Abstract. The paper is devoted to the study of the origin of computer terminology. This article discusses the history of the formation of computer science as an independent science and the formation of its terminology. The main factors influencing the development of computer terminology are identified. The article analyzes the specific features of computer science terms and describes the heterogeneous nature of the computer sublanguage. The study gives the main stages of the origin, formation and development of the terminology of computer science and proves that computer terminology is in the process of constant and active formation on the background of modern science and technology. Based on the research, it can be argued that the history of computer terminology is closely

related to the development of operating systems, software, the emergence of the personal computer, new equipment and the World Wide Web.

Keywords: term, computer terminology, Internet, computer science, software, operating systems

For citation: Miloud M.R., Ghezaili N. On the origin of computer terminology. *Russian Studies without Borders. International scientific Journal*, 2025, Vol. IX, Iss. 4, pp. 7–15.

Развитие человечества является непрерывным процессом накопления знаний и информации. В настоящее время мы находимся в истоке новой эры человечества — информационной, пришедшей на замену индустриальному обществу. Информация содержится в человеческой речи, текстах книг, журналов и газет. Передаваемая информация обычно касается каких-то предметов или самого человека и связана с событиями, происходящими в окружающем мире.

Настоящая статья является отправной точкой для нескольких дальнейших публикаций, которые будут посвящены вопросам информатики и нанотехнологии.

Термин *информация* происходит от латинского *informatio* — разъяснение, изложение, осведомлённость. Информация также определяется как сведения, передаваемые людьми устным, письменным или другим способом. В технике данный термин имеет более узкое определение, он включает в себя все сведения, являющиеся объектом хранения, передачи и преобразования. Наряду с такими понятиями, как вещество, энергия и время, оно рассматривается в качестве важнейшей сущности мира.

Информация — такое новообразование XX века, которое быстро стало общепонятным вследствие близкой взаимосвязи новейших научных открытий с ежедневной жизнью. В простейшем бытовом осознании под информацией понимают сведения об окружающем нас мире и проходящих в нём действиях. Под информацией в семантическом аспекте осознают сведения, обладающие определённой новизной. Само понятие информация является одним из фундаментальных в современной науке вообще, и базовым для информатики в частности.

Информатика — сравнительно молодая наука. Она возникла несколько десятилетий назад, но продолжает формироваться и развиваться на фоне современных достижений науки и техники.

А. В. Зубов, И. И. Зубова считают, что «слово «информатика» также не имеет единого определения. С современной точки зрения информатика — это наука о законах и методах получения, хранения, передачи, распространения, преобразования и использования информации в естественных и искусственных системах с применением компьютера» [3. с. 12].

Информатика с момента выделения в независимую предметную область стала стремительно развиваться во многих странах. Этим объясняется межъязыковая интерференция, которую можно заметить не только как процесс интенсивной ассимиляции заимствований из других языков, но и как процесс адаптации терминов-калек.

Понятие *информатика* с течением времени значительно изменилось. Ю. Н. Марчук подчёркивает, что «термин «информатика» начинает устанавливать своё основное значение только теперь. Происходит возвращение значения этого слова в русском языке к его первоначальному значению из французского — *informatique* — вычислительная техника в широком смысле, *software* и *hardware* вместе, т. е. как программное обеспечение, так и аппаратное, вычислительной техники и компьютеров» [6. с. 15].

Ещё в 60-х годах прошлого века этот термин применялся с целью обозначения дисциплины, связанной с технологией накопления научно-технической и другой информации на основе отпечатанных литературных источников и документов.

К концу XX в. под информатикой понималась совокупность научных направлений, изучающих технические, программные и алгоритмические аспекты процессов накопления, передачи и обработки данных, а также их применение в различных сферах человеческой деятельности. В бывшем СССР термин информатика утвердился в 1983 г., когда в Академии наук было сформировано отделение «Информатики, вычислительной техники и автоматизации». В настоящее время информатика рассматривается как понятие, связанное с информационными процессами, исполняемыми только с помощью компьютеров. В работе «Основы информатики», вышедшей в 2006 г., авторы утверждают, что «информатика — комплексная научно-техническая дисциплина, занимающаяся изучением структуры и общих свойств информации, информационных процессов, разработкой на этой основе информационной техники и технологии, а также решением научных и инженерных проблем создания, внедрения и эффективного использования компьютерной техники и технологии во всех сферах общественной практики» [2. с. 6].

Не вызывает сомнений тот факт, что потребность в информационных технологиях издавна является широко обсуждаемым вопросом, т. к. «исток информатики можно искать в глубине веков. Много столетий тому назад потребность выразить и запомнить информацию привела к появлению речи, письменности, счета. Люди пытались изобретать, а затем совершенствовать способы хранения, обработки и распространения информации. До сих пор сохранились свидетельства попыток наших далёких предков сохранять информацию – примитивные наскальные рисунки, записи на берестяной коре и глиняных дощечках, затем рукописные книги» [2. с. 6].

Потребность в новых информационных технологиях появилась в обществе на рубеже 80-х годов. При этом компьютеры, которые были нацелены только на решение научных трудностей, стали использоваться для управления, планирования и поиска информации. На данном этапе компьютеры ещё не считались персональными, так как для работы с ними требовались посредники в лице высококлассных разработчиков программного обеспечения.

Термин *компьютер* (от английского — «счётчик-прибор», «вычислитель») входит в русский язык как синоним к сочетанию электронная вычислительная машина – ЭВМ. Английское *компьютер* получает окончание множественного числа, обычное для русских существительных на твёрдый согласный (*компьютеры*) и обычные падежные окончания (*компьютера, компьютеров* и т. п.)

М. А. Беляев указывает, что «информация в печатном виде была основным способом хранения и обмена и продолжала им оставаться вплоть до середины XX века. Только с появлением ЭВМ возникли принципиально новые, гораздо более эффективные способы сбора, хранения, обработки и передачи информации» [2. с. 6].

Вслед за Беляевым, Ю. Н. Марчук утверждает, что «общение с ЭВМ развивается в сторону использования удобного для человека естественного языка, а не специальных языков программирования, доступных узкому кругу специалистов. Если раньше общение с компьютером было уделом узких групп специалистов, то теперь для того чтобы дать возможность широким массам коммуникантов пользоваться новейшей компьютерной техникой, диалог с ЭВМ должен быть достаточно простым. Персональный компьютер становится частью интеллектуального технического окружения человека. Подобно телефону, телевизору и пишущей машинке» [6. с. 19].

Только в середине 80-х годов появились первоначальные персональные компьютеры, трудиться с которыми имели возможность уже и люди, никак не имеющие профессиональных познаний в сфере программирования. Именно этот период стал переломным в истории становления компьютерной техники и информационных

технологий. Создание новых информационных технологий возложило начало массовому освоению персональных компьютеров в бытовой и профессиональной деятельности фактически в абсолютно всех сферах общественной и личной жизни.

А. В. Зубов, И. И. Зубова указывают на то, что «семидесятые годы XX века стали периодом создания персональных компьютеров и началом развития информационного общества. Основное отличие этого общества от индустриального заключается в том, что наряду с высокоэффективной технологией материального производства все бóльшую роль начинают играть информационные технологии как совокупность законов, методов и средств получения, хранения, передачи, распространения, преобразования информации с помощью компьютеров» [3. с. 7-8].

И. С. Квитко отмечает в свою очередь, что «любая информация нуждается в языке, на котором она будет зафиксирована, передана и воспринята. Этот сложный процесс не может быть осуществлён с помощью языковых средств, свойственных стилю художественной литературы и публицистики, в котором слово и контекст, высказывание и речевая ситуация нераздельны. Обмену научной информацией служит научный функциональный стиль и его основной компонент — научно-техническая терминология» [5. с. 3].

Безусловно, в русском языке добавляются многие связанные с ними слова. Большинство этих слов вошло в русский язык и пока ещё не являются лексическими единицами литературного языка. Возникновение компьютеров привело к большому скачку в развитии человеческого знания и, как следствие, к повышению объёмов перерабатываемой информации. Совместно со стремительным развитием компьютерных и телекоммуникационных технологий формировалась и развивалась и соответствующая терминология.

Согласно подсчётам лингвистов, ещё двадцать лет назад русская терминология по вычислительной технике и программированию содержала около 3000 лексических единиц. Именно компьютерная терминология на современном этапе развития научных технологий более всего воздействовала на изменение и пополнение лексики русского языка. Изменяется разговорная речь, в следствие того, что в языке появляется большое количество новых терминов. С точки зрения Ю. Н. Марчук, «человеческий язык, естественный язык для коммуникации сообществ людей, продолжает оставаться мощным и незаменимым средством передачи информации, поэтому ввод последний в компьютер связан с переработкой сообщений на естественном языке» [6. с. 19].

Современная лингвистика уделяет внимание теоретическим основам терминологии, в связи с прогрессом во многих областях науки и техники. Специальные подязыки вызывают большой интерес в связи с нарастающим влиянием высоких технологий на общественную и личную жизнь человека. Особое место среди различных подязыков занимает подязык компьютерных технологий. Благоприятные условия для развития компьютерной индустрии способствовали тому, что большинство компьютерных исследований проводились в США. Компьютерная отрасль формировалась и развивалась также во многих других странах, в том числе и в бывшем Советском Союзе, а затем в России. Данное обстоятельство способствовало появлению параллельных названий новых компьютерных понятий и привело русскую компьютерную терминологию к бесконтрольности и противоречивости.

Д. Х. Кадырбекова считает, что «в существующей научной литературе проблема происхождения терминов информационных технологий не получила должного освещения как специальное исследование, нет всестороннего описания заимствованных и исконно английских терминов информационных технологий, не раскрыты лингвистические и экстралингвистические факторы их появления в языке. Изучение

данных вопросов, несомненно, способствует углублению наших знаний об этимологических свойствах терминов английского языка» [4. с. 52].

Компьютерная терминология — новая терминосистема, она находится в процессе постоянного и активного формирования. В данной области идут параллельные процессы изобретения новых и полезных технологий и, как следствие, идут параллельные процессы наименований новых понятий. Компьютерный язык, как русский национальный, формировался и развивался одновременно с английским и характеризовался необходимой правильностью и однозначностью наименований, однако современный этап развития предоставленной сферы знаний характеризуется бóльшей свободой в подборе терминов, что и отображается на их содержании. Компьютерный язык больше всего имеет необходимость в совместной работе программистов, т.к. большую работу по формированию компьютерной терминологии проводят сами программисты.

Компьютерная лексика весьма неоднородна, однако в её составе можно выделить единицы, которые принадлежат к ядру специальной лексики и трансляции профессиональной информации, например: *браузер, хост, директория, трафик, терминал, сервер* и др. В качестве компьютерных терминов используются также слова из литературного языка, которые подвергаются в рамках профессионального сообщества определённому переосмыслению, например: *документ, мышь, узел, команда, ключ, меню, память* и др.

Компьютерная лексика, в XX веке формировалась исключительно специалистами, в XXI веке стала испытывать существенное влияние со стороны обыкновенных пользователей компьютерами. Компьютер произвёл революционные перемены в средствах обработки информации и в обработке всех потоков информации. Так, в 1971 году появилась первая микросхема, а в 1981 году компания IBM создаёт персональный компьютер.

До 1960 года во всём мире, согласно специалистам, использовалось не более 7 тысяч компьютеров. Исторический переворот наступил лишь в 1993 г., когда впервые объём изготовления персональных компьютеров превзошёл объём производства легковых автомобилей и достиг 35,4 млн. единиц. Сегодня в некоторых странах, персональных компьютеров производится больше, чем телевизоров.

Компьютерный язык можно считать и терминосистемой, и терминологией, т. к. процесс формирования терминов не завершён, а находится в стадии бурного развития. К этому огромному процессу все языки мира пришли с различными способностями фиксации новых идей. Процесс терминологического обеспечения компьютерной информатики в своём развитии проходил через четыре периода:

Первый период, который можно назвать подготовительным, (ручной, начало инструментального счета) включает однокомпонентные термины, обозначающие простейшие предметы и единицы счета, например, *цифра, число, калькулятор*. В основном термины этого периода — заимствованы из греческого или латыни.

Второй период, (механический). На фоне трудного механического развития вычислительных приборов и устройств происходит осложнение терминов и уточнение возникших понятий. Например, *разностная машина, аналитическая машина, суммирующая машина, мельница, счётное колесо, носитель, печатающее устройство* [8].

Третий период, (электромеханический), в котором идёт нарастание количества терминов в связи с ростом новых отраслей знания, вызванных промышленной революцией, появлением электричества и электроника. В терминологии этого периода все ещё преобладают заимствования из латыни, например, *ячейка, цикл, регистр,*

перфоратор, интерпретатор, арифметический блок, блок управления, универсальная машина, блок управления, контроллер, цифровая машина, аналоговая машина, программирование, управление [8].

Четвёртый период, (электронный). Характеризуется сильным пополнением терминологии информатики за счёт ресурсов английского языка. В соответствии с разделением машин на поколения надо было расценивать и терминологию этого периода по данному принципу. Под поколением понимаются модели ЭВМ (элементарная база, логическая архитектура, программное обеспечение). Для первого поколения характерны термины, означающие работу, операции и устройство машины, например, *конденсатор, задержка, съёмный блок, логическая ЭВМ*. Для второго поколения характерны термины, связанные с процессами программирования, языками программирования, системами управления, например, *автоматическая обработка данных, разделение времени, имитатор, модель, счисление, транслятор, компилятор* [8].

В настоящее время, компьютерная терминология вступила уже в свой пятый период, который, на наш взгляд, характеризуется бурным ростом интереса к нанотехнологиям. Для терминов этого периода характерен примитивный способ терминообразования, например, *наноэлектронная система, наноустройство, нанокomпьютер, запрограммированная наночастица, нанотранзистор, нанопроцессор* [8].

Компьютерная терминология, со времени выхода в свет персонального компьютера, прекратила быть частью строго специального языка, т.к. компьютер на сегодняшний день — это многообразные технические новинки, которые окружают нас в быту. Как следствие этого на границе специального и общего языка совершаются функциональные процессы взаимообмена между терминами и общеупотребительными словами, проявленные в явлениях терминологизации естественного языка и детерминации специального [9].

Ещё не так давно компьютеры были изолированы друг от друга. Локальные сети, системы управления базами данных применялись в основном как инструмент внутренней автоматизации отдельных компаний и фирм. Последующий этап информационной революции неразделимо связан с возникновением глобальных компьютерных сетей, которые безгранично увеличили производительность и информационные возможности отдельных компьютеров. Начиная с 1995 года, ситуация стала заметно меняться к лучшему. Важнейшим стимулом данного процесса стало интернациональное признание международной компьютерной сети Интернет.

Компьютерная терминология связана с появлением электронных услуг и, практически, с момента создания всемирной сети Интернет. Это послужило толчком для объединения миллионов машин в глобальные компьютерные сети и способствовало дальнейшему развитию информационного рынка. Термин Интернет появился не ранее середины 80-х годов, а в широкое употребление он вошёл с начала 90-х годов XX века. В наши дни применимость слова Интернет очень высока. Оно уже вышло за пределы профессионального использования его.

Интернет — это весьма интересный источник для языковых исследований с точки зрения его языка, который появляется при создании виртуальных миров. Как известно, в настоящее время быстрыми темпами осуществляется компьютеризация всей деятельности человека. Данный факт затрагивает речевую деятельность человека и совокупность специальных слов и выражений, которую называем терминологией. Развитие Интернета и компьютерных технологий способствует появлению новых терминологических единиц в языке. М. М. Бахтин говорит о том, что все сферы

человеческой деятельности связаны с использованием языка, и Интернет как новое средство массовой коммуникации не является исключением [1. с. 159].

Началом становления мировой компьютерной сети Интернет принято считать конец 70-х годов XX века с появлением сети АРПАНЕТ, разработанной по заказу Министерства Обороны США в качестве военной сети передачи информации. Доступ к специализированным, скоростным каналам взаимосвязи, к мощным вычислительным ресурсам осуществлялся либо самими военными, либо корпорациями, исполняющими научно-исследовательские работы также для Министерства Обороны. В 80-е годы прошлого столетия АРПАНЕТ переросла в сообщество глобальных сетей всего мира, называемое Internet. Термин Internet происходит от терминологического сочетания Interconnected networks — связанные сети. Если раньше коммуникация в интернете предназначалась для деловых целей двух или нескольких человек, то сегодня коммуникация в сети приобрела массовый характер.

История компьютерной терминологии, на наш взгляд, тесно связана с развитием операционных систем, поэтому нужно упомянуть историю зарождения операционных систем, таких как Windows и Linux. «История создания Linux проста. Она началась в 1991 году. Финский аспирант Линус Торвальдс, приобретя пакет операционной системы MINIX, разочаровался в поставляемой с ней программе эмуляции терминала. Он решил переписать её, не привязывая ни к какой операционной системе. После некоторых модификаций начало появляться подобие ОС, а затем, когда исходный код был выложен на сервере, проект стал развиваться благодаря усилиям и, главное, энтузиазму программистов, после чего он стал полноценной операционной системой» [7. с. 14].

Проект взял многое от операционной системы UNIX, по принципу которой была создана Linux. «Работу над ней начал в 1969 году работник компании AT&T Bell Labs Кен Томпсон, намеревавшийся написать усечённый вариант операционной системы MULTICS, работа над которой некоторое время назад велась в этой компании. В результате получилась операционная система, написанная полностью на ассемблере и получившая шутовское название UNICS (UNiplexed Information and Computing Service примитивная информационная и вычислительная служба). Затем для удобства система была переименована в UNIX, так как конец слова читается одинаково в обоих случаях. Впоследствии к проекту присоединился Деннис Ритчи, а затем и весь его отдел. В процессе своего развития UNIX был переписан для более нового типа компьютеров и перенесён с языка ассемблер на язык высокого уровня C, который был создан Деннисом Ритчи для упрощения переноса UNIX на другой тип компьютера» [7. с. 14].

Одна из самых замечательных особенностей Linux — это огромный выбор между дистрибутивами. Ежегодно (если не ежемесячно) появляются новые дистрибутивы. Самый популярный и интересный дистрибутив, безусловно заслуживающий внимания, на наш взгляд, Ubuntu (от зулу Ubuntu — человечность; «Убунту») — операционная система, основанная на Debian GNU/Linux. Данная статья исключительно была подготовлена с использованием данной операционной системы. Основным разработчиком и спонсором является компания Canonical. Ubuntu ориентирована на удобство и простоту использования. Ubuntu, кроме того, имеет развитую интернационализацию, обеспечивающую предельную доступность для представителей различных языковых групп. История Ubuntu берёт своё начало в апреле 2004 года. Ubuntu оказалось термином, который ёмко высказывал откуда пришёл проект, куда он идёт и каким образом планирует это сделать. Название было идеальным и оно окончательно зафиксировалось.

На протяжении последних лет, операционная система Windows занимает ведущее место в плане реализации и масштабы применения. Если сопоставлять в процентном

содержании с другими наиболее распространёнными системами такими как, Mac OS или Linux, то только общая доля Windows составляет примерно 70-80%, в разные годы по-разному. В 1975 году Гейтс и Аллен создают компанию под названием "Майкрософт". Майкрософт имела глобальную цель — «компьютер на каждый рабочий стол и в каждый дом». Со временем Майкрософт приступает к изменению принципов работы, принятых в обществе. О выходе в свет Windows было объявлено в 1983 году, но на разработку понадобилось некоторое время. 20 ноября 1985 года, через два года после первоначального анонса, корпорация Майкрософт выпустила Windows 1.0 на рынок. Теперь вместо ввода команд MS-DOS нужно просто перемещать мышь и щелкать разные окна.

Таким образом, возникновение первых терминов приходится на середину XX в. и каждый последующий этап характеризуется своими источниками пополнения компьютерной терминологии, отражая развитие самой отрасли. В русской компьютерной терминологии отрицательной стороной процесса формирования терминов является отклонение от всех норм и правил и отсутствие единства в трактовке понятий в словарях и справочниках. Компьютерная терминология оказывает большое влияние на изменение стилевых норм и творческие способности современного человека.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений в семи томах. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х гг. / ред.: С. Г. Бачаров, Л. А. Гоготишвили; Ин-т мировой лит. — М.: «РУССКИЕ СЛОВАРИ», 1997. — 732 с.
2. Беляев М. А., Лысенко В. В., Малинина Л. А. Основы информатики: Учебник для вузов. — Ростов н/Д.: Феникс, 2006. — 352 с.
3. Зубов А. В., Зубова И. И. Информационные технологии в лингвистике: Учеб. пособие для студентов. — М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 208 с.
4. Кадырбекова Д. Х. Происхождение терминов информационных технологий в английском языке. Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. — 2013. Вып. 79. — С. 52 – 55.
5. Квитко И. С. Термин в научном документе. — Львов.: Вища школа, 1976. — 127 с.
6. Марчук Ю. Н. Компьютерная лингвистика. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. — 317 с.
7. Маслаков В. Linux на 100% (+DVD) / Маслаков В. — СПб.: Издательство "Питер", 2009. — 336 с.
8. Милуд, М.Р. Русско-французско арабский и французско-русско арабский словарь терминов информатики. — Марсель: El-Amir editions, 2023. — 174 с.
9. Милуд, М.Р. Наноконピューтерная терминология: Вопросы теории. — М: ИНФРА-М, 2022. — 125 с.

References in Roman script

1. Bahtin M. M. Sbranie sochinenij v semi tomah. T. 5. Raboty 1940-h – nachala 1960-h gg. / red.: S. G. Bacharov, L. A. Gogotishvili; In-t mirovoj lit. — M.: «RUSSKIE SLOVARI», 1997. — 732 s.
2. Beljaev M. A., Lysenko V. V., Malinina L. A. Osnovy informatiki: Uchebnik dlja vuzov. — Rostov n/D.: Feniks, 2006. — 352 s.
3. Zubov A. V., Zubova I. I. Informacionnye tehnologii v lingvistike: Ucheb. posobie dlja studentov. — M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2004. — 208 s.
4. Kadyrbekova D. H. Proishozhdenie terminov informacionnyh tehnologij v anglijskom jazyke. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. Iskusstvovedenie.— 2013. Vyp. 79. — S. 52 – 55.
5. Kvitko I. S. Termin v nauchnom dokumente. — L'vov.: Vishha shkola, 1976. — 127 s.
6. Marchuk Ju. N. Komp'juternaja lingvistika. — M.: АСТ: Vostok-Zapad, 2007. — 317 s.
7. Maslakov V. Linux na 100% (+DVD) / Maslakov V. — SPb.: Izdatel'stvo "Piter", 2009. — 336 s.

8. Milud, M.R. Russko-francuzsko arabskij i francuzsko-russko arabskij slovar' terminov informatiki. — Marsel': El-Amir editions, 2023. — 174 s.
9. Milud, M.R. Nanokomp'juternaja terminologija: Voprosy teorii. — M: INFRA-M, 2022. — 125 s.

References

1. Bakhtin, M. M. Collected works in seven volumes. Vol. 5. Works of the 1940s – early 1960s / ed.: S. G. Bacharov, L. A. Gogotishvili; Institute of World Literature. Moscow, Russian dictionaries Publ., 1997. 732 p. (In Russian).
2. Belyaev, M. A., Lysenko, V. V., Malinina, L. A. Fundamentals of computer science: Textbook for universities. Rostov-on-Don, Phoenix Publ., 2006. 352 p. (In Russian).
3. Zubov, A.V., Zubova, I. I. Information technologies in linguistics: Study guide for students. Moscow, Publishing center "Academy", 2004. 208 p. (In Russian).
4. Kadyrbekova, D. H. Origin of information technology terms in English // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art history. 2013. issue 79. pp. 52-55. (In Russian).
5. Kvitko, I. S. The term in a scientific document. Lviv, Vishcha shkola Publ., 1976. 127 p. (In Russian).
6. Marchuk, Yu. N. Computational linguistics. Moscow, ACT East-West Publ., 2007. 317 p. (In Russian).
7. Maslakov, V. Linux at 100% (+DVD). Saint. Petersburg, Peter Publishing House, 2009. 336 p. (In Russian).
8. Miloud, M. R. Russian-French Arabic and French-Russian Arabic dictionary of computer science terms. Marseille, El-Amir editions, 2023. 174 p. (In Russian, French & Arabic).
9. Miloud, M.R. Nanocomputer terminology: Questions of theory. Moscow, INFRA-M, 2022. 125 p. (In Russian).

УДК 801.314:81`37:004

Ессад Асия
преподаватель
Университет Алжир 2 им. Абу Эль касем
Саад Аллах
Алжир, г. Алжир
e-mail: assia.yessad@univ-alger2.dz

Yessad Assia
Teacher
Algiers University 2 named after Abu Elkassem
Saad Allah
Algiers, Algeria
e-mail: assia.yessad@univ-alger2.dz

А. Ессад

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ПОЛИСЕМИИ В СПЕЦИАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НА МАТЕРИАЛЕ ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Аннотация. Статья посвящена изучению полисемии как одной из актуальных и дискуссионных проблем в современной лингвистической литературе. В работе рассматриваются теоретические подходы к причинам возникновения терминологической полисемии. Проанализированы на материале военного подязыка особенности проявления многозначности, при этом установлено, что семантические варианты термина могут иметь как близкие по смыслу значения, так и характеризоваться слабой смысловой связью между дефинициями. В статье предпринята попытка исследовать полисемантический термин посредством анализа его функционирования в межотраслевых областях знания. Выявлено, что применение многозначных терминов в различных терминосистемах обуславливает их межотраслевый характер. На основе проведенного анализа автор приходит к заключению о неизбежности полисемии в терминологии и, как следствие, о принципиальной невозможности существования идеального, абсолютно однозначного термина.

Ключевые слова: многозначность, термин, терминология, военная терминология, межотраслевая полисемия

Для цитирования: Ессад А. К вопросу о проблеме полисемии в специальной терминологии на материале военной терминологии. *Русистика без границы. Международно научнописание*, 2025, Том IX, кн. 4, С. 16–26.

А. Yessad

ON THE ISSUE OF THE POLYSEMY PROBLEM IN SPECIALIZED TERMINOLOGY BASED ON MILITARY TERMINOLOGY

Abstract. The paper is devoted to the study of polysemy as one of the topical and controversial issues in modern linguistic literature. The article considers theoretical approaches to the causes of terminological polysemy. The peculiarities of the manifestation of ambiguity are analyzed on the basis of the military sublanguage, while it is established that the semantic variants of the term can have both similar meanings and be characterized by a weak semantic connection between definitions. The paper attempts to explore the polysemantic term by analyzing its functioning in intersectoral fields of knowledge. It is revealed that the use of ambiguous terms in various terminological systems determines their intersectoral nature. Based on the analysis, the author comes to the conclusion about the inevitability of polysemy in terminology and, as a result, about the fundamental impossibility of the existence of an ideal, absolutely unambiguous term.

Keywords: ambiguity, term, terminology, military terminology, intersectoral polysemy

For citation: Essad A. On the issue of the polysemy problem in specialized terminology based on military terminology. *Russian Studies without Borders. International scientific Journal*, 2025, Vol. IX, Iss. 4, pp. 16–26.

В условиях стремительного развития новых отраслей науки и техники, количество новых слов в разных языках мира составляет научная терминология или терминологические единицы, формирующие особый пласт лексики.

Термин является словом или словосочетанием метаязыка науки и прикладных дисциплин, поскольку он обозначает специфические реалии в конкретных областях практической деятельности человека.

Весьма спорным вопросом является определение природы термина. По этому поводу сложились два, в сущности, противоположных взгляда. Первая точка зрения, принадлежит Д.С. Лотте и его сторонникам. Он утверждает, что термины – это особые слова в лексическом составе естественного языка. Эту концепцию на Западе разделял австрийский ученый Е. Вюстер.

Другая точка зрения, принадлежит Г.О. Винокуру, который отмечает, что термины — это не особые слова, а слова в особой функции. Данную позицию разделяли другие языковеды, такие как А.А. Реформатский.

При разных определениях термина представляется важным его семантические, требования, предъявляемые к нему как особой единице языка. К семантическим характеристикам относятся непротиворечивость семантики, т. е. соответствие термина понятию; однозначность, полнзначность, под которой имеется в виду отражение в значении термина минимального количества признаков, достаточных для идентификации обозначаемого им понятия; отсутствие синонимов, систематичность, точность, краткость, независимость от контекста и способность выражать строго фиксированное понятие.

Другим спорным вопросом при обсуждении природы термина является вопрос о том, что является ли термин словом или значением слова, так как семантическая структура общеупотребительных значений многозначных слов является совокупностью различных значений, в том числе и терминологических. Мы уже видели, что некоторые лингвисты определяют термин как специальное слово или словосочетание научного и технического языка, используемое для выражения научных знаний. Номинативность всё-таки не может быть признана существенной чертой, отделяющей термин от прочих слов, поскольку номинативность является свойством языкового знака и номинативная функция свойственна не только терминам, но и, в частности, всем именам существительным и субстантивным словосочетаниям [3, с. 33].

Итак, термин всегда связывается с понятием, но понятия выражаются общеупотребительными словами. Эти уточняющие элементы формируют на самом деле терминологические словосочетания, или составные, или многословные термины, например: «тепловая энергия», «молекулярная биология» — вроде обычные словосочетания, но смысл у них единый. По этой причине такие термины напоминают фразеологизмы, потому что воспринимаются как одно неделимое выражение.

Таким образом, термин как единица ЯСЦ (язык для специальных целей) находится в постоянном взаимоотношении с другими лексемами для точного наименования и выражения специальных (или профессиональных) объектов, понятий, явлений или вида деятельности, при этом может обладать свойством многозначностью.

Вопрос многозначности термина остаётся на долгое время спорным среди лингвистов и языковедов. Семантика термина, как и другие общеупотребительные слова, под влиянием многих экстралингвистических причин меняет свою природу и приобретает со временем новые значения.

Лексическая система языка имеет бесконечные резервы для постоянного развития своего словарного запаса. Такие резервы оказываются в первую очередь в полисемантических словах.

Полисемия – очень распространенное явление во всех языках мира. Проявлением этой потенции является многозначность [4, с. 39].

Для наименования этого явления существует несколько терминов синонимов: многозначность, полисемия, семантическая деривация, неоднозначность. Самый широкий термин – многозначность. Он означает наличие в рамках языковой единицы более одного значения. Термин полисемия иногда употребляется как синоним термина многозначность, при этом под полисемией обычно понимается только лексическая многозначность. Указанное различие обнаруживается в функционировании соответствующих прилагательных: многозначным сможет быть лишь слово, тогда как многозначным – и выражение, и высказывание [9, с. 1]

Согласно словарям русского языка, глагол *идти* является самым многозначным словом в русском языке. В 4-х томах «Словаре русского языка» глагол имеет 26 свободных и 14 фразеологических значений. Однако в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова этот же глагол имеет более 40 значений [16].

К феномену многозначности ученые уделяли внимание уже со времен античности. Аристотель в «Поэтике» и в «Риторике» впервые характеризует многозначность, описывая связи значений внутри «слов, имеющих двоякий смысл». Но термин «полисемия» впервые употребил в своей работе «Очерки семантики» в 1897 г. французский ученый М. Бреаль. Под этим термином Бреаль понимал историческое развитие значения слова, приводившее к возникновению новых значений.

Это явление происходит из-за ряда причин таких как: необходимость в новых наименованиях; использование уже знакомых слов в другом значении, других социальных групп и т. п.

Полисемия образуется способом перехода обозначения с одного предмета на другой по их подобию или смежности, или по присутствию сильных связей значений между ними. Новая номинация через переносное значение строится с помощью ассоциаций, которые появляются между предметом, у которого уже есть наименование, и предметом, который нужно назвать [8, с. 900]. Например, переносные значения слова *крыло* (*подрезать крылья кому-то, опустить крылья, крылья выросли за спиной, встать на крыло*).

Термин, как ключевой элемент терминологии, функционирует в терминосистеме по тем же законам, что и любая лексическая единица в системе языка. В соответствии с научными или общественными нуждами, он находится в постоянном движении меняя свои структуру и семантику. Данный признак особенно ярко проявляется в таких явлениях, как полисемия и омонимия.

При полисемии термины теряют свою точность и начинают зависеть от контекста, что усложняет их анализ, особенно в тех случаях, когда они рассматриваются вне определённого дискурса. Явление многозначности термина в современном языкознании – очень сложный и дискуссионный вопрос среди лингвистов: часть учёных признаёт полисемию, другая же полностью отрицает её наличие.

Исследователи, отвергающие способность полисемии в терминологии, исходят из положения, по которому термин представляет собой актуализированное слово, интегрированное в терминологическую систему. В связи с этим термин приобретает специфические характеристики, позволяющие ему обозначать строго определенное специальное понятие и обеспечивать его разграничение от других понятий, входящих в состав данной системы. Е. Н. Толикина категорично высказывается по этому поводу: «В терминологической системе в соответствии с общей семантической закономерностью принципиально исключаются отношения омонимии и полисемии (один знак – одно обозначение)» [4, с. 39].

На основании этого многие исследователи делают вывод о том, что слова многозначны, а термин – однозначен. По мнению К.Я. Авербуха, полисемии в сфере терминов в собственном смысле нет, поскольку термин как функциональная единица, имеющая тенденцию к однозначности, не может без ущерба для коммуникации выполнять свою задачу в рамках данной терминосистемы [1, с. 131]. Все случаи отклонения термина от моносемичности он объясняет его неверным употреблением.

Д. С. Лотте детально анализирует требования, предъявляемые к научным и техническим терминам. Именно там он утверждает, что многозначность (омонимия) является одним из существенных недостатков терминологии, наряду с синонимией и неточностью. Исследователь подчеркивает, что термин должен быть лишен синонимии и омонимии, а также обладать «достаточной или полной ясностью» [8, с. 74].

Многозначность термина согласно сторонникам этого взгляда считается недостатком, так как это противоречит его назначению — точному и однозначному наименованию понятия.

В противовес данной точки зрения другая группа исследователей, признаёт существование полисемии терминов, объясняя ее либо «расслоением значений в зависимости от употребления слова в разных отраслях знания», либо частной деятельностью человека, в процессе которой «происходит постоянно взаимная “подгонка” элементов языка в обозначаемых ими элементах ситуации», либо как свойство термина функционировать в языке с разным объемом семантики «расслоением значений в зависимости от употребления слова в разных отраслях знания». С.В. Гринев, рассматривая данный вопрос, приходит к выводу, что «можно считать установленным в терминологии наличие как омонимии, так и полисемии, общность которых состоит в том, что одна лексическая форма используется для названия нескольких разных понятий» [4, с. 40].

Таким образом учёный поддерживает это мнение, считая, что «Многозначность — один из видов изменчивости терминов, которая является неизбежным следствием их развития и функционирования в постоянно меняющейся научной среде» [6, с. 138]. Однако для некоторых это явление считается «существенным недостатком», противоречащим однозначной природе термина, лишаящим его определённости и конкретности; оно является «одним из факторов, затрудняющих коммуникацию».

В настоящей статье рассматривается неизбежность явления полисемии в языке для специальных целей ЯСЦ и подчёркивается важность анализа семантической связи терминов с контекстом с целью обеспечения ясности. Особое внимание уделяется исследованию многозначных выражений в профессиональной и научной коммуникации. и необходимо изучить её семантическую связь с контекстом во избежание недопонимания. Анализ многозначных терминов в военной сфере занимает центральное место в нашем исследовании.

Объектом исследования выступают лексемы военного подъязыка и их употребление в других сферах. Целью является комплексное изучение явления многозначности в военной терминологии. Основным методом работы является методом сплошной выборки.

Другие лингвисты определяют явление полисемии как вполне закономерное, а возникновение новых значений на базе уже существующих рассматривают как реализацию закона языковой экономии и способ активизации творческой мысли: «При номинации термином другого денотата (объекта, понятия) возникает новое значение у того же термина, то есть развивается полисемия», то есть многозначность, может возникать в специальной терминологии, когда уже существующий термин начинает использоваться для обозначения нового объекта или понятия. Изменение значения

термина — это закономерный процесс в развивающейся терминологии, который отражает прогресс в знаниях и освоении мира.

Основной причиной возникновения терминологической многозначности является недостаточный объём корневого словарного материала по сравнению с количеством научно-технических понятий, поэтому для обозначения специальных понятий часто используются общеупотребительные слова. Термины, восходящие к общеупотребительным словам, становятся многозначными и «конкретизируют свое значение в контексте» [3, с. 49]. К причинам возникновения полисемии также относится «обозначение уже существующим в науке термином новых объектов и понятий – в зависимости от авторской исследовательской позиции, принадлежности к научной школе» [3, с. 51]. Кроме того, полисемия может быть обусловлена некритическим заимствованием терминов из иностранных языков.

Согласно российским и зарубежным ученым полисемия существует в разных видах. М. А. Южанникова предлагает доступный анализ существующих классификаций многозначности, с пояснением их особенностей. Автор подчеркивает трудности обозначения данного понятия в «русскоязычной научной парадигме и предлагает использовать термин двусмысленность, которая ею понимается как «наличие у высказывания или его фрагмента двух и более смыслов (проявляющихся одновременно или последовательно), обусловленное сочетанием языковых/речевых механизмов порождения двусмысленности с особым контекстом». Более того, по ее мнению, «двусмысленность» является наиболее адекватным для наименования соответствующего понятия среди терминов, обозначающих нарушение логического закона тождества, что отграничивает двусмысленность от таких смежных явлений, как неопределенность, омонимия, полисемия, синкретизм» [10, с. 105].

Изначально слово возникает с одним, прямым значением, которое служит для названия предмета. Затем к нему присоединяются производные, переносные значения. Они возникают вследствие переноса наименования с одного предмета или явления на другое на основании их сходства. В таких случаях речь идёт о развитии значения на базе метонимического переноса, или метонимии, под которой понимается перенос названия в результате смежности понятий.

По замечанию А.А. Реформатского, «при метонимическом переносе меняется не только вещь, но и понятие нацело»: при всех метафорических изменениях какой-нибудь признак первоначального понятия остается; так, в случае со словом гнездо прямое значение «жилище птицы», а переносные: «человеческое сообщество» [13, с. 45].

З.И. Комарова описала возможность трансформаций в содержательной структуре термина. В.П. Даниленко указывала на возможность образования в терминологии категориальной полисемии, истоки которой лежат в метафорическом и метонимическом переносе «Термин сам может появиться в результате метафорического переноса значений общелитературных слов (*башмак, лопатка, ложечка* и т. п.). Но став термином, этот знак утрачивает семантическую и другую связь с породившим его словом. Он становится новой единицей наименования в пределах новой лексической системы». [6, с. 59].

Многозначные слова «служат для обозначения различных предметов и явлений действительности» [там же]. Наличие определённой семантической связи между значениями многозначного слова «даёт основание считать их значениями одного и того же слова» [там же]. Проблема многозначности в терминологии представляется исключительно важной, так как «от использования терминов главным образом зависит точность описания научных понятий» [там же].

В.П. Даниленко отмечает, что контекст помогает понять, в каком значении употребляется полисемант: «В специальной речи термин всегда находится в контекстном окружении, которое конкретно реализует одно из возможных значений термина. Имеются в виду весьма характерные для терминологической лексики случаи категориальной многозначности, преодоление которой обеспечивается стандартным контекстом». При этом Д.С. Лотте утверждал, что значение термина «не может зависеть от того предложения, в котором он употреблен, а должно определяться лишь всей системой понятий и, соответственно, терминологией данной дисциплины, области знания» [8, с. 74].

Значения полисемантов могут быть очень близки по смыслу. В исследуемой терминологии часто встречаются и такие полисемические термины, определения которых связаны между собой слабо, однако определённое сходство обозначаемых ими понятий всё же имеется. Приведём несколько примеров: 1) Термин *стратегия* в обучении языков этот термин может подразумевать общая концепция обучения, базирующаяся на определенных лингвистических, психологических и дидактических принципах и определяющая подход к обучению. Реализуется на занятиях в виде метода или группы методов обучения [2, с. 295]. Однако использование этого термина с военными коннотациями может подразумевать агрессивные тактики против других: *стратегия военная* - составная часть военного искусства, его высшая область, охватывающая теорию и практику подготовки страны и военных сил к войне, планирование и ведение стратегических операций и войны в целом. Военная стратегия тесно связана с военной доктриной государства и руководствуется её положениями в решении практических задач. По отношению к другим составным частям военного искусства — оперативному искусству и тактике — военная стратегия занимает главенствующее положение и является единой для всех видов военных сил.

2) Термин *зона конфликта* в контексте проекта или бизнеса это может обозначать зону напряженности или усложнений, но вызывает опасения по поводу вопросов безопасности, а в военном контексте данный термин обозначает субъективно-объективное пространство, на которое распространяются интересы оппонентов данного конфликта. В ходе развития конфликта.

3) Термин *отряд* в профессиональной среде может означать рабочую группу. Однако слово способно создавать впечатление об отделениях или закрытых группах, практикующих исключение: *военностроительный отряд (ВСО) гидрографический отряд, отряд разграждения (разминирования), отряд обеспечения движения (ООД), отряд заграждения, отряд вертолётов, десантный отряд, передовой отряд, разведывательный отряд.*

4) Термин *тактика* в спорте или конкуренции это значит подготовленный план, но это может легко быть истолковано как манипуляция или нечестный подход в других ситуациях. В военной терминологии означает составную часть военного искусства, охватывающая теорию и практику подготовки и ведения боя подразделениями, частями (кораблями) и соединениями различных видов ВС, родов войск (сил) и специальных войск. Определяющие влияние на развитие тактики оказывает изменение вооружения и качества личного состава, подготовка и воспитание войск [11, с. 289].

Военная лексика играет важную роль в современном мире, особенно в СМИ, что обусловлено научно-техническим прогрессом и военно-политическими конфликтами. Однако эта лексика не избежала явления многозначности, ведь большинство её терминов постоянно обогащаются новыми значениями, заимствуются другими областями и входят в повседневную речь. Это может приводить к неясности там, где точность абсолютно необходима. Например, термин *батарея* может означать как артиллерийское

подразделение, так и источник энергии. Чтобы различать полисемию (одно и то же слово с несколькими связанными значениями) и омонимию (слова, совпадающие по форме, но не связанные по значению), необходимо изучать их семантическую связь и контекст употребления.

Изучение семантической связи для правильного понимания термина можно осуществить следующим путём:

1. Анализ фразы. Изучение того, как слово используется в конкретной ситуации. Например, фраза *военная операция была успешной* относится к военной миссии, однако *хирург провел успешную операцию* указывает на медицинскую процедуру.

2. Изучение конкретного контекста. Слова вокруг ключевого термина дают подсказки. Так, слова *войска* и *враг* указывают на военное значение.

3. Обращение к словарям и другими средствами, которые помогают прояснить и уточнить значение терминов, чтобы избежать путаницы.

4. Следить за семантическими связями. Если разные значения слова имеют общую концептуальную основу, это полисемия. Если такой связи нет, то речь тогда идёт об омонимии.

Семантический, синтаксический и этимологический анализ терминов особенно важен в лексикографии для чёткого разграничения полисемии и омонимии.

Приведём анализ нескольких многозначных терминов:

1. **Термин *наступление*** в военном значении обозначает вид военных действий, применяемый в целях разгрома противника и овладения важными районами (рубежами, объектами). Заключается в огневом поражении противника, решительной атаке, стремительном продвижении войск в глубину его расположения, уничтожения живой силы, захвате оружия, военной техники и намеченных районов местности (рубежей) [11, с.173]. Можно найти такие выражения, как: идти в *наступление* на врага или вести *наступление*.

Помимо военной сферы, термин используется в других контекстах, как:

1) В медицине: может означать появление или начало симптома или заболевания, например, *наступление болезни*. 2) В спорте: *наступление* используется для обозначения фазы атаки, сравн.: *наступление команды*.

Анализ термина *наступление* показал, что: 1) По семантике, хотя значения различны, все они сохраняют общую идею продвижения, начала активного действия или инициативы. Эта семантическая связь позволяет расширять использование слова, сохраняя его ключевую концепцию. 2) По этимологии *наступление* от глагола *наступить*, состоит из префикса *на-* и корня *ступ*. Префикс *на-* обычно указывает на движение или действие в направлении чего-то. Корень *ступ* связан с движением, шагом, что происходит от старославянского: *ступите* (ступать, шагать). Таким образом, *наступление* — это действие, связанное с продвижением вперёд или приходом чего-либо, например, *наступление* нового года или *наступление* новых обстоятельств.

Приведём другие примеры использования: 1) Военное значение: во время *наступления* наши войска захватили стратегические места врага. 2) В медицине: резкое *наступление* симптомов гриппа потребовало немедленной госпитализации. 3) В спорте: команда начала *наступление* на ворота соперника.

Таким образом, термин *наступление* хорошо иллюстрирует явление полисемии в русском языке, распространяясь на другие области, но сохраняя при этом ключевую идею продвижения или начала активного действия.

2. **Термин *оборона***: в военном значении — это вид боевых действий, основанный на защитных действиях вооружённых сил с целью отражения наступления противника.

Используются такие выражения как: *гражданская оборона, позиционная оборона*. вид военных действий, применяемый в целях срыва или отражения наступления (ударов) превосходящих сил противника и нанесения им поражения, прикрытия (удержания) занимаемой территории (районов, объектов, акваторий), экономии сил и средств на второстепенных (менее важных) направлениях, создания превосходства над противником на главных направлениях и условий для перехода своих войск в наступление [11, с.178].

В других областях термин *оборона* используется следующим образом: 1) в праве для обозначения защиты обвиняемого в суде, например, *право на оборону*. 2) в спорте: *оборона* относится к защитной фазе игры команды, например: *хорошая оборона команды*. По семантике *оборона* имеет разные значения, но все они сохраняют идею защиты, противодействия или сопротивления. Это позволяет расширить его использование в различных областях, сохраняя его ключевую концепцию. По этимологии: Термин *оборона* происходит от глагола *оборонять*, который, в свою очередь, связан с древнерусским глаголом *боронити* — защищать, сражаться. Корень этого слова *-борон-* этимологически восходит к тому же праславянскому корню, что и у слова *бороться* (*сражаться*). Префикс *о-* указывает на действие, охватывающее что-либо со всех сторон. Таким образом, изначальное значение слова *оборона* — это защищать что-либо, сражаясь вокруг него, например, *оборона территории* или *оборона в бою*.

Приведём несколько примеров использования: 1) военное значение: успешная *оборона* помогла спасти миллионы жителей города; 2) адвокат представил суду отличную *оборону* для своего подзащитного; 3) команда продемонстрировала слаженную *оборону* в последнем матче.

Несмотря на разницу в контекстах употребления, термин *оборона* сохраняет общую сему и смысловой компонент «защита от чего-либо» и, следовательно, является многозначным термином (полисемантом)

3. Термин защитник в военном значении обозначает человека или силу, которая защищает позицию, город или страну от нападения, как *защитник Отечества*. Кроме военной сферы, этот термин также может использоваться в следующих сферах: 1) В юриспруденции: Обозначает лицо, отстаивающее права другого в суде, например, *защитник обвиняемого*; 2) В спорте: Это игрок, основной задачей которого является оборона своей команды, например, *защитник в футбольном матче*.

Значения термина «защитник» варьируются в зависимости от контекста, но все они объединены общей идеей защиты, обороны или поддержки. Эта полисемия позволяет применять слово в различных ситуациях, сохраняя его ключевую семантику. По этимологии:

Термин «защитник» образован от основы глагола *защитить* при помощи суффикса *-ник*. Оно состоит из приставки *за-*, которая в данном случае указывает на действие, направленное на ограждение или прикрытие; корня *-щит-*, который восходит к существительному *щит* — древнему оборонительному вооружению (*щит* — *защитное военное снаряжение*) и суффикса *-ник*, который образует существительные со значением лица, характеризующегося по своему действию или роду занятий.

Итак, *защитник* можно интерпретировать как лицо, которое по своей функции защищает или охраняет что-либо или кого-либо. Этот термин хорошо иллюстрирует явление полисемии в русском языке, поскольку, возникнув в военной сфере, он нашёл широкое применение в других областях, сохраняя при этом основную идею защиты и обороны.

Проведённый анализ показывает, как одни и те же слова могут приобретать новые значения и адаптироваться к различным контекстам. Понимание этих механизмов позволяет избежать возможной путаницы.

Полисемия в военной терминологии может привести к серьёзным проблемам из-за важности и необходимости ясности и уточнения в коммуникации. Ключевым фактором является контекст, который позволяет однозначно определить, какое именно значение имеется в виду в конкретной ситуации. Точность формулировок в военной сфере должна оставаться высшим приоритетом для обеспечения эффективности и безопасности операций.

Всё это подтверждает вывод А. В. Суперанской о том, что «однозначность не свойство термина, а требование, к нему предъявляемое» [15, с. 44].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что несмотря на стремление к однозначности, полисемия в терминологии — это объективное и закономерное явление, вытекающее из общих семасиологических законов развития языка. Однако важно подчеркнуть, что термин, функционируя в рамках конкретной терминосистемы и определённого контекста, не может иметь более одного значения.

Многозначность проявляется в основном как межотраслевая полисемия, когда один и тот же термин приобретает разные значения в различных областях и сферах деятельности. Проведённый анализ военной лексики подтвердил ключевую роль контекста для правильной интерпретации терминов.

В итоге, мы разделяем мнение лингвистов, согласно которым в профессиональной речи необходимо стремиться к однозначности, однако полностью избавиться от полисемии на практике невозможно. Исследование доказывает, что термин — это особое слово, которое лишь стремится к однозначности. Вопреки традиционным взглядам, нарушение этого принципа является не исключением, а нормой, что подтверждается широким распространением явлений полисемии и омонимии в языке.

Библиографический список

1. Авербух К. Я. Общая теория термина: комплексно-вариологический подход: дисс. док. филол. наук, 2005. — 324 с.
2. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий / теория и практика обучения языкам. — М.: Изд. ИКАР, 2009. — 448 с.
3. Головин Б. Н., Кобрин Ю. Лингвистические основы учения о терминах. — М., 1987. — 103 с.
4. Горохова Н. В. Роль полисемии в специальной терминологии (на материале англоязычной терминологии трубопроводного транспорта) // Филологические науки. Вопросы теории и практики // Тамбов: Грамота, 2015. № 7. — С. 39-42
5. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение / Учебное пособие — М.: Академия, 2008. — 304 с.
6. Даниленко В.П. Русская терминология / Опыт лингвистического описания; АН СССР, Институт русского языка. — М: Наука, 1977. — 246 с.
7. Джуманиязова Д. К. Вопросы лексической полисемии в изучении русского языка // «Science And Education» Scientific Journal. 2023. С. 900 -906.
8. Лотте Д.С. «Основы построения научно-технической терминологии» / Вопросы Теории методики». Изд.: Академии наук СССР, 1961. — 158 с.
9. Мелконян Г.А. Динамика полисемии и омонимии в русском языке и её лексикографическое описание // «Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение» 2007. №1. С.138 -141.
10. Наумова Е. В. Термин «многозначность» и ее виды в отечественной и зарубежной лингвистике. // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. 2021. № 6. С.100-107.
11. Плехов А.М., Шапкин С. Г. Словарь военных терминов /Сост. А. М. Плехов. М. Изд. — Воениздат, 1988. — 335 с.

12. Пухаева Л.С. Полисемия и контекст // Журнал международных коммуникаций: русский язык. МГИМО МИД России. — 2019. — №4 (13). — С. 7-16.
13. Реформатский А. А. Введение в языкознание // Научный редактор В.А. Виноградов. — М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 1996. — С. 536.
14. Степанов Ю. С. «Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования»: Изд. 3-е: М. Академический проект, 2004. — 992 с.
15. Суперанская А. Васильевна Н.В., Подольская Н. В. Общая терминология — М. Изд.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 6-е. 2012. — 248 с.
16. Ушаков Д. Н.: Толковый словарь / Под ред. Д. Н. Ушакова. Изд.: АСТ . / Т. 1. М., 1935; Т. 2. М., 1938; Т. 3. М. 2007. — 910 с.

References in Roman script

1. Averbukh, K.Ya. Obshchaya teoriya termina: kompleksno -variologicheskii podkhod. Diss. Dok. filologicheskikh nauk. Ivanovo, 2005. — 324 s.
2. Azimov, E. G., Shchukin, A. N. Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponjatiy / teoriyai praktika obucheniya yazykam. — Moskva: Izdatel'stvo IKAR, 2009. — 448 s.
3. Golovin B. N., Kobrin R. Ju. Lingvisticheskie osnovy uchenija o terminah. — M.: Vayinaya shkola, 1987. — 105 s.
4. Gorokhova, N. V. Rol' polisemii v spetsial'noy terminologii (na materijale angloyazychno terminologii truboprovodnogo transporta). // Filologicheskie nauki Voprosy teorii i praktiki. — Tambov: Gramota, 2015. — No. 7. — S. 39–42.
5. Grinev-Grinevich, S. V. Terminovedenie / uchebnoye posobie. — M.: Akademiya, 2008. — 304 s.
6. Danilenko V. P. Russkaja terminologija: Opyt lingvisticheskogo opisanija. — M.: Nauka, 1977. — 246 s.
7. Dzhumaniyazova, D. K. Voprosy leksicheskoy polisemii v izuchenii russkogo jazika // Science and Education Scientific Journal, 2023, Vol. 4. S. 900— 906.
8. Lotte, D. S. Osnovy postroeniya nauchno-tekhnicheskoy terminologii: voprosy teorii i metodiki. — M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1961. — 158 s.
9. Melkonyan, G.A. Dinamika polisemii i omonimii v russkomyazyke i ee leksikograficheskaya interpretatsiya //Филология. Искусствоведение //vestnik algeyskogo gosudorstvennogo univesiteta. Seriya: 2 // filologiya i iskustvovedeniye, 2007. №1. С.138 —141.
10. Naumova, E. V. Termin «mnogoznachnost'» i ee vidy v otechestvennoy i zarubezhnoy lingvistike. // Vestnik SVFU imeni M.K. Amasova, 2021 No. 6. S.100-107.
11. Plekhov, A. M., & Shapkin, S. G. Slovar' voennykh terminov. — Moskva: Voenizdat, 1988. 335s.
12. Pukhaeva, L. S. Polisemiya i kontekst. // Mezhdunarodnye kommunikatsii: russkiy yazyk. MГИМО MID Rossii, No. 4, 2019. — №4 (13). — С. 7-16 [1, 2].
13. Reformatskiy, A. A. Vvedenie v yazykoznanie. Nauchnyy redaktor: V. A. Vinogradov. — Moskva: ASPEKT PRESS, 1996. S.536.
14. Stepanov, jy. S. Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya. — M.: Yazyki russkoy kul'tury, 2004. — 992 s.
15. Superanskaja A. V., Podol'skaja N. V., Vasil'eva N. V. Obshhaja terminologija. Voprosy teorii / Izd. 6-е. — M.: Knizhnyj dom «Librokom», 2012. — 248 s.
16. Ushakov, D. N. (red.). Tolkovij slovar' russkogo jazyka izd.: AST/ T.1., M., 1935, T.2.M., 1938, T.3.M., 2007.—910 s. Tom 1.

References

1. Averbukh, K. Ya. General Theory of the Term: A Complex Variological Approach. Doc. of Philological Sciences Dissertation, 2005. — 324 p. (In Russian).
2. Azimov, E. G., & Shchukin, A. N. New Dictionary of Methodological Terms and Concepts: Theory and Practice of Language Teaching. Moscow: IKAR Publishing House, 2009. — 448 p. (In Russian).
3. Golovin B. N., Kobrin R. Y. Linguistic Basis of the Teaching of Terms. Moscow, Higher School, 1987. — 105 p. (In Russian).

4. Gorokhova, N. V. The Role of Polysemy in Specialized Terminology (Based on English-Language Terminology of Pipeline Transport) // *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. Tambov: Gramota Publishing House, 2015. No. 7. — pp. 39–42. (In Russian).
5. Grinev-Grinevich, S. V. *Terminology Studies: A Textbook*. Moscow: Akademiya Publishing House, 2008. — 304 p. (In Russian).
6. Danilenko V. P. *Russian terminology: The Experience of linguistic descriptions*. Moscow, Science Publ., 1977. 246 p. (In Russian).
7. Jumaniyazova I. D. Issues of lexical polysemy in the study of the Russian language/"Science and Education" Scientific Journal / Impact Factor. March 2023 / Volume 4 Issue 3 (In Russian).
8. Lotte, D. S. *Fundamentals of the Formation of Scientific and Technical Terminology // Questions of Theory and Methodology*. M.: Academy of Sciences of the USSR, 1961. — 158 p. (In Russian).
9. Melkonyan, G. A. Dynamics of Polysemy and Homonymy in the Russian Language and Their Lexicographic Description. *Bulletin of Alyge state State University, Series 2: Philology. Art Studies*. 2007. №1. pp.138 —141. (In Russian).
10. Naumova, E. V. "The Term 'Polysemy' and Its Types in Russian and Foreign Linguistics." *Bulletin of the North-Eastern Federal University*, No. 6, 2021, pp. 100—107. (In Russian).
11. Plekhov, A.M., Shapkin, S.G. *Dictionary of Military Terms*. Compiled by A.M. Plekhov. Moscow: Voenizdat Publishing House, 1988. 335 p. (In Russian).
12. Pykhayeva L. S. Polysemy and the Context // *International Communications Journal: Russian Language*. MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, 2019, No. 4 (13), pp. 7–16. (In Russian).
13. Reformatsky A.A. *Introduction to linguistics* Edited by V. A. Vinogradov. — 5th revised edition. — Moscow: Aspect Press, 2004. pp.536. (In Russian).
14. Stepanov, Y. S. *Constants: Dictionary of Russian Culture/ A Research Study*. 3rd supplemented ed. — M.: Academic Project, 2004. 992 p. (In Russian).
15. Superanskaya A. V., Podolskaya N. B and others. *General terminology. Questions of theory* /Edited by T. L. Kandelaki. 6th edition. M.: Librokom Publ., 2012. 248 p. (In Russian).
16. Ushakov, D. N. *Explanatory Dictionary* / Edited by D. N. Ushakov. Pub.: AST. Volume 1. Moscow, 1935. 910 p. (In Russian).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 378.147

Саньярова Найля Смаджаровна
кандидат педагогических наук,
ассоциированный профессор
Казахский национальный университет
имени аль-Фараби
Казахстан, г. Алматы
e-mail: n.s.sanjarova@gmail.com

Sanjarova Nailya Smadjjarovna
Associate Professor, Ph.D. in Pedagogy
Al-Farabi Kazakh National University
Kazakhstan, Almaty
e-mail: n.s.sanjarova@gmail.com

Н.С. Саньярова

СПЕЦИФИКА ОБОСОБЛЕННЫХ ПАРЦЕЛЛИРОВАННЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ЯЗЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

Аннотация. В статье рассматривается специфика парцеллированных конструкций, в том числе и обособленных. Научная новизна данной темы исследования заключается в том, что автор предлагает свое видение экспрессивности парцеллированных конструкций. Цель исследования – **показать, что экспрессивность языка художественной прозы далеко не одинакова, и это** позволяет говорить о ней с позиции интенсивности. Структурно-сопоставительный и семантический методы анализа позволили выявить различия в степенях интенсивности экспрессивности между типами вариантных синтаксических конструкций: обособленных членов предложения, обособленных парцеллированных конструкций и парцеллированных конструкций. Согласно результатам исследования, степень интенсивности экспрессивности исследуемых конструкций может быть определена соответственно, как минимальная, средняя и максимальная. В заключение отметим, что специфика парцеллированных конструкций выражается не только в их экспрессии, но и в том, что сама экспрессивность неоднородна по степени интенсивности. Делается основной вывод о том, что специфика обособленных парцеллированных конструкций в языке художественной прозы выражается в максимальной степени интенсивности экспрессивности.

Ключевые слова: специфика парцеллированных конструкций, инвариантные синтаксические конструкции, обособленные члены предложения, обособленные парцеллированные конструкции, степени интенсивности экспрессивности

Для цитирования: Саньярова Н.С. Специфика обособленных парцеллированных конструкций в языке художественной прозы. *Русистика без границы. Международно научное списание.* – София, 2025, Том IX, кн. 4, С. 27–37.

N.S. Sanjarova

SPECIFICS OF ISOLATED PARCELLED CONSTRUCTIONS IN THE LANGUAGE OF FICTION

Abstract. The article discusses the specifics of packaged structures, including isolated ones. The scientific novelty of this research topic lies in the fact that the author offers his own vision regarding the expressiveness of the parceled structures. The purpose of the study is to show that the expressivity of the language of fiction is far from uniform, which allows us to talk about it from the standpoint of intensity. Structural-comparative and semantic analysis methods allowed us to identify differences in the degrees of intensity of expressivity between the types of variant syntactic constructions: isolated sentence members, isolated partial constructions and partial constructions. According to the results of the study, the degree of their intensity of expressivity can be defined as minimum, average and

maximum, respectively. In conclusion, we note that the specificity of the packaged constructions is expressed not only in their expression, but also in the fact that the expressivity itself is heterogeneous in the degree of intensity. The main conclusion is made that the specificity of isolated parcel constructions in the language of fiction is expressed in the maximum degree of intensity of expressivity.

Keywords: specifics of partial constructions, invariant syntactic constructions, isolated minor members of a sentence, isolated partial constructions, degree of intensity of expressivity

For citation: Sanjyarova N.S. Specifics of isolated parcelled constructions in the language of fiction. *Russian Studies without Borders. International scientific Journal*. – Sofia, 2025, Vol. IX, Iss. 4, pp. 27–37.

Введение

Экспрессия как семантическая категория парцелированных конструкций позволила систематизировать ряд синтаксических явлений и выдвинуть новую концепцию – экспрессивный синтаксис как самостоятельное направление в лингвистике. Однако лингвисты по-прежнему уделяют недостаточно внимания специфике обособления в парцелированных конструкциях. Как отмечает Н.Н. Остринская, «в центре внимания исследователей парцелляции оказались структурные особенности парцелированных конструкций, их интонационные характеристики, стилистические особенности, семантическое наполнение элементов, коммуникативные особенности и экспрессивность» [11, с. 38]. Это указывает на то, что специфика обособленных парцелированных конструкций ранее не входила в круг первоочередных задач при изучении парцелляции.

В последние годы наблюдается активизация интереса к данной проблеме: появляются статьи и диссертационные исследования, в которых предпринимаются попытки расширить представление о парцелированных конструкциях через уточнение структурно-семантической, функциональной, коммуникативной роли обособления в расчлененных конструкциях, активно используемых, прежде всего, как средство экспрессии в языке художественной прозы.

Художественная проза по своей природе экспрессивна. Одним из ярких проявлений экспрессии являются парцелированные конструкции, возникающие после основного высказывания – после точки. В рамках экспрессивного синтаксиса выделяются два типа таких конструкций: необособленные и обособленные. Например:

1. Необособленные парцелированные конструкции: «*А сколько бы еще он подарил мне карандашей! Красных, зелёных, жёлтых...*» (Саин Муратбеков);

2. Обособленные парцелированные конструкции: «*Форма тогда уже была иной, но содержание её не изменилось: она по-прежнему оставалась одеждой моего поколения. Самой красивой и самой модной*» (Борис Васильев).

В рамках нашего исследования особый интерес с позиции определения интенсивности экспрессивности представляют обособленные парцелированные определения, выраженные прилагательными и адъективными оборотами, размещённые после основного высказывания.

Мы предполагаем, что экспрессия как семантическая категория демонстрирует неравномерную степень выраженности в зависимости от типа синтаксических конструкций, функционирующих в художественном тексте, что позволяет говорить о **степени интенсивности экспрессивности**.

Отметим, что любые разновидности присоединительных конструкций [13] будем именовать парцелированными на том основании, что они находятся в парцелированном пространстве, что визуально подтверждается финальным

пунктуационным знаком – точкой, расположенной после основного высказывания. Например: «*Страшно признаться, но я хочу, чтоб этот человек знал, что она мне как песня...И, должно быть, последняя*» (Николай Погодин); «*...Среди прочих телеграмм будет и его. Причем самая необычная*» (Константин Лапин).

Цель статьи – рассмотреть взгляды ученых на специфику парцелированных конструкций, которые используются в языке художественной прозы как стилистический и грамматический приемы текстообразования; а также выявить различия в степени интенсивности экспрессивности между типами инвариантных синтаксических конструкций.

Материалы и методы

В исследовании использованы описательный, структурно-сопоставительный и семантический методы анализа. Языковой материал отобран из личной картотеки автора.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим взгляды ученых на специфику парцелированных конструкций в языке художественной прозы. Е.А. Иванчикова отмечает, что «основной функцией парцелляции является экспрессивное выделение той или иной части высказывания» [7, с. 285-286]. Эта точка зрения была принята в языкознании большинством лингвистов, укрепляя относительно новое синтаксическое направление – экспрессивный синтаксис. Об экспрессивности парцелированных конструкций пишет и ряд других лингвистов, взгляды которых совпадают. Так, согласно концепции В.А. Масловой, «основной функцией экспрессивности как раз и является усиление воздействия на интеллектуальную, эмоциональную и волевою сферы личности реципиента. Экспрессивность изменяет эмоциональное состояние носителя языка, влияя таким образом на его целенаправленную деятельность» [9, с. 12]. По мнению С.К. Болотовой, «основной функцией парцелляции является экспрессивная, направленная на придание большей смысловой и эмоциональной нагрузки отдельным компонентам высказывания с целью воздействия на читателя» [3, с. 278]. Подобная точка зрения отражена и в диссертационном исследовании Г.И. Шпаревой, которая пишет, что «единственная функция парцелляции заключается в экспрессивном выделении того элемента(ов) синтаксической конструкции, на который(е) автор намеренно направляет фокус внимания читателя» [19, с. 104]. Сравнение данных определений показывает, что парцелированные конструкции прежде всего наделены экспрессивной функцией, которая тесно связана с прагматической функцией, эмоционально воздействующей на восприятие читателя / реципиента. Более того, В.А. Маслова указывает, что экспрессивность художественных текстов «признается *облигатной*, т. е. обязательной для любого текста категорией» [9, с. 4], что естественным образом отражается на их языке.

Несколько иной взгляд на специфику парцелляции высказывает Е.Г. Сидорова, которая считает, что при парцелировании намерения автора часто вызваны желанием актуализировать, подчеркнуть те или иные аспекты ситуации: «Спецификой парцелированных конструкций в коммуникативном аспекте можно считать возможность двойного актуализирования информации» [15, с. 43].

Немаловажную роль в парцелированных конструкциях играет и пунктуационное оформление, которое также наделено экспрессией, подчеркивающей необычную подачу актуальной информации. Не случайно З.Я. Омаева считает, что «точка, стоящая после каждой части высказывания, способствует резкой смене интонации и увеличению экспрессии» [10, с. 21].

Кроме этого, по мнению Ю.Г. Богоявленской, назначение финальной синграфемы состоит в том, что «разрывая линейную последовательность графических вербальных

знаков, она выделяет наиболее значимый с точки зрения автора информационный отрезок» [2, с. 193].

Таким образом, анализ взглядов ученых на природу парцеллированных конструкций позволяет сделать вывод о том, что специфика парцеллированных конструкций заключается в их экспрессии, что вполне согласуется с задачами экспрессивного синтаксиса, который был метко охарактеризован Н.В. Черниковой и Е.С. Копыловой как такой, который «включает эмоционально окрашенные воплощения синтаксических единиц: словосочетаний и предложений» [18]. Как видим, парцеллированные конструкции по умолчанию являются эмоционально окрашенными единицами. Мы также согласны с точкой зрения ученых, которые считают, что в целом парцеллированные конструкции «усложняют смысловое и экспрессивное содержание высказывания» [цит. по 18]. Очевидно, что в данных конструкциях смысловое содержание в сочетании с ярко выраженной экспрессией становится более глубоким, полным, запоминающимся, позволяя полнее акцентировать внимание адресатов речи на важных с точки зрения информативности моментах, положениях, событиях, характеристиках, то есть на всем том, что связано с восприятием и ощущением человека.

Вместе с тем, сам факт наличия в языке художественного текста парцеллированных конструкций является неординарным синтаксическим событием, которое успешно «ломает» привычное построение предложений. Это событие многократно усиливается, если парцеллированные конструкции присутствуют в художественной прозе в виде обособленных второстепенных членов; они позволяют смещать смысловой центр на передний план, позиционируя себя в структурно-семантическом и коммуникативном плане как значимые и весомые актуализаторы предложения, текста. Специфика обособления в парцеллированных конструкциях проявляется таким образом, что степень интенсивности их экспрессивности становится более заметной, эмоциональной, насыщенной, динамичной, чем в обычных парцеллированных конструкциях.

Полагаем, что экспрессия и ее составляющие наиболее ярко проявляются у обособленных парцеллированных определений, выраженных прилагательными и адъективными оборотами. Это объясняется тем, что именно прилагательные в языке художественной прозы вносят весомый вклад в экспрессию языка; при этом их экспрессивность заметно подавляет другие части речи. Так, И.Б. Голуб и С.Н. Стародубец по поводу роли прилагательных в художественном тексте пишут, что «качественные прилагательные, в которых наиболее полное выражение получают грамматические черты имени прилагательного как части речи, обладают самыми яркими экспрессивными свойствами» [6, с. 230]. Подобного мнения придерживается и Ю.В. Трушкина при характеристике имен прилагательных. Автор указывает, что в значениях прилагательных «образность и экспрессивность заложены изначально – как способность к высокой степени метафоричности, к выражению различных степеней проявления признака и оценочности» [16, с. 60]. Следовательно, имена прилагательные по большей части экспрессивны в силу своей природы; именно поэтому они могут выступать в роли гарантов, что любые типы предложений, имеющие в своем составе прилагательные, будут экспрессивны, а их местонахождение в обособленной позиции будет лишь способствовать значительному увеличению степени интенсивности экспрессивности.

Основанием для выявления степени интенсивности экспрессивности обособленных членов предложения, обособленных парцеллированных конструкций и парцеллированных конструкций стал тот языковой факт, что они являются вариантными синтаксическими конструкциями [14] подобно тому, как парцеллированные конструкции являются вариантными конструкциями с непарцеллированными конструкциями [8, с. 94; 9, с. 67; 1, с. 36].

Появление экспрессивных предложений, конструкций объясняется тем, что они, чаще всего, находятся в постпозиции после определяемых слов. Следовательно, на синтаксическом уровне экспрессия может образоваться под влиянием измененного порядка слов, т.е. инверсии, обособления [19]. Измененный порядок слов наблюдается и у обособленных членов предложения в рамках простого предложения, и у обособленных парцелированных конструкций, когда часть высказывания выносится за его пределы, после точки, а точнее – после определяемых слов, в постпозицию. Парцелированные конструкции не зависят от порядка слов, их интонационно-обособленное расчленение зависит от конкретного типа предложения и смысла, когда адресат речи хочет придать им большую самостоятельность и усилить экспрессивную окраску. Парцелированные конструкции, подобно обособленным парцелированным конструкциям, также находятся после основного высказывания, после точки, и относятся к средствам экспрессивного синтаксиса. Следовательно, данные синтаксические построения являются инвариантными синтаксическими конструкциями, которым в полной мере свойственна экспрессивность, однако степень интенсивности экспрессивности распределена между ними, на наш взгляд, неодинаково.

Академик В.В. Виноградов еще в 1954 году обратил внимание на наличие экспрессии у обособленных членов предложения: «Обособленные члены предложения обычно наполнены живой экспрессией, подчеркиваются логически или эмоционально» [5, с. 26]. Это значит, что суть любого обособления проявляется в его экспрессивности, которая будет отличаться, на наш взгляд, лишь степенью ее интенсивности, потому что интонационно-смысловое обособление неоднородно по своим признакам.

Обособление членов предложения проходит в рамках простого предложения, например: «*Она проснулась оттого, что на нее упала ветка, сухая, короткая*» (Николай Тихонов); «*В голосе старухи, не по годам звучном и трепетном, были и гнев, и ласка, и горечь, и восторг, и боль, и надежда*» (Мухтар Ауэзов); «*Вот почему по ночам она тихонько уходила из королевской опочивальни в свою потайную комнатку, похожую на пещеру, и плела там одну рубашку-панцирь за другой*» (Ханс Кристиан Андерсен). Экспрессивность обособленных членов предложения остается замкнутой, не выходит за пределы предложения. Поэтому можно предположить, что степень интенсивности экспрессивности у обособленных членов предложения будет минимальной.

Обособление же парцелированных конструкций реализуется в абсолютно непривычных условиях, в соответствии с грамматическим и коммуникативным механизмом текстообразования и нетривиальной синтаксической позицией [12, с. 103], под которой Ф.И. Панков понимает в том числе и расположение любых членов предложения после основного высказывания – после точки. Например: «*А он всегда был неутомимо весел, шутил, смеялся, мужественно скрывая свои страдания... старался ободрить слабых. Добрый, чуткий, милый...*» (Максим Горький); «*Он вышел из квартиры. Твердый, несгибаемый, не способный на компромиссы*» (Ильяс Есенберлин); «*И весь он был какой-то вороной словно. Черный до синевы, косматый, рослый*» (Лев Кассиль). Экспрессивность парцеллятов, также находящихся в обособленной позиции, будет значительно выше, чем у обособленных членов предложения, она выходит за пределы основного высказывания и реализуется в отдельном предложении – парцелляте. В этом случае можно утверждать, что обособленным парцеллятам свойственна максимальная степень интенсивности экспрессивности. Степень интенсивности экспрессивности обособленных парцелированных конструкций выражается гораздо сильнее, ее невозможно игнорировать, чему способствует их местоположение и, как следствие, – пунктуационное оформление, как правило, в виде точки.

Что же касается обычных парцелированных конструкций, то они являются промежуточным экспрессивным звеном, находясь между обособленными членами предложения и обособленными парцелированными конструкциями. Мы наделяем их средней степенью интенсивности экспрессивности. Например: «Города, начинающиеся с вокзалов... Есть у каждого города возраст и голос. Есть одежда своя. И особенный запах. И лицо. И не сразу понятная гордость» (Роберт Рождественский): «В прошлом году все они на Ручьях к весне начали пухнуть от голода, и у неё лицо отекло. Но даже в то время Нюрка по-прежнему каждую субботу бегала на лесопункт. Одна. По тёмному лесу» (Федор Абрамов); «Матч затянулся, но Виктору домой не хотелось. Вероятно, из-за Муси» (Владимир Добровольский).

Заметим, что на признание неодинаковой степени интенсивности экспрессивности данных предложений и конструкций может повлиять и субъективное восприятие читателей / реципиентов, которое может не совпадать на интуитивно-чувственном уровне.

Сравнительно-сопоставительный анализ имеющихся примеров показал, что их экспрессивный потенциал не одинаков. Степень интенсивности экспрессивности языка художественной прозы может увеличиваться или же уменьшаться в соответствии с определенными синтаксическими построениями.

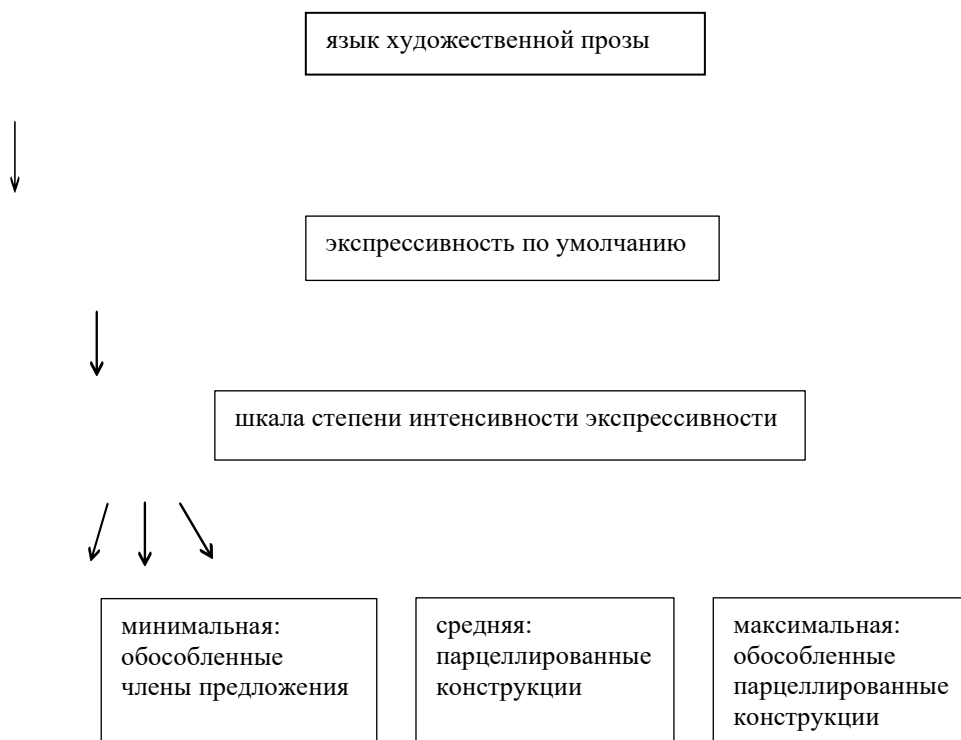
Наши доводы находят подтверждение в работах ученых, что позволяет говорить о неодинаковой степени интенсивности экспрессивности у данных предложений. Так, согласно диссертационному исследованию Б. Турсунова, одним из дифференцирующих признаков обособленных парцеллятов является «характер их самостоятельности» [17, с. 28], который проявляется в мысли как о «возведении в квадрат», т. е. речь идет о большей смысловой, эмоционально-экспрессивной нагрузке обособленного компонента присоединительной конструкции по сравнению с обычными обособленными членами предложения. Это положение о большей смысловой, эмоционально-экспрессивной нагрузке обособленных присоединительных / парцелированных конструкций означает, что их экспрессивность намного превосходит экспрессивность обычных обособленных членов предложения и обычных парцелированных конструкций, что мы полностью поддерживаем.

О том, что на степень интенсивности экспрессивности влияет порядок слов (инверсия), характерный и для парцеллятов, находящихся в обособленной позиции, указывают и другие ученые, в частности М.Н. Везерова и Е.Г. Сиверина. Авторы, рассматривая парцелированные определения (согласованные и несогласованные) в предложении «Упала птица на балкон. / Маленькая, дымчатого цвета (144)», пишут, что «парцелирование в данном случае способствует еще большему интенсифицированию признака, чем полупредикативное обособление» [4, с. 183]. Как видим, степень интенсивности экспрессивности у обособленных парцеллятов выражена ярче и сильнее, чем у обособленных членов предложения и у парцелированных конструкций.

Анализ взглядов ученых на специфику парцелированных конструкций показал, что она состоит в наличии ярко выраженной экспрессивности. Однако сравнение с позиции степени интенсивности экспрессивности обособленных парцеллятов на фоне обособленных членов предложений и парцелированных конструкций наглядно показало, что эмоционально-смысловая нагрузка обособленных парцеллятов выражена до предела, максимально выразительно. Обособленные парцелляты в языке художественной прозы находятся в центре смыслового внимания, они являются актуализаторами информации и составляют рему высказывания. Визуальное пунктуационное оформление обособленных парцелированных конструкций также способствует тому, чтобы читающие невольно обращали на них внимание, что

достигается за счет финального знака – точки после основного высказывания. Отсюда – специфика обособленных парцелированных определений, выраженных прилагательными и адъективными оборотами, состоит в том, что на шкале степени интенсивности экспрессивности любых интонационно-смысловых отрезков они наделены максимальной степенью интенсивности экспрессивности.

Исходя из вышеизложенного, схематично градацию степени интенсивности экспрессивности можно представить следующим образом:

Данная схема, на наш взгляд, прозрачна и потому убедительна, в ней достаточно ясно прослеживается четкая тенденция, обусловленная различной степенью интенсивности экспрессивности, которая соответствует конкретным синтаксическим предложениям и конструкциям и тем самым напрямую влияет на экспрессию языка художественной прозы.

Выводы

Обзор литературы показал следующее. Лингвисты уделяют недостаточно внимания специфике обособления в парцелированных конструкциях. Это объясняется тем, что основное внимание уделялось прежде всего структурным, интонационным, семантическим и другим особенностям парцелляции (Н.Н. Остринская). Ученые считают, что основной функцией парцеллятов является экспрессивная (Е.А. Иванчикова; В.А. Маслова; Г.И. Шпарева). Другая точка зрения выражается в том, что специфика парцелированных конструкций проявляется в возможности двойного актуализирования информации (Е.Г. Сидорова). Немаловажная роль принадлежит и пунктуационному оформлению парцелированных конструкций, чаще всего – это точка, т.е. пунктуация по своей сути также экспрессивна (З.Я. Омаева; Ю.Г. Богоявленская). Взгляды ученых согласуются с задачами экспрессивного синтаксиса, который является эмоционально окрашенным воплощением синтаксических единиц (Н.В. Черникова и Е.С. Копылова). Весомый вклад в экспрессию языка художественной прозы вносит наличие

прилагательных, которые экспрессивны по своей природе (И.Б. Голуб и С.Н. Стародубец; Ю.В. Трушкина).

Между тем, специфика парцелированных конструкций заключается не только в ее экспрессивности: с позиций интенсивности экспрессивность различна. Подобно вариантным синтаксическим конструкциям в виде парцелированных конструкций и непарцелированных конструкций (Е.В. Литвиненко; В.А. Маслова; А.Ю. Баранова и О.В. Четверикова), на синтаксическом уровне нами выделены такие варианты синтаксические конструкции, как обособленные члены предложения, обособленные парцелированные конструкции и парцелированные конструкции (Н.С. Саньярова). Указанные синтаксические построения образованы за счет инверсии, обособления (Г.А. Шпарева), и все они являются по своей сути экспрессивными.

Ученые подтверждают наличие экспрессивности у обособленных членов предложения (В.В. Виноградов). Экспрессивность парцелированных конструкций реализуется в соответствии с механизмом текстообразования и нетривиальной синтаксической позицией (Ф.И. Панков). Однако их экспрессивный потенциал неодинаков, что подтверждается мнениями других ученых. Обособленные парцелляты наделены большей смысловой, эмоционально-экспрессивной нагрузкой, чем обычные обособленные члены предложения (Д. Турсунов). Аналогичное мнение выражают и другие авторы (М.Н. Везерова и Е.Г. Сиверина).

Таким образом, обзор взглядов ученых на специфику парцелированных конструкций и анализ приведенных примеров позволяет сделать вывод о том, что они не просто экспрессивны, а наделены разной степенью интенсивности, которая в языке художественной прозы может увеличиваться или же уменьшаться в соответствии с определенными синтаксическими построениями. Сравнение инвариантных синтаксических конструкций показало, что минимальная степень интенсивности экспрессивности присуща обособленным членам предложения, находящимся в рамках простого предложения; средняя степень – парцелированным конструкциям, расположенным после основного высказывания, после точки; максимальная степень интенсивности экспрессивности характерна для обособленных парцелированных конструкций, также размещенных после основного высказывания, после точки. Экспрессивность вариантных синтаксических конструкций с позиции степени интенсивности подчеркивает уникальную способность языка художественной прозы быть экспрессивной по умолчанию.

Библиографический список

1. Баранова А.Ю., Четверикова О.В. Textoобразующий потенциал обособленных членов предложения // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 2: Филология и искусствознание. – 2015. – Вып. 3 (164). – С. 31-38.
2. Богоявленская Ю.Г. Теория и методология сопоставительного когнитивно-семиотического корпусного исследования парцелляции во французских и русских печатных СМИ: дис ... докт. филол. наук. – Екатеринбург, 2016. – 502 с.
3. Болотова С.К. Структурно-семантические особенности парцелированных синтаксических конструкций в прозе Д. Глуховского (на материале сборника «Рассказы о Родине») // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». – 2016. – Т. 7. – № 4. – С. 275-279.
4. Везерова М.Н., Сиверина Е.Г. Парцелляция в стихотворениях А. Демьянова // Категории в исследовании, описании и преподавании языка: сб. науч. тр. к 80-летию Е.С. Скобликовой / Отв. ред. Н.А. Илюхина. – Самара: Самарский ун-т, 2004. – С. 182-189.
5. Виноградов В.В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. – 1954. – № 1. – С. 3-29.

6. Голуб И.Б., Стародубец С.Н. Стилистика русского языка и культура речи: учебник. – М.: Юрайт, 2018. – 455 с.
7. Иванчикова Е.А. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции // Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1977. – С. 277-301.
8. Литвиненко Е.В. Семантическое и синтаксическое осложнение структуры предложения в результате обособления и парцелляции его компонентов (опыт диахронического исследования): дис. ... докт. филол. наук. – Киев, 1984. – 401 с.
9. Маслова В.А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста: учебное пособие. – Минск: Высшая школа, 1997. – 156 с.
10. Омаева З.Я. Синтаксические конструкции экспрессивного типа как средство выражения авторских интенций (на материале художественных произведений В.В. Набокова): автореф. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2006. – 27 с.
11. Остринская Н.Н. Экспрессивность французской культуры в выразительных средствах языка // Известия Волгоградского гос. педаг. ун-та. – 2006. – № 2. – С. 35-41.
12. Панков Ф.И. Парцелляция как лингвистический механизм текстообразования // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: мат. VIII междунар. науч. конф.: в 2 т. Т. 2. / Отв. ред. Л.А. Нефедова. – Челябинск: Энциклопедия, 2016. – С. 103-107.
13. Саньярова Н.С. Присоединительные и парцеллированные конструкции, расположенные после точки, как единое структурно-семантическое образование русского языка // Нижневартковский филологический Вестник. – 2024. – № 2. – С. 52-70.
14. Саньярова Н.С. Обособление, парцелляция и варианты синтаксические конструкции // Нижневартковский филологический Вестник. – 2025. – № 2. – С. 45-58.
15. Сидорова Е.Г. Парцеллированные конструкции как средство реализации конструктивно-стилевого вектора современного газетного текста // Вестник Волгоградского гос. ун-та. – Сер. 2. – Вып. 6. – 2007. – С. 40-46.
16. Трушкина Ю.В. Особенности функционирования и экспрессивные возможности имен прилагательных в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» // Сб. науч. трудов по мат. Международ. научно-практ. конф. «55-е Евсевьевские чтения. Филология и филологическое образование в поликультурном пространстве России XXI века». – Саранск, 2019. – С. 59-65.
17. Турсунов Б. Присоединение как особый тип синтаксической связи: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – СПб., 1993. – 36 с.
18. Черникова Н.В., Копылова Е.С. Приемы экспрессивного синтаксиса // Наука и образование. – 2022. – Т. 5. – № 2. – URL: <https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/4799/4834>
19. Шпарева Г.И. Репрезентация средств экспрессивного синтаксиса (парцелляции и инверсии) в русском, чувашском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Чебоксары, 2023. – 202 с.

References in Roman script

1. Baranova A.Yu., Chetverikova O.V. Tekstoobrazuyushchiy potencial obosoblennykh chlenov predlozheniya // Vestnik Adygeyskogo gos. un-ta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedeniye. – 2015. – Вып. 3 (164). – С. 31-38.
2. Bogoyavlenskaya Yu.G. Teoriya i metodologiya sopostavitelnogo kognitivno-semioticheskogo korpusnogo issledovaniya partsellyatsii vo frantsuzskikh i russkikh pechatnykh SMI: dis ... dokt. filol. nauk. – Ekaterinburg. 2016. – 502 s.
3. Bolotova S.K. Strukturno-semanticheskiye osobennosti partsellirovannykh sintaksicheskikh konstruktsiy v proze D. Glukhovskogo (na materiale sbornika «Rasskazy o Rodine») // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Seriya «Gumanitarnyye nauki». – 2016. – Т. 7. – № 4. – С. 275-279.
4. Vezerova M.N., Siverina E.G. Partsellyatsiya v stikhotvoreniyakh A. Demytyeva // Kategorii v issledovanii. opisanii i prepodavanii yazyka: Sb. nauch. tr. k 80-letiyu E.S. Skoblikovoy / Отв. red. N.A. Ilyukhina. – Samara: Samarskiy un-t. 2004. – С. 182-189.

5. Vinogradov V.V. Nekotoryye zadachi izucheniya sintaksisa prostogo predlozheniya (na materiale russkogo yazyka) // *Voprosy yazykoznaneya*. – 1954. – № 1. – S. 3-29.
6. Golub I.B., Starodubets S.N. *Stilistika russkogo yazyka i kultura rechi: uchebnik*. – M.: Yurayt, 2018. – 455 s.
7. Ivanchikova E.A. *Partsellyatsiya. eye kommunikativno-ekspressivnyye i sintaksicheskiye funktsii // Russkiy yazyk i sovetskoye obshchestvo: Morfologiya i sintaksis sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. – M.: Nauka. 1977. – S. 277-301.
8. Litvinenko E.V. *Semanticheskoye i sintaksicheskoye oslozhneniye struktury predlozheniya v rezultate obosobleniya i partsellyatsii ego komponentov (opyt diakhronicheskogo issledovaniya): dis. ... dokt. filol. nauk*. – Kiyev. 1984. – 401 s.
9. Maslova V.A. *Lingvisticheskiy analiz ekspressivnosti khudozhestvennogo teksta: uchebnoye posobiye*. – Minsk: Vysshaya shkola. 1997. – 156 s.
10. Omayeva Z.Ya. *Sintaksicheskiye konstruksii ekspressivnogo tipa kak sredstvo vyrazheniya avtorskikh intentsiy (na materiale khudozhestvennykh proizvedeniy V.V. Nabokova): avtoref. ... kand. filol. nauk*. – Makhachkala. 2006. – 27 s.
11. Ostrinskaya N.N. *Ekspressivnost frantsuzskoy kultury v vyrazitelnykh sredstvakh yazyka // Izvestiya Volgogradskogo gos. pedagog. un-ta*. – 2006. – № 2. – S. 35-41.
12. Pankov F.I. *Partsellyatsiya kak lingvisticheskiy mekhanizm tekstoobrazovaniya // Slovo. vyskazyvaniye. tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kulturologicheskom aspektakh: mat. VIII mezhdunar. nauch. konf.: v 2 t. T. 2. / Otv. red. L.A. Nefedova*. – Chelyabinsk: Entsiklopediya. 2016. – S. 103-107.
13. Sanjyarova N.S. *Prisoyedinitelnyye i partsellirovannyye konstruksii. raspolozhennyye posle tochki kak edinoye strukturno-semanticheskoye obrazovaniye russkogo yazyka // Nizhneartovskiy filologicheskiy Vestnik*. – 2024. – № 2. – S. 52-70.
14. Sanjyarova N.S. *Obosobleniye, partsellyatsiya i variantnyye sintaksicheskiye konstruksii // Nizhneartovskiy filologicheskiy Vestnik*. – 2025. – № 2. – S. 45-58.
15. Sidorova E.G. *Partsellirovannyye konstruksii kak sredstvo realizatsii konstruktivno-stilevogo vektora sovremennogo gazetnogo teksta // Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta*. – Ser. 2. – Vyp. 6. 2007. – S. 40-46.
16. Trushkina Yu.V. *Osobennosti funktsionirovaniya i ekspressivnyye vozmozhnosti imen prilagatelnykh v romane M.A. Bulgakova «Belaya gvardiya» // Sb. nauch. trudov po mat. Mezhdunarod. nauchno-prakt. konf. «55-e Evseyevskiy chteniye. Filologiya i filologicheskoye obrazovaniye v polikulturnom prostranstve Rossii XXI veka»*. – Saransk. 2019. – S. 59-65.
17. Tursunov B. *Prisoyedineniye kak osoby tip sintaksicheskoy svyazi: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk*. – SPb., 1993. – 36 s.
18. Chernikova N.V., Kopylova E.S. *Priyemy ekspressivnogo sintaksisa // Nauka i obrazovaniye*. – 2022. – T. 5. – № 2. – URL: <https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/4799/4834>
19. Shpareva G.I. *Reprezentatsiya sredstv ekspressivnogo sintaksisa (partsellyatsii i inversii) v russkom. chuvashskom i angliyskom yazykakh: dis. ... kand. filol. nauk*. – Cheboksary. 2023. – 202 s.

References

1. Baranova A.Yu., Chetverikova O.V. *Text-forming potential of isolated members of a sentence // Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and Art Criticism*. – 2015. – Issue. 3 (164). – P. 31-38. (In Russian).
2. Bogoyavlenskaya Yu.G. *Theory and methodology of comparative cognitive-semiotic corpus study of parcellation in French and Russian print media: diss ... Doctor of Philological Sciences*. – Ekaterinburg, 2016. – 502 p. (In Russian).
3. Bolotova S.K. *Structural and semantic features of parcelled syntactic constructions in the prose of D. Glukhovskiy (based on the collection "Stories about the Motherland") // News of higher educational institutions. Series "Humanities"*. – 2016. – V. 7. – No. 4. – P. 275-279. (In Russian).
4. Vezerova M.N., Siverina E.G. *Parceling in the poems of A. Demytyev // Categories in the study, description and teaching of language: Coll. scientific. works for the 80th anniversary of E.S. Skoblikova / Ed. N.A. Ilyukhin*. – Samara: Samara University, 2004. – P. 182-189. (In Russian).

5. Vinogradov V.V. Some problems of studying the syntax of a simple sentence (based on the Russian language) // *Voprosy yazykoznaniiya*. – 1954. – No. 1. – P. 3-29. (In Russian).
6. Golub I.B., Starodubets S.N. Stylistics of the Russian language and culture of speech: textbook. – M.: Yurait, 2018. – 455 p. (In Russian).
7. Ivanchikova E.A. Parceling, its communicative-expressive and syntactic functions // *Russian language and Soviet society: Morphology and syntax of the modern Russian literary language*. – M.: Nauka, 1977. – P. 277-301. (In Russian).
8. Litvinenko E.V. Semantic and syntactic complication of the sentence structure as a result of the isolation and parceling of its components (an experience of diachronic research): dis. ... doctor of philological sciences. – Kyiv, 1984. – 401 p. (In Russian).
9. Maslova V.A. Linguistic analysis of the expressiveness of a fiction text: a tutorial. – Minsk: Higher School, 1997. – 156 p. (In Russian).
10. Omaeva Z.Ya. Syntactic constructions of the expressive type as a means of expressing the author's intentions (based on the fiction of V.V. Nabokov): author's abstract ... candidate of philological sciences. – Makhachkala, 2006. – 27 p. (In Russian).
11. Ostrinaya N.N. Expressiveness of French culture in expressive means of language // *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*. – 2006. – No. 2. – P. 35-41. (In Russian).
12. Pankov F.I. Parceling as a linguistic mechanism of text formation // *Word, utterance, text in cognitive, pragmatic and cultural aspects: materials of the VIII international. scientific conf.: in 2 vols. Vol. 2.* / Ed. L.A. Nefedova. – Chelyabinsk: Encyclopedia, 2016. – P. 103-107. (In Russian).
13. Sanjyarova N.S. Connecting and parceled constructions located after the period as a single structural-semantic formation of the Russian language // *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*. – 2024. – No. 2. – P. 52-70. (In Russian).
14. Sanjyarova N.S. Isolation, parcellation and variant syntactic constructions // *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*. – 2025. – No. 2. – P. 45-58. (In Russian).
15. Sidorova E.G. Parceled constructions as a means of implementing the constructive-stylistic vector of a modern newspaper text // *Bulletin of the Volgograd State University*. – Series 2. – Issue 6. – 2007. – P. 40-46. (In Russian).
16. Trushkina Yu.V. Features of functioning and expressive possibilities of adjectives in the novel by M.A. Bulgakov "The White Guard" // *Collection of scientific works on mat. Int. scientific-practical. conf. "55th Evseev Readings. Philology and Philological Education in the Multicultural Space of Russia in the 21st Century"*. – Saransk, 2019. – P. 59-65. (In Russian).
17. Tursunov B. Joining as a Special Type of Syntactic Connection: author's abstract. dis. ... doctor of philological sciences. – St. Petersburg, 1993. – 36 p. (In Russian).
18. Chernikova N.V., Kopylova E.S. Techniques of Expressive Syntax // *Science and Education*. – 2022. – V. 5. – No. 2. – URL: <https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/4799/4834> (In Russian).
19. Shpareva G.I. Representation of Expressive Syntax Means (Parcellation and Inversion) in Russian, Chuvash and English: dis. ...cand. Philol. Sci. – Cheboksary, 2023. – 202 p. (In Russian).

УДК 811.161.1'373.612.2

Долгова Елена Юрьевна
кандидат филологических наук, доцент
Самарский государственный социально-
педагогический университет
Россия, г. Самара
e-mail: dolgova@pgsga.ru

Dolgova Elena Yuryevna
Associate Professor, Ph.D. in Philology
Samara State University of Social Sciences and
Education
Russia, Samara
e-mail: dolgova@pgsga.ru

Харитоновна Юлия Александровна
магистрант
Самарский государственный социально-
педагогический университет
Россия, г. Самара
e-mail: kharitonova.u@sgspu.ru

Kharitonova Julia Alexandrovna
Master's student
Samara State University of Social Sciences and
Education
Russia, Samara
e-mail: kharitonova.u@sgspu.ru

Е.Ю. Долгова, Ю.А. Харитоновна
**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КОНЦЕПТА «ТОСКА» НА МАТЕРИАЛЕ
АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ МИХАИЛА ЗОЩЕНКО «ПЕРЕД
ВОСХОДОМ СОЛНЦА»**

Аннотация. Исследование посвящено анализу языковой репрезентации эмоционального концепта «тоска» в идиостиле Михаила Зощенко на материале автобиографической повести «Перед восходом солнца». Актуальность темы исследования определяется культурологической значимостью концепта «тоска» в русской языковой картине мира и недостаточной изученностью его индивидуально-авторской интерпретации у Зощенко. В работе применяется комплекс методов, включая концептуальный, контекстологический, семантико-стилистический анализ. В исследовании выявляется многоуровневая структура концепта в авторской концептосфере, включающая ядро, центр и периферию. Устанавливается, что основными синонимами ключевой лексемы «тоска» в идиостиле писателя выступают «меланхолия» и «хандра». Определяются когнитивные признаки концепта, среди которых прототипическими, определяющими характеристиками выступают: тоска как тягостное и тяжелое чувство, тоска как страдание, болезнь и несчастье.

Ключевые слова: художественный дискурс, концепт, тоска, идиостиль Михаила Зощенко, когнитивные признаки, языковая репрезентация

Для цитирования: Долгова Е.Ю., Харитоновна Ю.А. Лингвистическая модель концепта «тоска» на материале автобиографической повести Михаила Зощенко «Перед восходом солнца». *Русистика без границ. Международно научнописание*, 2025, Том IX, кн. 4, С. 38–50.

E. Yu. Dolgova, Yu. A. Kharitonova
**A LINGUISTIC MODEL OF THE CONCEPT «SADNESS» BASED ON MIKHAIL
ZOSHCHENKO'S AUTOBIOGRAPHICAL STORY «BEFORE SUNRISE»**

Abstract. The study is devoted to the analysis of the linguistic representation of the emotional concept «sadness» in the idiolect of Mikhail Zoshchenko, based on his autobiographical story «Before Sunrise». The relevance of the research stems from the cultural significance of the concept «sadness» in the Russian linguistic worldview and from the insufficient scholarly attention to its individual-author interpretation in Zoshchenko's works. The study employs a set of methods, including conceptual, contextual, and semantic-stylistic analysis. The study reveals a multilayered structure of the concept within the author's conceptual sphere, including its core, center, and periphery. It is established that the

main synonyms of the key lexeme «sadness» in the writer's idiolect are «melancholy» and «moping». The cognitive features of the concept are identified, among which the prototypical, defining characteristics are: sadness as a burdensome and heavy feeling, sadness as suffering, illness, and misfortune.

Keywords: literary discourse, concept, sadness, idiolect of Mikhail Zoshchenko, cognitive features, linguistic representation

For citation: Dolgova E. Yu., Kharitonova Yu.A. A linguistic model of the concept «sadness» based on Mikhail Zoshchenko's autobiographical story «Before sunrise». *Russian Studies without Borders. International scientific Journal*, 2025, Vol. IX, Iss. 4, pp. 38–50.

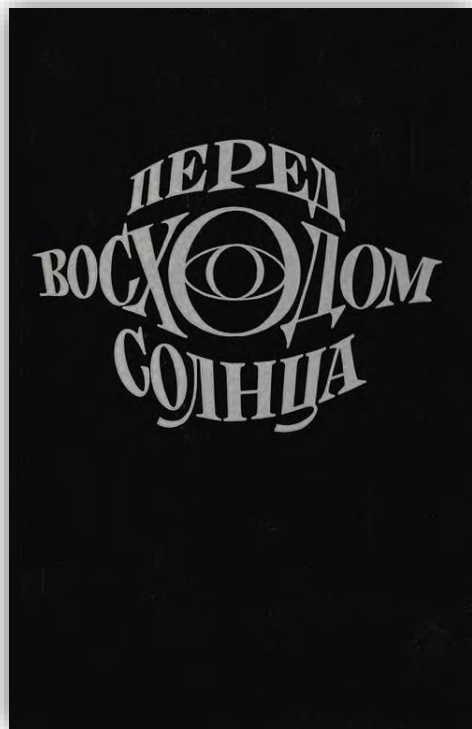
Каждый язык, репрезентуя картину мира, конструирует систему взаимосвязанных мыслительных образов, закрепленную в концептах. Концепт – один из основных способов отражения ментальности и культуры народа. В настоящем исследовании концепт трактуется как «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Понятие „концепт“ отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких квантов знания» [9, с. 90].

Проблеме языковой концептуализации мира и когнитивному подходу к изучению единиц языка и речи посвящено большое количество научных трудов (см. работы С.А. Аскольдова, А.П. Бабушкина, З. Д. Поповой и И. А. Стернина, В.В. Колесова, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А.Н. Бабушкина, Л.Ю. Буяновой, А. Вежбицкой, В.В. Виноградова, С.Г. Воркачева, А. Зализняк, В.И. Карасика, Ю.Н. Караулова, Е.С. Кубряковой, Д.С. Лихачева, А.Г. Лыкова, А. Масловой, М.В. Пименовой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, Г.Г. Слышкина, Ю.С. Степанова, А.Д. Шмелёва и др.).

Лингвистическая концептология позволяет оформить обобщенное представление и знание о каком-либо фрагменте действительности, используя лингвистические средства, и хотя, по замечанию авторов «Антологии концептов», такое описание не будет исчерпывающим, «так как оно основывается только на языковых данных, а концепты как единицы сознания имеют и невербализованную часть содержания; вместе с тем анализ содержания концептов через данные языка дает достаточно богатый и наиболее достоверный и проверяемый материал для описания концептов» [1, с. 5].

Одним из ключевых в русской языковой картине мира является концепт «тоска» – сложное и многогранное явление русской культуры, отражающее особенности национального характера, мироощущения и художественного творчества. Он связан с поиском идеала и смысла жизни и нашел свое отражение в философско-художественной картине мира классиков русской литературы: А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. А. Блока, М. И. Цветаевой, А. А. Ахматовой, А. П. Платонова и многих других. К проблеме языковой репрезентации данного концепта и его индивидуально-авторской интерпретации в идиостиле того или иного автора обращались такие ученые, как А.В. Алексеев, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, И.Ю. Вертелова, Д.Н. Володина, И.А. Волостных, А.В. Воробьева, Е.Н. Димитрова, Анна А. Зализняк, В.В. Колесов, Н.А. Красавский, И.Б. Левонтина, Е.А. Окунева, А.М. Погорелко, И.В. Ракова, Ю.С. Степанов Н.А. Фатеева, Л.В. Чеснокова, М.М. Чин-Шу-Лан, А.Д. Шмелев, К.В. Шмугурова и др.

Объектом настоящего исследования стал концепт «тоска» в индивидуально-авторской картине мира Михаила Михайловича Зощенко. В отечественной филологической науке творчество М.М. Зощенко чаще становилось предметом внимания в литературоведческом аспекте. В лингвистической русистике произведения М.М. Зощенко, как правило, изучались с точки зрения эмотивности текста или способов и приемов создания комического эффекта. Реже лингвистическому анализу подвергалась индивидуально-авторская концептуальная картина мира М.М. Зощенко, отраженная в языке произведений писателя. Так, исследования Т.А. Бычковой посвящены описанию концептов «страх», «жизнь – смерть», «разум» в идиолекте писателя¹. Концепт «тоска» у М.М. Зощенко тесно связан и во многом имеет обширные области пересечения с указанными концептами.

Цель данного исследования – описать структуру и языковые средства репрезентации концепта тоска» в индивидуально-авторской картине мира М.М. Зощенко на материале автобиографической повести «Перед восходом солнца».

Начиная повесть в 1935 году, Зощенко писал: «Когда я вспоминаю свои молодые годы, я поражаюсь, как много было у меня горя, ненужных тревог и тоски. Самые чудесные юные годы были выкрашены черной краской. В детском возрасте я ничего подобного не испытывал. Но уже первые шаги молодого человека омрачились этой удивительной тоской, которой я не знаю сравнения. Я стремился к людям, меня радовала жизнь, я искал друзей, любви, счастливых встреч... Но я ни в чем этом не находил себе утешения. Все тускнело в моих руках. Хандра преследовала меня на каждом шагу. Я был несчастен, не зная почему» [7, с. 45].

В этих начальных строчках повести обретают зримые очертания основные атрибуты концепта «тоска» в сознании писателя. Они затем не раз встретятся на страницах повести: *горе, тревога, тоска* (удивительная, не сравнимая ни с чем), *черная краска, омрачиться, тускнеть; стремиться, искать..., но не находить утешения; хандра преследует; несчастен, не зная почему.*

Рассмотрим структуру и средства репрезентации концепта «тоска» в индивидуально-авторской картине мира М.М. Зощенко.

Так же, как и в русской языковой картине мира, концепт «тоска» в идиостиле Зощенко имеет многоуровневую полевою структуру, повторяя особенность большинства ключевых для русской ментальности концептов. В структуре концепта мы

¹ См.: Бычкова Т.А. Концепты СТРАХ и СМЕРТЬ в контексте творчества М.М. Зощенко // Тезисы докладов 5-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ч. I. – Ижевск, 2001; Бычкова Т.А. Концепт РАЗУМ в языковой картине мира М.М. Зощенко // Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика. – Тезисы Международной научной конференции «Бодуэновские чтения» (Казань, 11-13 декабря 2001 года). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001; Бычкова Т.А. Концепт «Жизнь-смерть» в идиолекте Михаила Зощенко: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2004.

будем выделять ядро, конституируемое прототипическими элементами (лексемами, отображающими базовый чувственный образ), центр (базовые слои, обволакивающие ядро, в последовательности от менее абстрактных и высокочастотных к более абстрактным и низкочастотным) и периферию (интерпретационное поле концепта, содержащее оценки и трактовки содержания ядра концепта индивидуальным сознанием автора). Принадлежность того или иного элемента к периферии концепта не свидетельствует о его неважности или незначительности для концептосферы в целом.

Фундаментом всей архитектоники концепта «тоска» является исходный чувственный образ, манифестированный внутренней формой ключевой лексемы *тоска*: др.-русск. *тъска* из праслав. **tiskati* – ‘сжимать, сдавливать’; **těsnъ* – ‘тесный’ [13, с. 88]. В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П.Я. Черных *тоска* определяется как «тяжелое душевное состояние, характеризующееся томлением, грустью, тревогой, унынием и упадком сил» [14, с. 253].

Базовый чувственный образ представлен в семантической структуре синонимов лексемы *тоска*, конституирующих ядерную и околоядерную (центральную) область концепта. Различные по составу синонимические ряды к лексеме *тоска* по данным современных словарей литературного языка представлены в Табл. 1. При моделировании тех или иных областей концепта на уровне общеязыковой картины мира важно учитывать стилистическую характеристику конститuentов и частотность их употребления. Стилистически маркированные лексемы (с пометами *разг.* и *устар.*) не могут претендовать на принадлежность к ядерной области концепта. Для индивидуально-авторской картины мира данный признак не является определяющим.

Табл. 1. Синонимы лексемы *тоска* в русском языке

Синонимы лексемы <i>тоска</i>	Словарь синонимов русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой [10]	Большой толковый словарь русских существительных / под общ. ред. Л.Г. Бабенко [2]	Словарь синонимов русского языка / под общ. ред. Л.Г. Бабенко [11]	Большой универсальный словарь русского языка / под ред. В.В. Морковкина [4]
меланхолия	+	+ син. депрессия	+ (книжн.)	+
хандра	+	+ (разг.)	+ (разг.)	+
уныние	+	+	+	+
скука	-	+	-	+
печаль	-	+	-	-
грусть	-	+	-	-
тоскливость	+	+	-	
ипохондрия	+	+ (устар.)	+ (устар.)	-
сплин	+	+ (устар.)	+ (устар.)	-
тревога	-	+	-	-

В индивидуально-авторской картине мира М.М. Зощенко, так же, как и в русской языковой картине мира, инвариантным значением, на базе которого последовательно

упорядочиваются все элементы концепта, обладает лексема *тоска* (в тексте повести 76 словоупотреблений). Её основными синонимичными субститутами в повести Зощенко выступают лексемы *меланхолия* (25 словоупотреблений) и *хандра* (17 словоупотреблений). Они конституируют наиболее близкую к ключевой лексеме ядерную область авторской концептосферы. Зощенко часто употребляет лексемы *тоска*, *меланхолия* и *хандра* в одном микроконтексте, стараясь зафиксировать возможные нюансы в проявлении обозначаемых ими эмоциональных состояний.

Напр.: (1) *И много лет я не знаю, что такое хандра, меланхолия, тоска.* (2) *Два дня я чувствую себя прекрасно. На третий день у меня снова хандра, снова перебои сердца, мрак и меланхолия.* (3) *Нет, ни в одной истории я не нашел несчастного происшествия, которое испортило мою жизнь, создало мне меланхолию и тоску.* (4) *Я хотел, чтоб вокруг меня были здоровые, цветущие люди, а не такие, как я сам, – склонные к хандре, меланхолии и грусти.*

О том, что в сознании писателя указанные состояния дифференцированы, свидетельствует их функционирование в качестве самостоятельных активных агенсов: (5) *Меланхолия и тоска сжимали меня в своих объятьях.* (6) *Я презираю интеллигентский труд – это умственное ковыряние, от которого, должно быть, исходят меланхолия и хандра.*

Полный синонимический ряд у М.М. Зощенко выглядит следующим образом: *тоска* (76 словоупотреблений), *меланхолия* (25 словоупотреблений), *хандра* (17 словоупотреблений), *грусть* (6 словоупотреблений), *тревога* (5 словоупотреблений), *уныние* (2 словоупотребления), *печаль* (2 словоупотребления), *ипохондрия* (2 словоупотребления). Синонимы *тоскливость*, *скука*, *сплин* М.М. Зощенко не употребляет.

Несмотря на то, что в семантической структуре лексем *грусть*, *тревога*, *уныние*, *печаль*, *ипохондрия* содержится базовый чувственный образ, они конституируют окооядерную (центральную) область концепта в силу своей низкочастотности. Существительное *грусть* автор использует в тексте 6 раз: (7) *Удивительно сказать, но в мое время грусть считалась признаком мыслящего человека. В моей среде уважались люди задумчивые, меланхоличные и даже как бы отрешенные от жизни.* (8) *Я хотел, чтоб вокруг меня были здоровые, цветущие люди, а не такие, как я сам, – склонные к хандре, меланхолии и грусти.* (9) *...Её глаза затуманились необыкновенной грустью.* (10) *С грустью я возвращался к своей лодке.* (11) *С грустью я шел по деревенской улице.* (12) *С превеликой грустью я вернулся домой.*

В (7) и (8) примерах значение лексемы *грусть* наиболее близко к значению ключевой лексемы *тоска*. На это указывает в (7) примере правосторонний поддерживающий контекст: *...люди задумчивые, меланхоличные и даже как бы отрешенные от жизни*; в (8) – левосторонний поддерживающий контекст: *люди, ...склонные к хандре, меланхолии*. В тексте встречаются лексемы *грустный* и *грустно* (как слово категории состояния). Несколько раз Зощенко использует в повести апонимы лексем *веселый* и *весело* для обозначения состояния грусти (*невеселый*, *невесело*). Апонимы отрицают какое-либо качество с помощью апофатической частицы *не-*, но не утверждают противоположное, позволяя таким образом обозначить оттенок, промежуточную степень одного качества через отрицание другого: (13) *Не скрою от вас: я испугался, когда мне вдруг пришла мысль, что надо найти причину – отчего скованы мои силы и почему мне так невесело в жизни и почему бывают такие люди, как я, – склонные к меланхолии и беспричинной тоске.* (14) *Лицо у него невеселое. Он мрачен.* (15) *У него удивительно невеселые глаза.*

Лексему *тревога* Зощенко использует редко, как правило, в форме множественного числа: *как много было у меня горя, ненужных тревог и тоски; ...мои тревоги, волнения, чувства*. Еще реже встречается в тексте синоним *уныние*: *... я бы хотел жить так, чтоб не особенно стареть, чтоб не знать жалкой слабости, дряхлости, уныния*.

Существительное *печаль* в качестве синонима ключевой лексики *тоска* употреблено автором в составе цитаты из «Шильонского узника» Байрона (*И новая печаль мне сжала грудь...*), а также в составе выражения *с печалью во взоре*, которое можно считать речевым субститутутом устойчивого словосочетания *с тоской в глазах*. Иногда, описывая свое состояние, автор употребляет слово категории состояния: *Как больно и как печально! ...очень печально*. Прилагательное *печальный* (30 словоупотреблений) Зощенко упоминает преимущественно в значении «достойный печали, сожаления»: *печальные слова, печальная фраза, печальные дни, печальная действительность, печальное зрелище, печальное происшествие, печальные сцены, печальная поэзия, печальные мелодии, печальная картина, печальная судьба, печальная жизнь, печальный удел, печальный (печальнейший) финал, печальный конец, печальное и трагикомическое зрелище*

Примеры употребления в повести существительного *ипохондрия* единичны: (16) *...Желтизна моей кожи изумляла даже врачей. Они стали подозревать, что у меня ипохондрия в такой степени, когда процедуры излишни*. (17) *Его лечили от золотухи, от ипохондрии* (о Гоголе).

Лексема *скука* в качестве синонима существительного *тоска* автором не используется, однако для характеристики состояния тоски он употребляет слово категории состояния *скучно* (6 словоупотреблений), функционирующее в сочетании с наречиями меры и степени: *безумно скучно, ужасно скучно*, иногда с использованием поддерживающего контекста – междометия и частицы-интенсификатора как: *Боже мой, как нестерпимо скучно!*

Дериваты ключевой лексики и ее синонимов в тексте повести единичны. Глагол *тосковать* отмечен единственным безобъектным употреблением в одном ряду с глаголом *хандрить*. Напр.: (18) *Усыпив, он стал внушать мне, что я напрасно хандрю и тоскую*. Глагол *хандрить* появляется в тексте чаще (6 словоупотреблений) и всегда без уточняющего дополнения. Напр.: (19) *Я мог родиться слабым, золотушным, я мог родиться с одной рукой, с одним глазом, без уха. Но родиться, чтоб хандрить <...> – оттого, что мир кажется пошлым!* (20) *Я дитя своей земли. Я должен, как и любое животное, испытывать восторг от существования. Испытывать счастье, если все хорошо. И бороться, если плохо. Но хандрить?!*

В структуре концепта присутствуют признаки, функционально значимые для национального (и индивидуально-авторского, если исследуется авторская интерпретация концепта) языкового сознания. Для полного описания концепта необходимо опираться на дискурсивный характер мышления. В связи с этим доминантная именная лексема должна быть исследована в двух направлениях: на основе сочетания имени с определением-прилагательным, находящимся в препозиции к имени, и со стороны следующего за именем предиката. Согласно В.В. Колесову, «таково типологическое состояние сознания, реально выделяющего "вещь", которая существует в известных признаках и притом каким-то образом действует» [8, с. 33].

Типичными для Зощенко атрибутивно-субстантивными комплексами, демонстрирующими устойчивые признаки тоски, являются сочетания *страшная тоска, удивительная тоска, ужасная тоска, ужасающая тоска, ужасная хандра, «болезненно развитая» хандра*. Лексемы *ужас, ужасный, ужасаться, ужасающий* встречаются в тексте повести более 100 раз.

Для указания на высокую или избыточную степень проявления признака Зощенко использует интенсификаторы *безумно, ужасно, ужасающе, нестерпимо, невыносимо, необыкновенно, весьма, в высшей (большей, крайней) степени*: это было несчастье **в высшей степени; крайняя степень** неврастении, психической угнетенности; **весьма** тяжелый случай психоневроза; **необыкновенно** слабый, я мотался из угла в угол; некоторые сцены **весьма** печальны; работа мне противна **в высшей степени**.

Часто у Зощенко интенсифицирующую функцию при прилагательных и существительных выполняют усилительные частицы *такой, какой, как*: (21) *Я никогда не думал, что на лице могут отражаться **такая** тоска и **такое** безразличие.* (22) *И вдруг мне показалось, что я не мог родиться **таким** несчастным, **таким** беззащитным.* (23) *...**Какая же** печальная и жалкая картина открывалась моему взору!* (24) *Боже мой, **как** нестерпимо скучно!* (25) ***Какую** горькую и печальную жизнь я испытал!* (26) ***Как** больно и **как** печально!* (27) *... Я стал перелистывать стихи Брюсова, его дневники, письма. Я увидел, что это очень неплохой поэт. Но **какой** он неровный! **Какая** меланхолия одолевает его по временам! **Какие** истерические нотки слышатся в его музыке, в его мыслях! **Какая** катастрофа присутствует в его сердце!* (28) ***Какие** жестокие слова были произнесены! **Какой** адский выход был найден! **Какие** неприятные сцены, **какие** горькие воспоминания! **Какая** нищенская красота!*

Типичным признаком тоски у Зощенко является её беспричинность. Этот признак, как отмечает И. Ю. Вертелова, присутствует в концепте «тоска» и в русском языковом сознании [5, 6], кроме тоски по чему-то, есть еще тоска беспредметная, бесфакторная, беспричинная. Такая тоска появляется внезапно, вдруг. Автор не может дать ей рационального объяснения: (29) *Надо найти причину – отчего скованы мои силы и почему мне так невесело в жизни и почему бывают такие люди, как я, – склонные к меланхолии и беспричинной тоске.* (30) *Как найти эту причину моей тоски?* (31) *Я был несчастен, не зная почему.* (32) *Я стал думать о своей несчастной болезни, которая способна исчезать так же быстро, как и возникать... Какие были причины? Или причин не было?.. Как будто бы никаких причин не было.*

Вопрос «почему?» Зощенко задает себе на протяжении повести больше 30 раз. В формулировках вопросов и ответов он использует лексемы *причина* (107 словоупотреблений), *загадка* (3 словоупотребления), *догадка* (2 словоупотребления), *разгадка* (2 словоупотребления), фразеологизм *теряться в догадках* (1 словоупотребление). Напр.: (33) *Итак, я решил вспомнить мою жизнь, чтобы найти **причину** моих несчастий.* (34) ***Загадка** не была разгадана, но ключи от нее были в моих руках.* (35) *Я ничего не понимаю. Я **теряюсь в догадках**, откуда возникла эта тоска.* (36) *Только тут и могла лежать **разгадка**.*

В индивидуально-авторской картине мира М.М. Зощенко тоска, хандра, меланхолия наделены свойствами живого существа. Автор использует по отношению к ним глаголы *приходить, посещать, преследовать*. Напр.: (37) *Пришла тоска – моя владычица.* (38) *... Тоске, которая посещала меня так часто.* (39) *Она [**хандра**] все чаще стала посещать меня.* (40) *... Тоска преследовала меня.* (41) *Хандра преследовала меня на каждом шагу.* (42) *Хандра следовала за мной по пятам.* (43) *И теперь эта **тоска** не оставляла меня ни днем ни ночью.* (44) *Меланхолия и тоска сжимали меня в своих объятьях.*

Тема преследования закономерно актуализирует субъектно-объектные конверсивные отношения «преследовать – убегать», которые реализуются в тексте с помощью глаголов *бежать, убегать, уходить, уезжать, существительного бегство* и устойчивых словосочетаний *спасаться бегством, уносить ноги*. Напр.: (45) *Я пробовал менять города и профессии. Я хотел **убежать** от этой моей ужасной тоски.* (46) *Я*

*уехал в Архангельск. Потом на Ледовитый океан – в Мезень. Потом вернулся в Петроград. Уехал в Новгород, во Псков. Затем в Смоленскую губернию, в город Красный. Снова вернулся в Петроград... За три года я переменил двенадцать городов и десять профессий. (47) Это было сопротивление. Это было **бегство**. (48) Как поступал я? Неужели я не боролся с этим вздором? Неужели только **спасался бегством**? (49) Значит, <...>, моя болезнь была в некотором роде исключительной. И господь бог помог мне **унести ноги** вопреки существующим правилам, по которым мне надлежало закончить мой бранный земной путь столь плачевным образом.*

Вокруг базового чувственного образа, обусловленного внутренней формой лексемы *тоска*, продолжает выстраиваться ядерная часть исследуемой концептосферы. Кроме наиболее частотных синонимов ключевой лексемы, ядро конституировано основными когнитивными признаками, отраженными в дефиниционной структуре лексемы *тоска*. Согласно словарям русского литературного языка к таким признакам относятся: ‘мучительное’, ‘изнуряющее’, ‘тягостное’ чувство; ‘потеря душевного спокойствия’, ‘восприятие происходящего в мрачном, безотрадном свете’, ‘отсутствие интереса к окружающему’; ‘душевная угнетенность, безысходность’ [4], ‘тяжелое’, ‘гнетущее’ чувство; ‘душевная тревога’, ‘грусть’, ‘уныние’; ‘гнетущая, томительная скука’ [3]; ‘душевное томление’, ‘безразличие’, ‘состояние безнадежности’, ‘гнетущая, мрачная подавленность духа’, ‘душевная тревога’ [2]; ‘тяжёлое’, ‘гнетущее’ чувство, ‘душевная тревога’, ‘грусть’, ‘уныние’; ‘гнетущая, томительная скука’ [12].

Как показал анализ языкового материала, тоска у Зоценко характеризуется, прежде всего, восприятием происходящего в мрачном, безотрадном свете, отсутствием всякого интереса к окружающему, а также выражением такого чувства в глазах, на лице. Эта эмоционально-цветовая характеристика мироощущения является для Зоценко основным атрибутом, часто сопровождает микроконтекст, содержащий ядерные лексемы *тоска*, *меланхолия*, *хандра* и вербализуется лексемами *мрак*, *мрачный*, *омрачить*, *меркнуть*, *тусклый*, *тускнеть*, *хмурый*, *угрюмый*, *темный*, *тьма*, *темнота*, *тень* (*помраченный ум*; *мрак стал окутывать мою голову*; *мрачный огонь в глазах*; *хмурый взгляд*; *мир кажется тусклым*; *мир померкнет*; *все тускнело*; *жизнь омрачена*; *первые шаги омрачились тоской*; *такая темнота в деревне*; *хмуро и угрюмо читать*; *сизжу мрачный, хмурый* и т.п.).

Напр.: (50) *Я приехал в Архангельск **мрачный**, в ужасной тоске.* (51) *Два дня я чувствую себя прекрасно. На третий день у меня снова хандра, снова перебои сердца, **мрак и меланхолия.*** (52) *Юношеские мои годы были **выкрашены черной краской, меланхолия и тоска сжимали меня в своих объятьях.***

К ядерным концептуальным признакам состояния тоски в авторской картине мира относятся также следующие характеристики: ‘тягостное и тяжелое чувство’ – 13 словоупотреблений; ‘гнетущее чувство’ (*угнетающий*, *угнетать*, *угнетенный*) – 11 словоупотреблений; ‘душевное беспокойство’=‘душевная тревога’= ‘душевное волнение’ – 10 словоупотреблений; ‘безразличие’ (*безразличный* *безразлично*) – 8 словоупотреблений.

Признак ‘безразличие’, проявляющийся в отсутствии интереса к жизни, часто реализуется в тексте за счет употребления автором отрицательных местоимений и глаголов (25 предложений), в том числе в составе безличных предложений. При этом наблюдается гиперболизация признака ‘безразличие’. Напр.: (53) *Уже **ничто не интересовало** меня.* (54) *В те годы, в годы моей меланхолии, казалось, **ничто не трогает** меня.* (55) *Я **ничего не хочу.*** (56) *У меня **нет ничего** впереди.* (57) *У меня **нет никаких желаний.***

Околоядерную (центральную) область концепта конституируют признаки ‘мучительное чувство’ (*мучение, мучить*) – 7 словоупотреблений; ‘утомленный’ (*томиться, переутомленный*) – 5 словоупотреблений; ‘подавленный’ – 3 словоупотребления; ‘безысходность’ (реализован в выражении *безвыходное положение*, которое автор использует, характеризуя тоску как неизлечимую болезнь) – 3 словоупотребления.

Следует отметить, что Зоценко не характеризует состояние тоски как безнадежное. Он использует лексику *безнадежно* только для передачи чужой цитаты в начале повести: «Мне так худо, так страшно **безнадежно** худо и в теле, и в духе, что я не могу жить...» (Эдгар По – Анни. 1848 г.). Существительное *надежда*, напротив, встречается в тексте повести 11 раз: в составе атрибутивно-субстантивных комплексов *тайная надежда, слабая надежда, последние надежды, счастливые надежды*, в предложно-падежном сочетании *с надеждой* (4 словоупотребления), без предшествующего определения (3 словоупотребления). Напр.: (58) *Наоборот. Боже мой! Какие **счастливые надежды** зажглись бы в наших сердцах, если б высокий разум присутствовал на каждом шагу, при каждой малости, при каждом вздохе.*

К когнитивным признакам, которые не вошли в состав базовых согласно словарям русского языка, но при этом являются важной частью концепта «тоска» у Зоценко и конституируют ядро концепта, относятся признаки, идентифицирующие тоску как ‘страдание’, ‘болезнь’, ‘несчастье’.

Атрибут ‘страдание’ эксплицирован в лексемах *страдать, страдание* (в том числе: *нервные страдания, нравственные страдания*), *страдальчески, страдалец* – 88 словоупотреблений. Напр.: (59) *Я надеялся найти в них источник моих **страданий**.* (60) *Основной герой — это отчасти я, отчасти та **страдающая** личность, ради которой и было предпринято мое сочинение.*

Чаще всего Зоценко называет свою беспричинную тоску болезнью. Напр.: (61)...*Я надеялся найти причину моей тоски, моих огорчений, **моей болезни**.* Автор использует лексемы *болеть, хворать, больной, лечиться, лечение, излечение, лечебник*, словосочетания *психическая болезнь; болезнь, связанная с психикой; несчастная болезнь; болезненное состояние; болезненная психика; болезненное сознание; болезненные представления; болезненное восприятие; болезненное нечто; болезненные симптомы; картина болезни; характер болезни; болезненные явления; течение болезни; причины болезни; болезненные черты; больные предметы; встреча с «больными» вещами* (всего более 100 словоупотреблений).

Это объясняется, прежде всего, жанровой спецификой произведения. Автобиографическая повесть «Перед восходом солнца», которую Зоценко первоначально назвал «Ключами счастья», писалась в научно-художественном жанре, на стыке науки и искусства (как и более ранняя повесть «Возвращённая молодость»). Врачи ставили писателю диагноз «неврастения». Зоценко, увлекавшийся идеями академика И.П. Павлова, верил, что свою тяжелую психическую болезнь он сможет излечить самостоятельно, глубоко и детально разобравшись в себе. Это объясняет обилие в тексте медицинских терминов: *психоневроз* (26 словоупотреблений), *невроз* (5 словоупотреблений), *неврастения, нервная лихорадка, невротический симптом, невротик* и различных словосочетаний с этими терминами: *весьма тяжелый случай психоневроза, крайняя степень неврастении, общая картина психоневроза* и под.

В редких случаях, характеризуя свое психическое состояние, Зоценко употребляет разговорную лексику *нервы* в значении «нервная система» и словосочетания *слабые нервы, слабость нервов*. Напр.: (62) *Горничная приводит администрацию и врача. Поглаживая мою руку, врач говорит: – **Нервы**... Только **нервы**... (63) Пусть все позади –*

мои огорчения, **нервы**, моя **хандра**, мое больное сердце. (64) Я стал думать: родился ли я таким слабым и чувствительным или в моей жизни что-нибудь случилось такое, что повредило мои **нервы**...

Прилагательное **нервный** (*нервический*) выступает в составе словосочетаний *нервное состояние*, «*нервическое*» *состояние*, *нервный озноб*, *нервные страдания* (7 словоупотреблений). Напр.: (65) Я пробую работать — не могу. Ложусь на диван — через минуту вскакиваю. Я испытываю какое-то **нервное состояние**, которое не позволяет мне даже несколько минут быть спокойным. (66) Его **нервный озноб** передается мне. Я чувствую себя нехорошо. (67) Им казалось, что победа сознания над низшими инстинктами несет беду, несет болезни, **нервные страдания**, слабость духа, психоневрозы.

В идиостиле Зоценко лексемы *нервы*, *нервный*, *нерничать*, *психоневроз*, *невроз*, *неврастения* конституируют ближнюю периферию концептосферы «тоска», а словосочетания *слабость нервов*, *нервное состояние*, «*нервическое*» *состояние*, *невротический симптом*, *нервный озноб*, *нервные страдания*, *нервная лихорадка*, *невротик*, *слабость духа*, *излишняя чувствительность*, *высокая чувствительность*, (*крайне*, *столь*) *чувствительная психика*, *слишком чувствительный*, *сверхчувствительное восприятие*, *сверхчувствительный ум*, *ад*, *безумие*, *горе*, *постоянное расстройство*, *психическая угнетенность*, *нездоровая психика*, *дурное расположение духа*, *патология*, *патологический характер отношений* и предложения *Я чувствую себя нехорошо*. *Я почувствовал себя плохо*. *Мне нехорошо*. *Тоскливо*. *Беспокойно*. *Я томлюсь* относятся к дальней периферии.

Наряду с признаками ‘страдание’ и ‘болезнь’ важным атрибутом концепта тоска у Зоценко является когнитивный признак ‘несчастье’, репрезентуемый в тексте повести лексемами *несчастье* и *несчастный* (*я был несчастен*, *несчастье в высшей степени*, *несчастливая судьба*, *несчастливая участь*, *несчастное происшествие* механизмы *несчастья*, *несчастливая болезнь*, *несчастный день в моей жизни*, *несчастный раздражитель*, *несчастный случай*, *несчастный мир*, *несчастное стечение обстоятельств* и т.п.) – 66 словоупотреблений.

Напр.: (68) Я стал думать: родился ли я таким слабым и чувствительным или в моей жизни что-нибудь случилось такое, что повредило мои нервы, испортило их и сделало меня несчастной пылинкой, которую гонит и мотает любой ветер? (69) Я был обескуражен. Кажется, я задал себе непосильную задачу — найти причину моей тоски, найти **несчастное происшествие**, которое сделало меня жалкой пылинкой, гонимой любым житейским ветром. (70) И вдруг я понял ясно, что причина моих **несчастий** кроется в моей жизни.

В конце повести Зоценко находит ответ на свой главный вопрос. Он приходит к убеждению, что источник его многолетней тоски скрыт не во внешних обстоятельствах, случайностях или наследственной предрасположенности, а в глубинных пластах собственного детского опыта, в ранней эмоциональной травме, бессознательно определявшей восприятие мира и реакцию на события. Осмысление этой причины становится для него поворотным моментом: разобравшись в механизмах собственной психики, писатель получает возможность освободиться от чувства неизбежности страдания, которое долгие годы казалось ему роковым.

Зоценко приходит к мысли, что человеческое сознание способно преобразовывать внутренний опыт и оказывать влияние на эмоциональные состояния, а значит, тоска – не приговор, а феномен, поддающийся пониманию и преодолению. Таким образом, финал повести не только завершает личный путь автора к самораскрытию, но и формирует

важный философско-психологический вывод о единстве разума, памяти и эмоциональной жизни человека.

Проведённый анализ позволил выявить специфику репрезентации концепта «тоска» в индивидуально-авторской картине мира М.М. Зощенко. Эмоциональное состояние тоски в повести «Перед восходом солнца» предстает как сложное, многослойное явление, включающее ядерные, окооядерные и периферийные элементы, которые формируются на пересечении языковых, психологических и культурных факторов.

Ядром авторской концептосферы являются лексемы *тоска*, *меланхолия* и *хандра*, которые Зощенко использует наиболее часто и последовательно. Их функционирование в тексте сопровождается типичными признаками тяжёлого душевного состояния, мрачного восприятия действительности и отсутствия жизненного интереса. Важнейшими когнитивными атрибутами тоски в идиостиле писателя выступают *безразличие*, *страдание*, *болезнь* и *несчастье*.

Зощенко наделяет состояние тоски свойствами одушевлённого существа, действующего независимо от воли субъекта: оно «приходит», «посещает», «преследует», «не отпускает». Такой способ метафоризации подчеркивает ощущение бессилия автора перед иррациональным внутренним состоянием и углубляет психологическую драматичность его повествования. Тоска в интерпретации писателя становится не только эмоциональным переживанием, но и частью экзистенциального опыта, определяющего восприятие мира, здоровья, судьбы и творческого пути.

Анализ показал, что языковая репрезентация концепта «тоска» у М.М. Зощенко тесно связана с медицинской и психофизиологической терминологией. Это объясняется не только жанровой спецификой повести, но и стремлением автора рационально осмыслить и преодолеть своё состояние через самоанализ. В результате концепт «тоска» в его идиостиле обретает черты клинического и философского понятия.

Результаты исследования показали, что концепт «тоска» занимает центральное место в индивидуально-авторской картине мира М.М. Зощенко, являясь ключом к пониманию его мировоззрения, художественного метода и личной истории. По своей структуре и способам языковой репрезентации этот концепт проявляет как типологические черты русской ментальности, так и уникальные особенности идиостиля писателя, что открывает перспективы для дальнейших исследований, связанных с изучением авторских концептуальных систем, эмоциональной семантики и идиолекта Зощенко в широком контексте русской культуры.

Библиографический список

1. Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – 511 с.
2. Большой толковый словарь русских существительных свыше 15000 имен существительных. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ Пресс, АСТ-Пресс Книга, 2005. – 862 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / Автор и руководитель проекта, составитель, главный редактор С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2001. – 1534 с.
4. Большой универсальный словарь русского языка: около 30 000 наиболее употребительных слов / Под ред. В.В. Морковкина; Гос. ун-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. – М.: Словари XXI века: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. – 1456 с.
5. Вертелова И.Ю. Этимологический комментарий к лексемам, составляющим семантическое поле печали в русском языке // Семантические единицы русского языка в диахронии и синхронии. – Калининград, 2000. – С. 33–39.
6. Вертелова И.Ю. Семантические истоки идеи грусти, печали и кручины в русском языковом сознании // Слово в тексте, словаре и культуре. – Калининград: Калининградский университет, 2004. С. 240–247.

7. Зошченко М.М. Перед восходом солнца. Повесть. – New York, Baltimore: Международное Литературное Содружество, 1967. – 208 с.
8. Колесов В. В. Концептуальное поле русского сознания: Демократия // Политическая лингвистика. – СПб., 2016. – № 3 – С. 31–43.
9. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.
10. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. Т. 1 / ИЛИ РАН; Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 680 с.
11. Словарь синонимов русского языка / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – М.: Астрель, АСТ, 2011. – 688 с.
12. Толковый словарь государственного языка Российской Федерации // ИРЯ РАН : сайт. URL: https://ruslang.ru/normativnyje_slovari/ (дата обращения: 10.11.2025).
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4 т. Т.4. – 4-е изд., стер.. – М.: Астрель, АСТ, 2004. – 860 с.
14. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т.2. – 7-е изд. стер. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2006. – 560 с.

References in Roman script

1. Antologiya konceptov / Pod red. V.I. Karasika, I.A. Sternina. – М.: Gnozis, 2007. – 511 s.
2. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkih sushchestvitel'nyh. Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy / Pod obshch. red. prof. L.G. Babenko. – М.: AST Press, AST-Press Kniga, 2005. – 862 s.
3. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Avtor i rukovoditel' proekta, sostavitel', gl. red. S.A. Kuznecov. – SPb.: Norint, 2001. – 1534 s.
4. Bol'shoj universal'nyj slovar' russkogo yazyka: okolo 30 000 naibolee upotrebitel'nyh slov / Pod red. V.V. Morkovkina; Gos. un-t rus. yaz. im. A.S. Pushkina. – М.: Slovare XXI veka: AST-PRESS SHKOLA, 2016. – 1456 s.
5. Vertelova I.Yu. Etimologicheskij kommentarij k leksemam, sostavlyayushchim semanticheskoe pole pechali v russkom yazyke // Semanticheskie edinicy russkogo yazyka v diahronii i sinhronii. – Kaliningrad, 2000. – S. 33–39.
6. Vertelova I.Yu. Semanticheskie istoki idei grusti, pechali i kruchiny v russkom yazykovom soznanii // Slovo v tekste, slovare i kul'ture. – Kaliningrad: Kaliningradskij universitet, 2004. – S. 240–247.
7. Zoshchenko M.M. Pered voskhdodom solnca. Povest'. – New York, Baltimore: Mezhdunarodnoe Literaturnoe Sodruzhestvo, 1967. – 208 s.
8. Kolesov V.V. Konceptual'noe pole russkogo soznaniya: Demokratiya // Politicheskaya lingvistika. – SPb., 2016. – № 3. – S. 31–43.
9. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / E.S. Kubryakova, V.Z. Dem'yankov, Yu.G. Pankrac, L.G. Luzina; Pod obshch. red. E.S. Kubryakovej. – М.: Filol. fak. MGU, 1996. – 245 s.
10. Slovar' sinonimov russkogo yazyka: V 2 t. Т. 1 / ILI RAN; Pod red. A.P. Evgen'evoj. – М.: ООО «Izdatel'stvo Astrel'»: ООО «Izdatel'stvo AST», 2003. – 680 s.
11. Slovar' sinonimov russkogo yazyka / Pod obshch. red. L.G. Babenko. – М.: Astrel', AST, 2011. – 688 s.
12. Tolkovyj slovar' gosudarstvennogo yazyka Rossijskoj Federacii // IRYA RAN : sajt. URL: https://ruslang.ru/normativnyje_slovari/ (data obrashcheniya: 10.11.2025).
13. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka v 4 t. Т. 4. – 4-е изд., ster. – М.: Astrel', AST, 2004. – 860 s.
14. Chernyh P.Ya. Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t. Т. 2. – 7-е изд., ster. – М.: Rus. yaz. – Media, 2006. – 560 s.

References

1. Anthology of Concepts / Ed. by V.I. Karasik, I. A. Sternin. Moscow, Gnosis, 2007. 511 p. (In Russian).

2. Comprehensive Explanatory Dictionary of Russian Nouns: Over 15,000 Nouns. Ideographic Description. Synonyms. Antonyms / General ed. by Prof. L.G. Babenko. Moscow, AST Press, AST-Press Book, 2005. 862 p. (In Russian).
3. Comprehensive Explanatory Dictionary of the Russian Language / Project author, compiler and editor-in-chief S.A. Kuznetsov. St. Petersburg, Norint, 2001. 1534 p. (In Russian).
4. Comprehensive Universal Dictionary of the Russian Language: About 30,000 Most Frequently Used Words / Ed. by V.V. Morkovkin; Pushkin State Russian Language Institute. Moscow, Dictionaries of the 21st Century; AST-PRESS School, 2016. 1456 p. (In Russian).
5. Vertelova I.Yu. Etymological Commentary on Lexemes Forming the Semantic Field of “Sorrow” in the Russian Language // Semantic Units of the Russian Language in Diachrony and Synchrony. Kaliningrad, 2000. pp. 33–39. (In Russian).
6. Vertelova I.Yu. Semantic Origins of the Idea of Sadness, Sorrow, and Grief in Russian Linguistic Consciousness // The Word in Text, Dictionary, and Culture. Kaliningrad, Kaliningrad University, 2004. pp. 240–247. (In Russian).
7. Zoshchenko, M.M. Before Sunrise. A Story. New York, Baltimore, International Literary Fellowship, 1967. 208 p. (In Russian).
8. Kolesov V.V. The Conceptual Field of Russian Consciousness: Democracy // Political Linguistics. St. Petersburg, 2016. No. 3. pp. 31–43. (In Russian).
9. A Concise Dictionary of Cognitive Terms / E.S. Kubryakova, V.Z. Demyankov, Yu.G. Pankrats, L.G. Luzina; General ed. by E.S. Kubryakova. Moscow, Faculty of Philology, Moscow State University, 1996. 245 p. (In Russian).
10. Dictionary of Russian Synonyms: In 2 Volumes. Vol. 1 / Institute of Linguistic Research, Russian Academy of Sciences; Ed. by A.P. Evgenyeva. Moscow, Astrel Publishing; AST Publishing, 2003. 680 p. (In Russian).
11. Dictionary of Russian Synonyms / General ed. by L.G. Babenko. Moscow, Astrel, AST, 2011. 688 p. (In Russian).
12. Explanatory Dictionary of the State Language of the Russian Federation // Institute of the Russian Language, RAS: website. URL: https://ruslang.ru/normativnyje_slovari/ (accessed: 10.11.2025). (In Russian).
13. Fasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language, in 4 vols. Vol. 4. 4th ed., stereotype. Moscow, Astrel, AST, 2004. 860 p. (In Russian).
14. Chernykh P.Ya. Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language, in 2 vols. Vol. 2. 7th stereotype ed. Moscow, Russian Language, Media, 2006. 560 p. (In Russian).

УДК 811.161.1

Осипова Наталья Дмитриевна
кандидат филологических наук, доцент
Самарский государственный социально-
педагогический университет
Россия, г. Самара
e-mail: osipova@sgspu.ru

Osipova Natalya Dmitrievna
Associate Professor, Ph.D. in Philology
Samara State University of Social Sciences
and Education
Russia, Samara
e-mail: osipova@sgspu.ru

Шакина Ольга Владимировна
магистрант
Самарский государственный социально-
педагогический университет
Россия, г. Самара
e-mail: shakina.olga@sgspu.ru

Shakina Olga Vladimirovna
Master's student
Samara State University of Social Sciences
and Education
Russia, Samara
e-mail: shakina.olga@sgspu.ru

Осипова Н.Д., Шакина О.В.

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ СРАВНЕНИЙ В РОМАНЕ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВА «СЕРДЦЕ ПАРМЫ»

Аннотация. Статья посвящена проблеме семантической классификации образных сравнений в романе Алексея Иванова «Сердце Пармы». Актуальность исследования обусловлена уникальностью и метафоричностью авторского идиостиля и многоаспектностью подходов к описанию образных сравнений в русистике. Проанализированы такие семантические группы сравнений, как пейзажные, культурно-эстетические, психологические и портретные. Выделены следующие основные функции сравнений в романе: описательно-образительная, служащая для визуализации художественного образа; функция образной конкретизации, эксплицирующая авторскую концепцию; оценочно-характеристическая, включающая в свою очередь эмоциональную и субъективно-оценочную. Установлено, что наиболее частотной функцией сравнений в романе является субъективно-оценочная функция.

Ключевые слова: сравнение, компаративность, семантика, функции сравнений, филологический анализ текста, Алексей Иванов

Для цитирования: Осипова Н.Д., Шакина О.В. Семантика и функции сравнений в романе Алексея Иванова «Сердце Пармы». *Русистика без границы. Международно научно списание*, 2025, Том IX, кн. 4, С. 51–59.

Osipova N.D., Shakina O.V

SEMANTICS AND FUNCTIONS OF COMPARISONS IN ALEKSEY IVANOV'S NOVEL «THE HEART OF PARMA»

Abstract. The article is devoted to the problem of semantic classification of figurative comparisons in Aleksey Ivanov's novel «The Heart of Parma». The relevance of the study is determined by the uniqueness and metaphorical nature of the author's idiostyle and the multidimensionality approaches to the description of figurative comparisons in Russian studies. The following semantic groups of comparisons were analyzed: landscape, cultural-aesthetic, psychological and portrait. The following main functions of comparisons in the novel are highlighted: descriptive and figurative, serving to visualize the artistic image; the function of figurative concretization, explicating the author's concept;

evaluative and characteristic, which in turn includes an emotional function and a subjective-evaluative function. It has been established that the most frequent function of comparisons in the novel is the subjective-evaluative function.

Keywords: comparison, comparativeness, semantics, comparison functions, philological analysis of the text, Aleksey Ivanov

For citation: Osipova N.D., Shakina O.V. Semantics and functions of comparisons in Aleksey Ivanov's novel «The heart of Parma». *Russian Studies without Borders. International scientific Journal*, 2025, Vol. IX, Iss. 4, pp. 51–59.

Сравнение является одним из фундаментальных инструментов художественной речи. Ценность данного языкового явления не вызывает сомнений, поскольку позволяет раскрывать в объекте не только основной, но и ряд дополнительных, в том числе коннотативных признаков, значительно обогащая художественное впечатление и отражая индивидуальное авторское видение мира.

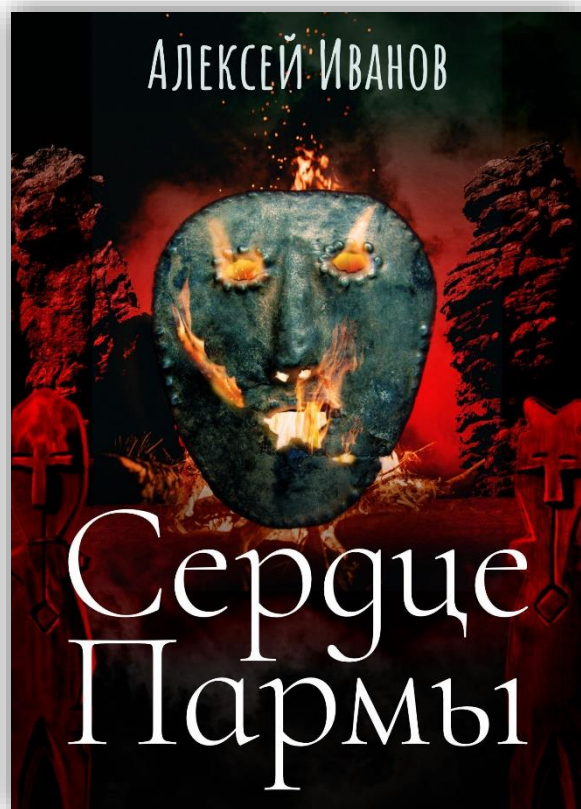
Роман современного российского писателя Алексея Иванова «Сердце Пармы» [6] представляет собой благодатный материал для анализа интересующих нас образных средств. Текст произведения насыщен сложными метафоричными сравнениями,

призванными передать уникальный колорит уральской природы, драматизм исторических событий и глубину психологических переживаний персонажей.

Целью статьи является функционально-семантический анализ образных сравнений на материале романа А. Иванова «Сердце Пармы». Языковым материалом послужило более 400 языковых единиц и конструкций с компаративной семантикой, отобранных в тексте произведения путем сплошной выборки. Актуальность избранной темы определяется яркостью и выразительностью авторского языка, а также тематикой романа, раскрывающего идеи единения русского народа.

Интерес к сравнениям разных типов в языке художественной литературы обусловлен тем, что они «помогают определить природу явления, дают

возможность выделить особенности предмета, которые, по мнению автора, являются наиболее важными» [13, с. 102].

В современной русистике существуют разные подходы к определению и классификации сравнений, что свидетельствует о многогранности данной языковой категории.

Категорию сравнения в разных исследованиях определяют как троп [14], фигуру речи [1, с. 450], образное средство выразительности и грамматически оформленное сопоставление В энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» дано наиболее широкое определение сравнения как стилистического приема, заключающегося в сопоставлении субъекта сравнения с объектом сравнения на основании каких-либо признаков с целью более точного и образного описания первого [4].

Сравнение исследуется в структурном [3], [11], функционально-семантическом [9], [5], стилистическом [2] аспектах. Значительный интерес для исследователей представляют индивидуально-авторские сравнения в художественных произведениях, которые «в которых образность достигает максимальной концентрации» [4, с. 670]. Анализ семантики и особенностей функционирования сравнений в художественном тексте позволяет выявить как традиционные средства репрезентации компаративной семантики, так и особенности идиостиля автора [5, с. 70–71].

В статье Н.Л. Ермаковой освещаются разные подходы к изучению категории сравнения как способа мировосприятия, языкового явления и средства художественной выразительности как важной составляющей категории компаративности [5].

А.В. Ковешникова подробно рассматривает сравнение как способ выражения компаративной семантики в прозе В. Пелевина. Исследователь описывает основные способы выражения сравнения на лексическом (слова с семантикой тождества), морфологическом (сравнительная степень наречий и имен прилагательных, производные предлоги *вроде*, *типа* и др.), словообразовательном и синтаксическом (сравнительные обороты, придаточные сравнения, отрицательные сравнения и т. д.) уровнях языка [10].

А.Е. Камышова анализирует сравнения в прозе В. Брюсова, выделяя 4 основные функции: субъективно-познавательную, описательно-изобразительную, оценочно-характеристическую и функцию конкретизации [9, с. 5–6].

И.З. Искандерова разграничивает логические и образные сравнения. Если сравнения логические (на основе прямого значения слов) выполняют конкретизирующую функцию, то образные сравнения, в отличие от логического, содержит также экспрессивно-стилистическую окраску и реализует в тексте эмоциональную, экспрессивную и субъективно-оценочную функции [8].

О.Н. Черноусова предлагает несколько иную классификацию основных функций сравнения в художественной речи и выделяет следующие: функцию образной конкретизации и экспрессивную функцию, «которые проявляются в экспликации собственного (авторского) видения предмета речи в объекте сравнения и выражении эмоционально-оценочного отношения к субъекту с целью воздействия на адресата (читательское восприятие) в соответствии с замыслом пишущего» [17, с. 222].

Более сложная пятиуровневая иерархия стилистических функций сравнений разработана Л.А. Турсуновой. Данная иерархия включает эстетико-познавательную и характеристическую архифункции, последняя из которых включает организующую, экспрессивную и оценочную функции. В свою очередь организующая функция

подразделяется на функцию создания образности и сверхорганизирующую функцию. Экспрессивная функция включает экспрессивно-эмоциональную и экспрессивно-усилительную. Оценочная функция конкретизируется в функцию эмоциональной окраски и функцию интеллектуальной оценки [16].

Принимая во внимание перечисленные выше классификации и исходя из специфики языкового материала, мы в нашем исследовании будем выделять 3 основные функции образных сравнений в романе «Сердце Пармы»: 1) описательно-изобразительную функцию; 2) функцию образной конкретизации, заключающуюся в экспликации содержательно-концептуальной информации от имени факториального повествователя [12]; 3) оценочно-характеристическую, которую мы в свою очередь подразделяем на а) эмоциональную (передача внутреннего состояния героя) и б) субъективно-оценочную (передача субъективного восприятия героем реальности).

Мы сосредоточим наше внимание в первую очередь на окказиональных образных сравнительных единицах. Проведенный нами анализ позволил выделить в тексте произведения 4 основных семантических группы сравнений в зависимости от субъекта сравнения: пейзажные, портретные, психологические и культурно-эстетические сравнения.

Рассмотрим данные семантические группы подробнее.

Первая группа. **Пейзажные сравнения** составляют около 30 % от общего количества языкового материала. Субъектом сравнения в данной группе является природа или же созданные человеком объекты пейзажа. Такие сравнения передают внешний облик топонимов, атмосферу первозданной и зачастую суровой природы Урала, городов и сел Пармы. Приведем примеры.

В сравнении *«От заката лес-покойник пожелтел, как мамонтова кость»* [6, с. 6] подчеркивается древность, окаменелую неподвижность и мертвенность тайги, связывая ее с доисторическим прошлым. Сравнение леса одновременно и покойником, и с мамонтовой костью выполняет здесь описательно-изобразительную функцию, поскольку не просто констатирует цветовую характеристику, но и наделяет его коннотацией древности и вечности.

Вторая по частотности функция сравнений в данной семантической группе – субъективно-оценочная: *«Луна казалась змеиным гнездом»* [6, с. 114]. В данном примере негативное восприятие героями луны обусловлено тревожной обстановкой, ожиданием опасности. Сравнения, репрезентующие рукотворные объекты, как правило, выполняют описательно-изобразительную функцию: *«<...> за коньками крыши в красносизой мгле поднимался, как дракон, многоглавый собор»* [6, с. 41]; *«Все постройки обвалились внутрь, в ямы, словно сложились, как крыло летучей мыши, и затянулись мхом»* [6, с. 272]. В перечисленных примерах пейзажные зарисовки представлены читателю через восприятие героя.

Среди природных сравнений обнаружены единичные случаи актуализации функции образной конкретизации. В следующем примере представлены сразу две сравнительные конструкции: *«В неровной россыпи звезд над Мертвой Пармой зияли дыры, словно некоторые звезды сорвались и упали вниз, будто спелые кедровые шишки»* [6, с. 12]. Сравнение ночного неба с дырами, а звезд – с шишками подчеркивает

тревожность путешествия по потенциально опасному лесу, заложенную в авторской концепции.

Вторая группа. **Психологические сравнения** направлены на раскрытие внутреннего мира персонажей, их психологического портрета и эмоционального состояния. Сравнения данной группы составляют в романе около 30 %.

Например, в отрывке «*Он был глух и целен, как камень*» [6, с. 9] сравнение передает эмоциональную закрытость, непоколебимость и внутреннюю твердость князя Асыки. Компаратив в примере «*лицо его было напряженным, будто на пытке*» [6, с. 91] актуализирует трагичность момента в ожидании казни героя. В указанных выше цитатах основной функцией сравнений является субъективно-оценочная, передающая состояние героя через восприятие других персонажей. Однако в некоторых случаях сравнения данной семантической группы реализуют и эмоциональную функцию, отражающую состояние героя «изнутри»: «*Миша был пуст, как дом, который сгорел так, что жильцы его покинули, хотя стены еще стоят <...>*» [6, с. 47]. В этой же семантической группе реже, но все же реализуется функция образной конкретизации: «*Бессонная ночь словно бы гасит душу человека, притупляет чувства <...>*» [6, с. 157]; «*Старики молчали, как идола, глядя в пустоту*» [6, с. 206]. Сравнения отражают состояние героев в концепции ауториального повествователя.

Третья группа. **Культурно-эстетические сравнения** по частотности занимают промежуточное положение и насчитывают около 21 % сравнений романа. Такие сравнения актуализируют элементы сюжета, основанные на культурных реалиях и мифологии финно-угорских народов и русских первопроходцев; подчеркивают интертекстуальность произведения. За счет связей с культурными и историческими феноменами художественный текст становится достоянием внутри определенной лингвокультуры, приобретая при этом особую притягательность [7, с. 138]. Как правило, культурно-эстетические сравнения связаны с передачей абстрактных понятий, формирующих сложную многоаспектную атмосферу романа.

Субъектом сравнения в данной группе, как правило выступают абстрактные понятия и явления. Зачастую сравнения с данной семантикой присутствуют в описании батальных сцен. Обратим внимание на следующий фрагмент: «*Стоял такой звон, будто люди не сражались, а камлали и били в бубен*» [6, с. 174]. Звук битвы в восприятии героя уподобляется шаманскому ритуалу, стирается грань между войной и сакральным действием. В данном примере сравнение реализует функцию субъективно-оценочную функцию.

Однако в подавляющем большинстве случаев подобные сравнения выполняют функцию образной конкретизации, эксплицируя авторскую концепцию.

Рассмотрим следующий пример: «*Великая парма морем-океаном разлилась перед московитом до окоема*» [6, с. 149]. В данном случае в сравнении актуализируется устойчивая мифологема море-океан – «типичный речевой стереотип как для архаичного пласта русского фольклора (заговоров и заклинаний), так и для сказительной культурной традиции (песен, сказок, былин)» [15, с. 52].

В другом отрывке сравнение помогает эстетически визуализировать абстрактное понятие времени через поэтический зооморфный образ: *«Два года, как два журавлиных клина, проплыли над Чердынью»* [6, с. 71].

Четвертая группа. Группа **портретных сравнений** является самой низкочастотной и насчитывает 19 % от общего числа примеров. В данную группу входят компаративные единицы, репрезентующие внешнюю характеристику персонажей. Например:

«Айчейль повернула голову, и Ермолай увидел ее лицо <...> ярким и беспощадным взглядом похужее на лик Золотой Бабы» [6, с. 30], *«Так и запомнилась: во мраке перед бревенчатой стеной сидит на топчане, глаза как угли, и волосы копной разметались по плечам, шевелятся, точно змеи»* [6, с. 102].

В данных фрагментах сравнения выполняют субъективно-оценочную функцию, поскольку отражают внешность героев через призму восприятия других действующих лиц. В отдельных единичных случаях данной семантической группе сравнение может актуализировать и описательно-изобразительную функцию, придавая образность описанию действия: *«<...> из зарева, словно черт из пекла, лезет дымящийся Полюд»* [6, с. 43].

Следует отдельно отметить случаи, когда семантика сравнений позволяет отнести их к разным группам. Например: *«Только Мертвая Парма горбилась, как глыба подземной тишины»* [6, с. 10]. В данном случае сравнения с одной стороны характеризуют особенности природного рельефа, а с другой стороны передает беспокойное состояние героев. Таким образом, сравнение выполняет здесь и описательно-изобразительную, и субъективно-оценочную функции.

Рассмотрим следующий пример: *«Шаман в лунном свете молча разглядывал лицо хакана – узкое, скуластое, как маска»* [6, с. 9]. Сравнение, с одной стороны, актуализирует этнические особенности внешности персонажа, что позволяет отнести его к портретной группе; с другой стороны, создает образ отстраненности, скрытности и безжизненности героя, что близко по семантике к психологическим сравнениям.

В следующей цитате наблюдаем и культурно-эстетическую семантику, и пейзажную: *«Для старого шамана она [Мертвая Парма] словно бы мускул огромного сердца земли <...>»* [6, с. 10]. С одной стороны, здесь явно прослеживается авторская концепция: сравнение выполняет функцию образной конкретизации, оживляет пейзаж и придает тексту мистическую глубину и масштабность. С другой стороны, данное сравнение отражает ощущение одушевленности природы, близкое мироощущению исконных народов Пармы, что включает в себе отчасти и субъективно-оценочную функцию.

Подведем итоги. Проведенное исследование образных компаративных единиц в романе А. Иванова «Сердце Пармы» позволяет выделить четыре основные семантические группы сравнений. В семантической группе пейзажных сравнений (30 % языкового материала) доминирующей функцией является описательно-изобразительная. Реже встречаются функции образной конкретизации и субъективно-оценочная. Сравнения психологической группы составляют примерно 30 % языкового материала и в основном выполняют субъективно-оценочную функцию и функцию образной конкретизации от лица повествователя. Менее частотна реализация эмоциональной

функции. Культурно-эстетические сравнения (21 %) в романе «Сердце Пармы» часто отражают борьбу разных мировоззрений и репрезентуют местный колорит. Такие компаративы выполняют роль культурного кода, позволяя понять систему ценностей и картину мира персонажей. Самая частотная функция в данной группе – образной конкретизации. Портретные сравнения (19 %), как правило, актуализируют субъективно-оценочную функцию, поскольку в большинстве случаев описание внешности героя представлено от лица факториального повествователя. Данные сравнения помогают создавать уникальные, яркие образы героев.

Оценивая функционирование компаративов в романе в целом, скажем, что доминирующей функцией сравнений является субъективно-оценочная. Предполагаем, что это свидетельствует о яркой черте идиостиля А. Иванова – описание в характеристика внешних реалий и событий эксплицируется через призму восприятия героев. При этом наименее частотно представлена эмоциональная функция. Важно отметить, что сравнения в романе «Сердце Пармы» функционируют не изолированно, а в тесной связи друг с другом. Природный образ может способствовать репрезентации чувств и характера героев, а культурно-эстетическое сравнение – передавать субъективное мировосприятие героев.

Таким образом, сравнения в романе А. Иванова «Сердце Пармы» представляют собой сложно организованную систему, играющую ключевую роль в построении художественного мира произведения. Через систему сравнений автор доносит до читателя специфику исторического и культурного контекста, раскрывает центральные темы романа: взаимодействие человека и стихии, столкновение цивилизаций и драматизм личностных переживаний на переломе эпох.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: КомКнига, 2005. – 576 с.
2. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М.: Гослитиздат, 1959. – 654 с.
3. Даутия Ф. В. Сравнительные конструкции, переходные между сложными и простыми предложениями с показателем сравнения «как»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1997. – 22 с.
4. Емельянова О.Н. Сравнение // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. – М.: Флинта; Наука, 2003. – С. 669–671.
5. Ермакова Н.Л. Сравнение в поле функционально-семантической категории компаративности // ТЯиМК. – 2020. – №1(36). – С. 70–78.
6. Иванов А.В. Сердце Пармы. «ИП Алексей Иванов», 2000. – 292 с.
7. Иванян Е.П., Айрян З.Г. Стихотворение Г. Алишана «Раздан»: поливариантность смыслов, интерпретаций, переводов // Научный диалог. – 2020. – № 12. – С. 133–150.
8. Искандерова И.З. Семантико-структурная характеристика сравнительных конструкций. – М., 1982. – 236 с.
9. Камышова А.Е. Сравнение и его функции в структуре прозаического текста: На материале прозы В. Брюсова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2006. – 20 с.
10. Ковешникова А.В. Способы выражения компаративной семантики в художественных произведениях В. Пелевина // Филология: научные исследования. – 2025. – № 5. – С. 52–68.
11. Крылова М.Н. Разноуровневые средства выражения сравнения, их функции в языке поэзии и прозы И. А. Бунина и С. А. Есенина: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2003. – 18 с.

12. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.
13. Разуваева Л.В. Типы компаративных конструкций в художественном тексте с позиции их восприятия реципиентом // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2008. – № 2. – С. 102–104.
14. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1976. – 459 с.
15. Румянцева М.В. Когнитивные особенности дуального художественного концепта море-океан в творчестве Б. В. Шергина // СибСкрипт. – 2024. – Т. 26. № 1. – С. 49–61.
16. Турсунова Л.А. Структурные типы и стилистические функции эпитета в языке английской художественной литературы XX века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1974. – 22 с.
17. Черноусова О.Н. Функционирование образных сравнений в художественном тексте и речи диалектоносителей // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2012. – № 1 (15). – С. 219–223.

References in Roman script

1. Akhmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. – M.: KomKniga, 2005. – 576 s.
2. Vinogradov V.V. O yazyke khudozhestvennoy literatury. – M.: Goslitizdat, 1959. – 654 s.
3. Dautiya F. V. Sravnitel'nye konstruksii, perekhodnye mezhdu slozhnymi i prostymi predlozheniyami s pokazatelem sravneniya «kak»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M., 1997. – 22 s.
4. Emel'yanova O.N. Sravnenie // Kul'tura russkoy rechi: Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik. – M.: Flinta; Nauka, 2003. – S. 669–671.
5. Ermakova N.L. Sravnenie v pole funktsional'no-semanticheskoy kategorii komparativnosti // TYaiMK. – 2020. – №1(36). – S. 70–78.
6. Ivanov A.V. Serdtse Parmy. «IP Aleksey Ivanov», 2000. – 292 s.
7. Ivanyan, E.P., Ayryan Z.G. Stikhotvorenie G. Alishana «Razdan»: polivariantnost' smyslov, interpretatsiy, perevodov // Nauchnyy dialog. – 2020. – № 12. – S. 133–150.
8. Iskanderova I.Z. Semantiko-strukturnaya kharakteristika sravnitel'nykh konstruksiy. – M., 1982. – 236 s.
9. Kamyshova A.E. Sravnenie i ego funktsii v strukture prozaicheskogo teksta: Na materiale prozy V. Bryusova: avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk. – SPb, 2006. – 20 s.
10. Koveshnikova A.V. Sposoby vyrazheniya komparativnoy semantiki v khudozhestvennykh proizvedeniyakh V. Pelevina // Filologiya: nauchnye issledovaniya. – 2025. – № 5. – S. 52-68.
11. Krylova M.N. Raznourovnevye sredstva vyrazheniya sravneniya, ikh funktsii v yazyke poezii i prozy I. A. Bunina i S. A. Esenina: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. – Rostov-na-Donu, 2003. – 18 s.
12. Nikolina N.A. Filologicheskiy analiz teksta: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedeniy. – M.: Izdatel'skiy tsentr «Akademiya», 2003. – 256 s.
13. Razuvaeva L.V. Tipy komparativnykh konstruksiy v khudozhestvennom tekste s pozitsii ikh vospriyatiya retsipientom // Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. – 2008. – № 2. – S. 102–104.
14. Rozental' D.E., Telenkova M.A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov. – M.: Prosveshchenie, 1976. – 459 s.
15. Rumyantseva M.V. Kognitivnye osobennosti dual'nogo khudozhestvennogo kontseptu more-ocean v tvorchestve B. V. Shergina // SibSkript. – 2024. – Т. 26. № 1. – S. 49–61.
16. Tursunova L.A. Strukturnye tipy i stilisticheskie funktsii epiteta v yazyke angliyskoy khudozhestvennoy literatury XX veka: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. – M., 1974. – 22 s.
17. Chernousova O.N. Funktsionirovanie obraznykh sravneniy v khudozhestvennom tekste i rechi dialektonositeley // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie. – 2012. – № 1 (15). – S. 219–223.

References

1. Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. – Moscow: KomKniga, 2005. – 576 p. (In Russian).

2. Vinogradov V.V. On the language of fiction. – Moscow: Goslitizdat, 1959. – 654 p. (In Russian).
3. Dautia, F. V. Comparative constructions, transitional between complex and simple sentences with the comparative indicator «as»: author's abstract. diss. ... candidate of philological sciences. – Moscow, 1997. – 22 p. (In Russian).
4. Emelyanova O.N. Comparison // Culture of Russian speech: Encyclopedic dictionary-reference book. – Moscow: Flinta; Nauka, 2003. – P. 669–671. (In Russian).
5. Ermakova N.L. Comparison in the field of the functional-semantic category of comparativeness // TYaiMK. – 2020. – No. 1 (36). – P. 70-78. (In Russian).
6. Ivanov A.V. The heart of Parma. «IP Alexey Ivanov», 2000. – 292 p. (In Russian).
7. Ivanyan, E.P., Hayryan Z. G. G. Alishan's poem «Hrazdan»: Polyvariety of Meanings, Interpretations, Translations // Nauchnyi dialog. - 2020. - No. 12. - P. 133-150. (In Russian).
8. Iskanderova I.Z. Semantic and structural characteristics of comparative constructions. – M., 1982. – 236 p. (In Russian).
9. Kamyshova A.E. Comparison and its functions in the structure of a prose text: Based on the prose of V. Bryusov: author's abstract. diss. ... candidate of philological sciences. - St. Petersburg, 2006. - 20 p. (In Russian).
10. Koveshnikova A.V. Methods of expressing comparative semantics in the works of fiction of V. Pelevin // Philology: scientific research. – 2025. – No. 5. – P. 52-68. (In Russian).
11. Krylova M.N. Multilevel means of expression of comparison, their functions in the language of poetry and prose of I.A. Bunin and S.A. Yesenin: author's abstract. diss. ... candidate of philological sciences. – Rostov-on-Don, 2003. – 18 p. (In Russian).
12. Nikolina N.A. Philological analysis of the text: Textbook for students of higher pedagogical educational institutions. – Moscow: Publishing center «Academy», 2003. – 256 p. (In Russian).
13. Razuvaeva L.V. Types of comparative constructions in a fiction text from the standpoint of their perception by the recipient // VSU Bulletin. Series: Philology. Journalism. – 2008. – No. 2. – P. 102-104. (In Russian).
14. Rosenthal D.E., Telenkova M.A. Dictionary and reference book of linguistic terms. – Moscow: Prosveshchenie, 1976. – 459 p. (In Russian).
15. Rumyantseva M.V. Cognitive Duality of the Artistic Concept of Sea-Ocean in B. V. Shergin's Short Stories // SibScript. – 2024. - No. 26(1). – Pp. 49-61. (In Russian).
16. Tursunova L.A. Structural types and stylistic functions of the epithet in the language of English fiction of the 20th century: author's abstract. diss. ... candidate of philological sciences. – Moscow, 1974. – 22 p. (In Russian).
17. Chernousova O.N. Functioning of figurative comparisons in fiction and speech of dialect speakers // Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics. – 2012. – No. 1 (15). – P. 219-223. (In Russian).

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 811.161.1

Воркачев Сергей Григорьевич
 доктор филологических наук, профессор
 Кубанский государственный
 технологический университет
 Россия, г. Краснодар
 e-mail: svork@mail.ru

Vorkachev Sergey Grigorievich
 Professor, Dr. Sc. (Philology)
 Kuban State Technological University
 Russia, Krasnodar
 e-mail: svork@mail.ru

С.Г. Воркачев ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ СМЫСЛ «УНЫНИЕ» В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. На материале текстов этимологических, частотных, синонимических и толковых словарей исследуется лингвокультурный смысл «уныние» как член синонимического ряда базовых показателей отрицательных астенических эмоциональных состояний – «тоска», «грусть», «печаль», «уныние». Устанавливается, что по такому доминантному признаку как частотность первое место в нем занимает «тоска», а последнее – «уныние», а по признаку использования в качестве семантического множителя в словарном толковании этот ряд открывается «печалью», а завершается «тоской». Собственно лингвистических оснований для включения имен «печали» и «уныния» для представления эмоциональных состояний в перечне греховных страстей православия нет, и «уныние» оказалось здесь по экстралингвистическим – теологическим и идеологическим соображениям.

Ключевые слова: дискурс, лексикография, синонимический ряд, доминанта, уныние, печаль, тоска, грусть

Для цитирования: Воркачев С.Г. Лингвокультурный смысл уныние в лексикографическом дискурсе. *Русистика без границы. Международно научнописание*, 2025, Том IX, кн. 4, С. 60–71.

S.G. Vorkachev THE LINGUOCULTURAL MEANING OF «DESPONDENCY» IN LEXICOGRAPHICAL DISCOURSE

Abstract: Using texts from etymological, frequency, synonymous and explanatory dictionaries, this article examines the linguocultural meaning of «despondency» as a member of a synonymous series of basic indicators of negative asthenic emotional states – «toska» («sorrow»), «grust» («grief»), «pechal» («sadness») and «unynije» («despondency»). It is established that, based on the dominant feature of frequency, «toska» ranks first, and «unynije» last. Based on its use as a semantic multiplier in dictionary definitions, this series opens with «pechal» and concludes with «toska». There are no purely linguistic grounds for including the terms «pechal» and «unynije» to represent emotional states in the list of sinful passions of Orthodoxy, and «unynije» was included for extralinguistic – theological and ideological reasons.

Keywords: discourse, lexicography, synonyms series, dominant, despondency, sorrow, grief, sadness

For citation: Vorkachev S.G. The linguocultural meaning of «despondency» in lexicographical discourse. *Russian Studies without Borders. International scientific Journal*, 2025, Vol. IX, Iss. 4, pp. 60–71.

Введение

Естественный язык – «зеркало человеческого духа» (Г.В. Лейбниц): в единицах его лексической системы отражаются история, культура, менталитет и ментальность народа-«пользователя» этого языка. Дискурс – в достаточной мере невнятное и многопризнаковое терминологическое образование, видовая классификация которого может производиться на самых различных основаниях [7, с. 17–18]. Наиболее распространенное видовое деление дискурса на основании тематического принципа предполагает, что разновидности этого коммуникативного образования умножаются по мере сужения его предметной области, и тогда дискурс лексикографический оказывается «внутри» дискурса лингвистического, который в свою очередь оказывается разновидностью дискурса научного, что в терминах синергетики напоминает фрактальность – свойство самоподобия, когда одна часть объекта похожа на его целое.

Каждая видовая составляющая тематического дискурса организуется вокруг определенного базового смысла (концепта) [9, с. 66], когда базовым смыслом научного дискурса является *истина*, политического – *власть*, патриотического – *родина*, а базовым смыслом дискурса лексикографического будет, конечно, *слово*. Лексикографический дискурс представляет собой коммуникативную область, включающую тексты словарей, где описываются и толкуются значения лексических единиц языка, выполняющих в том числе аккумулятивную функцию – накопления и хранения знаний о мире, отраженных в соответствующей лингвокультуре.

Теоретический обзор

Объяснительные словари достаточно условно делятся на энциклопедические, в которых фиксируется «состояние современного научного знания, достигнутого в тех областях, которые обозначаются собранными в нем словами» [5, с. 421], которые объясняют «не слова, но сами предметы и понятия, ими обозначаемые» [51, с. 462], и толковые, «разъясняющие значение и употребление включаемых слов» [5, с. 421]. Можно заметить, что несколько парадоксальной особенностью толковых словарей, включаемых в область лингвистического и, тем самым, научного дискурса [25], выступает представление обыденного сознания в форме «ближайших» значений включённых в них лексических единиц [5, с. 463].

Лингвокультурный смысл (концепт) как оперативная единица российской разновидности антропологической лингвистики по умолчанию обладает именем, которое в случае поливербального представления этого смысла совпадает с доминантой соответствующего синонимического ряда – наиболее частотной и наименее стилистически маркированной лексической единицей [16, с. 14–15]. Что касается *уныния*, то при его рассмотрении в качестве лингвокультурного смысла к статусу его имени возникают вопросы.

Работы по исследованию общих и отдельных свойств лексикографического дискурса не так уж и редки [23; 24; 33; 34; 26; 47 и пр.], несколько реже встречается описание функционирования в лексикографическом дискурсе отдельных имен-показателей культурных смыслов [10; 13; 14; 15; 18; 19; 32]. В то же самое время раздел, посвященный изучению лексикографического представления лингвокультурных смыслов (концептов), присутствует практически во всех диссертациях и монографиях лингвоконцептологической направленности, поскольку толковые словари являются одним из источников формирования понятийной составляющей базовой единицы лингвокультурологии.

Лексикография уныния

Как и некоторые лингвокультурные смыслы достаточно высокой степени абстрактности, обладающие свойством дискурсивной вариативности – способности менять

свое имя при переходе из одного типа дискурса в другой [8; 11]), *уныние* в психологическом и медицинском дискурсах сменяет свое имя на *депрессию*. Более того, *уныние* как аутентичное имя соответствующего лингвокультурного смысла выступает, пожалуй, только в дискурсе западного христианства – католицизма, где в семеричном списке «главных грехов» (*peccata capitalia*) папа Григорий Великий слил его с печалью (*tristitia*) под именем *acedia* [26]. В восточном же христианстве список греховных страстей, составленный Евагрием Понтийским, остался восьмеричным и в нем *уныние* (*ἀκηδία*) дублируется *печалью* (*λύπη*) – тем самым практически одна и та же семантическая сущность получает два имени. По утверждениям богословов, греховность и *печали*, и *уныния* заключается главным образом в том, что они подрывают основания веры – убежденность в справедливости мироустройства и милосердии Творца.

Длина смыслового ряда статьи в синонимических словарях, содержащей имя *уныние*, варьируется от четырех десятков лексических единиц до четырех. Так, в электронном синонимическом словаре В.Н. Тришина этот ряд представлен 42 лексическими единицами (*безотрадность, горесть, грустное настроение, грусть, депрессия, депрессняк, депрессуха, дистимия, задумчивость, ипохондрия, кручина, меланхолия, мерехлюндия, мехлюдия, минорное настроение, мрак, мрачное, подавленное состояние духа, невеселость, отчаяние, печаль, подавленность, понурость, пришибленность, прострация, скука, скукота, скучища, сплин, страсть, тоска, тоскливость, тошнота, туга, угнетенность, удрученность, унылость, уныние, упадок духа, хандра, чувство гнетущей тоски, ыжлость, элегия* – [41]), в словаре Н. Абрамова – 20 (*печаль, горе, горесть, грусть, кручина, отчаяние, скорбь, прискорбие, скука, томление, тоска, траур, уныние, сокрушение; ипохондрия, меланхолия; соболезнование, сожаление; боль, горечь* – [1]), в словаре З.Е. Александровой 2001 года – 16 (*уныние, унылость, грустное или минорное настроение, упадок духа, меланхолия, хандра, ипохондрия, депрессия, прострация книжн., депрессуха прост., сплин устар., мехлюдия, мерехлюндия устар. шутол., печаль, подавленность* – [3, с. 522–523]), в словаре З.Е. Александровой 1986 года – 8 (*уныние, грустное или минорное настроение, хандра, меланхолия, ипохондрия, депрессия, сплин, унылость, мерехлюндия* – [2, с. 503]), в словаре Л.Г. Бабенко – также 8 (*уныние, меланхолия, унылость, хандра, элегия, книжн. депрессия, книжн. ипохондрия, книжн. прострация, устар. мерехлюндия* – [6, с. 59–60]), в двухтомном словаре А.П. Евгеньевой – 6 (*тоска, тоскливость, уныние, меланхолия, хандра, кручина нар.-поэт.* – [21, т. 2, с. 557]), в толково-понятийном словаре А.А. Шушкова – 7 (*грусть, печаль, тоска, уныние, депрессия, меланхолия, хандра* – [50, с. 143]), в однотомном словаре А.П. Евгеньевой – 4 (*грусть, печаль, уныние, кручина нар.-поэт.* – [30, с. 111]) и, наконец, в словаре под редакцией Ю.Д. Апресяна – 4 (*тоска, уныние, печаль, грусть* – [42, с. 1165–1170]).

Уныние входит в число показателей астенических отрицательных эмоциональных состояний, базовый список которых можно получить путем элиминации из максимально широкого сводного перечня соответствующих смысловых эквивалентов лексические единицы, отмеченные стилистически (*прострация, депрессуха, депрессняк, сплин, мехлюдия, мерехлюндия, ипохондрия, кручина, хандра, туга, ыжлость*) или дискурсно (*депрессия, дистимия*), однокоренные суффиксальные производные имен-показателей уныния (*унылость, скукота, скучища*), перифразы (*грустное настроение, подавленное состояние духа, упадок духа, чувство гнетущей тоски*), метафоризованные показатели (*мрак, подавленность, понурость, пришибленность, тошнота*), периферийные и контекстуальные показатели (*безотрадность, горе, горесть, скорбь, прискорбие, соболезнование, сожаление; сокрушение, боль, отчаяние, скука, томление, задумчивость, невеселость, угнетенность, удрученность, элегия*) и гипероним *страсть*.

Тогда в конечном итоге этот список примет вид *тоска, уныние, печаль, грусть*, совпадающий со списком синонимов астенических отрицательных эмоциональных состояний, приводимым в словаре Ю.Д. Апресяна.

В синонимических словарях приводится объяснение смысловых отличий членов базового ряда показателей астенических отрицательных эмоциональных состояний, объединяемых переживанием отсутствия желаемого [42, с. 1165)]. Прежде всего, это интенсивность, глубина и длительность эмоционального напряжения, и тогда этот ряд открывает *грусть* как наиболее легкое и наименее глубокое и длительное эмоциональное состояние (*чувство лёгкой скорби* – [6, с. 59]; *относительно недлительное и неглубокое переживание* – [42, с. 1165]). За *грустью* идут *печаль* (*чувство скорби* – [6, с. 59]), а завершает этот ряд *тоска* – *интенсивное, длительное и глубокое переживание* [42, с. 1165], *тяжелое, гнетущее чувство* [6, с. 62; 20, с. 580]. В то же самое время *уныние* от всех прочих членов этого ряда отличают крайне угнетающее воздействие на жизнедеятельностную активность человека, роднящее его с апатией (*душевное состояние, исполненное безразличия к окружающему* – [6, с. 59; 21, т. 2, с. 557; 20, с. 580]; *предполагает подавленность, апатию и бездеятельностью несовместимые с нормальным функционированием человека* – [42, с. 165–166]) и отсутствие конкретной внешней причины (объекта), которая его вызывает (*Уныние – это подавленное настроение* – [50, с. 143]), в то время как *грусть, печаль* и *тоска* вызываются вполне конкретными причинами (*Грусть – это такое чувство, которое вы испытываете, когда произошло какое-либо неприятное событие* – [50, с. 143]; *Тоской называют неприятное чувство, которое испытывает человек, когда сожалеет о каком-либо плохом событии, которое уже случилось, или постоянное думает о чем-либо неблагоприятном, что может случиться в будущем* – [50, с. 143]). И, наконец, *уныние* отличает окончательная утрата надежды на исполнение желания, что сближает его с *отчаянием* (*Уныние – мрачное подавленное состояние духа, гнетущей безнадежности* – [6, с. 59]).

Признаком доминанты какого-либо синонимического ряда служит также широкозначность входящих в него имен – число их лексических эквивалентов. По данным словаря В.Н. Тришина *тоска* синонимизируется с 58 лексическими единицами, *печаль* – с 54, *уныние* – с 41 и *грусть* – с 27. В то же самое время перечень синонимического ряда отрицательных эмоциональных состояний открывается *грустью* [6, с. 59; 50, с. 143]), *печалью* [1] и *тоской* [21, т. 2, с. 557], но ни в одном словаре он не открывается *унынием*.

Частотный ранг базовых показателей астенических отрицательных эмоциональных состояний выглядит следующим образом: в словаре Л.Н. Засориной он открывается *тоской*, за которой идут *грусть* и *печаль*, а замыкает его *уныние* [25, с. 715, 150, 470, 740)]; в словаре С.А. Шарова этот ряд также открывается *тоской*, за которой идут *печаль* и *грусть*, а замыкается он также *унынием* [49]. Этот ранг подтверждается, в частности, данными корпусной лингвистики: в «Национальном корпусе русского языка» приводится 26690 примеров речевого употребления *тоски*, 11330 – *печали*, 9478 – *грусти* и только 4817 – *уныния*. [31]. Как можно видеть, при любом раскладе по частоте речевого употребления *уныние* здесь занимает последнее место и, тем самым, претендовать на доминанту этого ряда никак не может. По частотному признаку едва ли может на неё претендовать и *печаль*.

Этимологические словари возводят *тоску* к *тщете* (*тощий*) и *пустоте, тесноте* и *давлению* [45, с. 450; 46, т. 2, с. 253; 48, с. 320], *печаль* – к *жжению* и *грызению* [27, с.; 45, с. 298; 46, т. 2, с. 28; 48, с. 298], *грусть* – опять же к *грызению* и *мучению* [46, т. 1, с. 223; 48, с. 64], а *уныние* – к *мучению* и *болезни* [27, с. 396; 44, т. 3, с. 92; 48, с. 205, 335]. Этимология базовых показателей астенических отрицательных эмоциональных

состояний свидетельствует о том, что все они исторически сформировались путем метафоры: уподобления внутренних, психических состояний главным образом внешнему, физическому воздействию на организм человека – *давлению, жжению, грызению*.

Одним из признаков доминанты синонимического ряда выступает также преимущественное использование какого-либо члена этого ряда в качестве семантического множителя при толковании прочих его членов [16, с. 14–15]. В случае же базовых показателей астенических отрицательных эмоциональных состояний частотная иерархия почти что инвертируется: по данным 7 современных толковых словарей [22, 28, 29, 30, 39, 40, 43] в таком качестве чаще всего (18 раз) используется *печаль*, за которой идут *уныние* и *грусть* (по 16 раз), и всего лишь 7 раз появляется *тоска*. Здесь примечательно, что при лексикографическом толковании *печали* ни разу не появляется *уныние*, что, очевидно, косвенно свидетельствует о существенных различиях в семантике этих имен.

В толковых словарях имена базовых показателей астенических отрицательных эмоциональных состояний получают практически круговое толкование: *грусть, печаль, тоска* и *уныние* объясняются друг через друга, что говорит о содержании в их семантике определенной доли «примитивизма» в понимании Анны Вежицкой как неопределенности [7, с. 254–255].

По данным толковых словарей категориальный статус большинства этих лексических единиц оказывается достаточно неопределенным, можно сказать, «квантовым»: это одновременно и чувство и психическое состояние, однако доля эмоциональности и «стативности» в их категориальных характеристиках существенно варьируются. Так, если *грусть* в 7 словарях характеризуется как *чувство* [29, с. 125; 30, с.; 43, т. 1, с. 632; 22, т. 1, с. 345; 28, с. 232; 39, т. 1, с. 353; 40, т. 3, с. 447] и лишь в одном – как *состояние* [28, с. 232], *печаль* характеризуется в 7 словарях как *чувство* [29, с. 466; 30, с. 516; 43, т. 3, с. 248; 22, т. 2, с. 96; 28, с. 829; 39, т. 3, с. 117; 40, т. 9, с. 1128] и в 5 – как *состояние* [29, с. 466; 30, с. 516; 22, т. 2, с. 96; 28, с. 829; 40, т. 9, с. 1128], *тоска* – двух словарях как *чувство* [28, с. 1335; 39, т. 4, с. 125] и в двух – как *состояние* [22, т. 2, с. 788; 39, т. 4, с. 389], то *уныние* называется *чувством* в двух словарях [28, с. 1390, 40, т. 16, с. 684], а *состоянием* – в 5 [43, т. 4, с. 955; 22, т. 2, с. 860; 28, с. 1390; 39, т. 4, с. 499; 40, т. 16, с. 684]. На преимущественный статус *уныния* как психического *состояния*, кстати, указывается в синонимическом словаре Ю.Д. Апресяна – «уныние – это не столько чувство, сколько *общее состояние субъекта*» [42, с. 1165].

Другой интегральный признак базовых показателей астенических эмоциональных состояний – отрицательный аксиологический знак в их словарных толкованиях представлен «размыто», через коннотации присутствующих в этих толкованиях лексических единиц: которые передают *нерадостное, невеселое, тревожное, гнетущее, горестное* состояние души.

Отличительной чертой *уныния* в словарных толкованиях выступает указание на его близость *отчаянию*: утрата надежды и веры в будущее, беспросветность – это *безнадежная печаль* [29, с. 722; 30, с. 835; 43, т. 4, с. 955; 22, т. 2, с. 860] и *мрачное состояние духа* [22, т. 2, с. 860; 28, с. 1390; 43, т. 4, с. 955; 39, т. 4, с. 499; 40, т. 16, с. 684]. Другой отличительной чертой *уныния*, присутствующей в его словарных толкованиях, является указание на отсутствие у его субъекта жизненного тонуса и интереса к какой-либо деятельности – это *подавленное состояние духа* [22, т. 2, с. 860; 28, с. 1390; 39, т. 4, с. 499; 40, т. 16, с. 684; 43, т. 4, с. 955] и *гнетущая скука* [29, с. 722; 30, с. 835; 43, т. 4, с. 955; 28, с. 1390; 40, т. 16, с. 684].

В «Русском ассоциативном словаре» *уныние* в качестве стимула отсутствует, присутствует оно в качестве реакции на стимулы *бездельник, забвение, надеяться* [37, т. 2, с. 895]. В то же самое время «Словарь ассоциаций русского языка онлайн» на стимул *уныние* приводит 189 реакций [38], в числе которых присутствуют как интегральные – категориальный (*настроение, состояние, чувство, эмоция*) и аксиологический (*ад, беда, горе, горесть, горечь, грех, жалость, занудство, куда, невзгода, негатив, несчастье, неудача, обида, огорчение, плач, плохое, поражение, потеря, похороны, проигрыш, расстройство, разочарование, слезы, смерть, страдание, страх, тлен, трагедия, невеселость, безрадостность*), так и отличительные признаки этого психического состояния: утрата надежды на лучшее и смысла жизни (*безнадежность, безразличие, безысходность, бесперспективность, беспросветность, бессмысленность, дно, мрак, отчаяние, пессимизм, петля, равнодушие, суицид*), а также отсутствие жизненного тонуса и интереса к деятельности, подавленность (*апатия, бездействие, вялость, минор, монотонность, нежелание, однообразие, понурость, рутина, скука, слабость, упадок сил, усталость, тяжесть, угрюмость*).

Заключение

Все вышеизложенное, как представляется, позволяет прийти к следующим заключениям.

Одной из ведущих функций языка, реализуемых в лексикографическом дискурсе, является аккумулятивная – функция накопления и хранения знаний о мире, отраженных в соответствующей лингвокультуре. Базовая единица лингвокультуры – лингвокультурный смысл (концепт) по умолчанию обладает именем, которое совпадает с доминантой соответствующего синонимического ряда. *Уныние* как аутентичное имя соответствующего лингвокультурного смысла выступает только в списке смертных грехов католицизма, в православном же списке греховных страстей оно дублируется *печалью*.

В синонимических словарях длина смыслового ряда статьи, содержащей имя *уныние*, варьируется от четырех десятков лексических единиц до четырех – *тоска, печаль, грусть, уныние*, представляющих базовый список показателей астенических отрицательных эмоциональных состояний, отличающихся интенсивностью, глубиной и длительностью эмоционального напряжения.

Синонимический ряд базовых показателей астенических отрицательных эмоциональных состояний, выстроенный по рангу частотности, принимает следующий вид: *тоска, грусть, печаль, уныние*. В то же самое время по признаку преимущественного использования какого-либо члена этого ряда в качестве семантического множителя в словарном толковании этот ряд практически инвертируется – открывается *печалью*, а завершается *тоской*. При всей неопределенности категориального статуса членов этого синонимического ряда в толковых словарях *грусть* характеризуется преимущественно как чувство, а *уныние* – как состояние. Отличительные признаки *уныния* в словарных толкованиях представлены отсылками к его близости *отчаянию* как утрате надежды на будущее и к отсутствию жизненного тонуса.

Особых собственно лингвистических оснований для включения имен *печали* и *уныния* для представления эмоциональных состояний в перечне греховных страстей нет – по совокупности признаков в качестве доминанты синонимического ряда показателей подобных состояний для этого больше подошла бы *тоска*. *Уныние* оказалось здесь, очевидно, преимущественно по экстралингвистическим – теологическим и идеологическим соображениям: связи с утратой веры в справедливость божественного

мироустройства и милость Творца – отчаянием и отказом от усилий по спасению души – ленью и апатией.

Библиографический список

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – Режим доступа: <http://www.dict.t-mm.ru/abramov/>
2. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практик. справочник: около 9000 синонимических рядов. – М.: Русский язык, 1986. – 600 с.
3. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практик. справочник: около 11 000 синонимических рядов. – М.: Русский язык, 2001. – 568 с.
4. Апресян Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Под общим руководством Ю.Д. Апресяна. – М.-Вена: Языки славянской культуры : Венский славистический альманах, 2004. – 1488 с.
5. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
6. Бабенко Л.Г. Словарь синонимов русского языка. – М.: АСТ, Lingua, Астрель, 2011. – 688 с.
7. Вежбицка А. Из книги «Семантические примитивы» // Семиотика: Антология. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 242–270.
8. Воркачев С.Г. Дискурсивная вариативность лингвоконцепта (2): любовь-жалость // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2006. – Т. 65, № 2. – С. 33–40.
9. Воркачев С.Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2011. – Т. 70, № 5. – С. 64–74.
10. Воркачев С.Г. Слово «народ» в лексикографическом представлении // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 4. – С. 42–45.
11. Воркачев С.Г. Инициатива и послушание: к аксиологической вариативности лингвоконцепта // Политическая лингвистика. – 2012. – № 1(39). – С. 173–180.
12. Воркачев С.Г. Концепт «мздоимство» в лексикографическом представлении // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2019. – № 5. – С. 66–73. – <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2019-5-66-73>
13. Воркачев С.Г. Слово и дело: блат по данным лексикографии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 2. – С. 145–150. – <https://doi.org/10.17308/lic.2020.2/2850>
14. Воркачев С.Г. Обыденное зло: аксиология пошлости по данным лексикографии // Русский язык за рубежом. – 2020. – № 4. – С. 48–52. – <https://doi.org/10.37632/PI.2020.281.4.007>
15. Воркачев С.Г. Концепт «символ» в лексикографическом представлении // Русистика без границы. Международно научно списание. – 2021. – Т. 5, № 2. – С. 7–12.
16. Воркачев С.Г., Воркачева Е.А. Сущность и природа каждого: желание в языке и речи. – Краснодар: КубГТУ, 2018. – 135 с.
17. Воркачев С.Г., Воркачева Е.А. Дискурс и его типология в российской лингвистике // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – № 3. – С. 14–21. – <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2019-3-14-21>
18. Воркачев С.Г., Воркачева Е.А. Лингвокультурный смысл «страсть» в лексикографическом дискурсе // Русистика без границы. Международно научно списание. – 2023. – Т. 7, № 3. – С. 7–13.
19. Гончарова В.В. Лексикографическая репрезентация терминов «текст» и «дискурс» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18, № 1. – С. 84–88.
20. Евгеньева А.П. Словарь синонимов русского языка. – М.: Астрель-Аст, 2001. – 648 с.
21. Евгеньева А.П. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. – М.: Астрель-Аст, 2001.
22. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. – М.: Русский язык, 2001.
23. Жунусова Ж.Н. Аспекты межкультурной коммуникации в лексикографическом дискурсе // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – № 2(24). – С. 355–358.

24. Журавлев С.А. Идеологемы и их актуализация в русском лексикографическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2004. – 23 с.
25. Засорина Л.Н. Частотный словарь русского языка. Около 40000 слов. – М.: Русский язык, 1977. – 936 с.
26. Кротов Я. История классификации греха. – Режим доступа: http://krotov.info/1/old/1_history/00_moi/greh_klass_1237.htm
27. Крылов А.Г. Этимологический словарь русского языка. – СПб.: Полиграфуслуги, 2005. – 432 с.
28. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
29. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1953. – 848 с.
30. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1998. – 944 с.
31. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru
32. Передриенко Т.Ю., Баландина Е.С. Репрезентация концептов «общество» и «society» в лексикографическом дискурсе // Вопросы лексикографии. – 2020. – № 17. – С. 51–73.
33. Плотникова А.М. Новые тенденции в русском лексикографическом дискурсе // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2014. – № 3(19). – С. 22–27. – <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.02>
34. Пожидаева Е.В. Лексикографический дискурс как репрезентант лингвокультуры питания // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – 3(45). – С. 119–121.
35. Резунова М.В. Лексикографический дискурс как разновидность научного дискурса // Вопросы филологических наук. – 2005. – № 6(17). – С. 37–38.
36. Резунова М.В. К определению лексикографического дискурса // Альманах современной науки и образования. – 2008. – № 2-3. – С. 189–191.
37. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. – М.: Астрель-АСТ, 2002.
38. Словарь ассоциаций русского языка онлайн – Режим доступа: <https://sinonim.org/as/уныние>
39. Словарь русского языка: в 4-х т. – М.: Русский язык, 1981–1984.
40. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.-Л.: АН СССР, 1951–1965.
41. Тришин В.Н. Словарь синонимов – Режим доступа: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/fc/slovar-211-32.htm#zag-325482>
42. Урысон Е.В. Тоска, уныние, печаль, грусть // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Под общим руководством Ю.Д. Апресяна. – М.-Вена: Языки славянской культуры : Венский славистический альманах, 2004. – С. 1165–1170.
43. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. – М.: Астрель-АСТ, 2000.
44. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Астрель-АСТ, 2003.
45. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка: Более 5000 слов. – Киев: Радяньска школа, 1989. – 511 с.
46. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Русский язык, 1999.
47. Чурилина Л.Н. Современный православный дискурс: проблемы лексикографического представления // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – № 2(24). – С. 377–383.
48. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка: происхождение слов. – М.: Дрофа, 2000. – 400 с.
49. Шаров С.А. Частотный словарь русского языка. – Режим доступа: <http://www.artint.ru/projects/frqlist.php>
50. Шушков, А.А. Толково-понятийный словарь русского языка: 600 семантических групп: около 16500 слов и устойчивых выражений. – М.: АСТ-Астрель-Хранитель, 2008. – 988 с.
51. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

References in Roman script

1. Abramov N. Slovar' russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazhenij. – Rezhim dostupa: <http://www.dict.t-mm.ru/abramov/>

2. Aleksandrova Z.E. Slovar' sinonimov russkogo yazyka: Prakt. spravochnik: okolo 9000 sinonimicheskikh ryadov. – M.: Russkij yazyk, 1986. – 600 s.
3. Aleksandrova Z.E. Slovar' sinonimov russkogo yazyka: Prakt. spravochnik: okolo 11 000 sinonimicheskikh ryadov. – M.: Russkij yazyk, 2001. – 568 s.
4. Apresyan Yu.D. Novyj ob'yasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo yazyka. Pod obshchim rukovodstvom Yu.D. Apresyana. – M.-Vena: Yazyki slavyanskoj kul'tury : Venskij slavisticheskij al'manakh, 2004. – 1488 s.
5. Akhmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. – M.: Sovetskaya enciklopediya, 1969. – 608 s.
6. Babenko L.G. Slovar' sinonimov russkogo yazyka. – M.: AST, Lingua, Astrel', 2011. – 688 s.
7. Vezhbicka A. Iz knigi "Semanticheskie primitivy" // Semiotika: Antologiya. – M.: Akademicheskij Proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2001. – S. 242–270.
8. Vorkachev S.G. Diskursnaya variativnost' lingvokoncepta (2): lyubov'-zhalost' // Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka. – 2006. – T. 65, № 2. – S. 33–40.
9. Vorkachev S.G. Rossijskaya lingvokul'turnaya konceptologiya: sovremennoe sostoyanie, problemy, vektor razvitiya // Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka. – 2011. – T. 70, № 5. – S. 64–74.
10. Vorkachev S.G. Slovo "narod" v leksikograficheskom predstavlenii // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. – 2012. – № 4. – S. 42–45.
11. Vorkachev S.G. Inicijativa i poslushanie: k aksiologicheskoj variativnosti lingvokoncepta // Politicheskaya lingvistika. – 2012. – № 1(39). – S. 173–180.
12. Vorkachev S.G. Koncept "mzdoimstvo" v leksikograficheskom predstavlenii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. – 2019. – № 5. – S. 66–73. – <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2019-5-66-73>
13. Vorkachev S.G. Slovo i delo: blat po dannym leksikografii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. – 2020. – № 2. – S. 145–150. – <https://doi.org/10.17308/lic.2020.2/2850>
14. Vorkachev S.G. Obydennoe zlo: aksiologiya poshlости po dannym leksikografii // Russkij yazyk za rubezhom. – 2020. – № 4. – S. 48–52. – <https://doi.org/10.37632/PI.2020.281.4.007>
15. Vorkachev S.G. Koncept "simvol" v leksikograficheskom predstavlenii // Rusistika bez granici. Mezhdunarodno nauchno spisanie. – 2021. – T. 5, № 2. – S. 7–12.
16. Vorkachev S.G., Vorkacheva E.A. Sushchnost' i priroda kazhdogo: zhelanie v yazyke i rechi. – Krasnodar: KubGTU, 2018. – 135 s.
17. Vorkachev S.G., Vorkacheva E.A. Diskurs i ego tipologiya v rossijskoj lingvistike // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. – 2019. – № 3. – S. 14–21. – <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2019-3-14-21>
18. Vorkachev S.G., Vorkacheva E.A. Lingvokul'turnyj smysl "strast'" v leksikograficheskom diskurse // Rusistika bez granici. Mezhdunarodno nauchno spisanie. – 2023. – T. 7, № 3. – S. 7–13.
19. Goncharova V.V. Leksikograficheskaya reprezentaciya terminov "tekst" i "diskurs" // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2025. – T. 18, № 1. – S. 84–88.
20. Evgen'eva A.P. Slovar' sinonimov russkogo yazyka. – M.: Astrel'-Ast, 2001. – 648 s.
21. Evgen'eva A.P. Slovar' sinonimov russkogo yazyka: v 2 t. – M.: Astrel'-Ast, 2001.
22. Efremova T.F. Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj: v 2 t. – M.: Russkij yazyk, 2001.
23. Zhunusova Zh.N. Aspekty mezhkul'turnoj kommunikacii v leksikograficheskom diskurse // Problemy istorii, filologii, kul'tury. – 2009. – № 2(24). – S. 355–358.
24. Zhuravlev S.A. Ideologiya i ikh aktualizaciya v russkom leksikograficheskom diskurse: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Kazan', 2004. – 23 s.
25. Zazorina L.N. Chastotnyj slovar' russkogo yazyka. Okolo 40000 slov. – M.: Russkij yazyk, 1977. – 936 s.
26. Krotov Ya. Istoriya klassifikacii grekha. – Rezhim dostupa: http://krotov.info/1/old/1_history/00_moi/greh_klass_1237.htm
27. Krylov A.G. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. – SPb.: Poligrafuslugi, 2005. – 432 s.
28. Kuznecov S.A. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka. – SPb.: Norint, 1998. – 1536 s.

29. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka. – M.: Gosizdat inostrannykh i nacional'nykh slovarej, 1953. – 848 s.
30. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. – M.: Azbukovnik, 1998. – 944 s.
31. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka. – Rezhim dostupa: www.ruscorpora.ru
32. Peredrienko T.Yu., Balandina E.S. Rerezentaciya konceptov “obshchestvo” i “society” v leksikograficheskom diskurse // Voprosy leksikografii. – 2020. – № 17. – S. 51–73.
33. Plotnikova A.M. Novye tendencii v russkom leksikograficheskom diskurse // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2014. – № 3(19). – S. 22–27. – <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.02>
34. Pozhidaeva E.V. Leksikograficheskij diskurs kak reprezentant lingvokul'tury pitaniya // Problemy istorii, filologii, kul'tury. – 2014. – № 3(45). – S. 119–121.
35. Rezunova M.V. Leksikograficheskij diskurs kak raznovidnost' nauchnogo diskursa // Voprosy filologicheskikh nauk. – 2005. – № 6(17). – S. 37–38.
36. Rezunova M.V. K opredeleniyu leksikograficheskogo diskursa // Al'manakh sovremennoj nauki i obrazovaniya. – 2008. – № 2–3. – S. 189–191.
37. Russkij asociativnyj slovar': v 2 t. – M.: Astrel'- AST, 2002.
38. Slovar' asociacij russkogo yazyka onlajn – Rezhim dostupa: <https://sinonim.org/as/unynie>
39. Slovar' russkogo yazyka: v 4-h t. – M.: Russkij yazyk, 1981–1984.
40. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t. – M-L.: AN SSSR, 1951–1965.
41. Trishin V.N. Slovar' sinonimov – Rezhim dostupa: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/fc/slovar-211-32.htm#zag-325482>
42. Uryson E.V. Toska, unynie, pechal', grust' // Novyj ob'yasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo yazyka. Pod obshchim rukovodstvom Yu.D. Apresyana. – M.-Vena: Yazyki slavyanskoj kul'tury : Venskij slavisticheskij al'manakh, 2004. – S. 1165–1170.
43. Ushakov D.N. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: v 4 t. – M.: Astrel'-AST, 2000.
44. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t. – M.: Astrel'-AST, 2003.
45. Cyganenko G.P. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: Bolee 5000 slov. – Kiev: Radyan'ska shkola, 1989. – 511 s.
46. Chernyh P.Ya. Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t. – M.: Russkij yazyk, 1999.
47. Churilina L.N. Sovremennyj pravoslavnyj diskurs: problemy leksikograficheskogo predstavleniya // Problemy istorii, filologii, kul'tury. – 2009. – № 2(24). – S. 377–383.
48. Shanskij N.M., Bobrova T.A. Shkol'nyj etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: proiskhozhdenie slov. – M.: Drofa, 2000. – 400 s.
49. Sharov S.A. Chastotnyj slovar' russkogo yazyka. – Rezhim dostupa: <http://www.artint.ru/projects/frqlist.php>
50. Shushkov, A.A. Tolково-ponyatijnyj slovar' russkogo yazyka: 600 semanticheskikh grupp: okolo 16500 slov i ustojchivykh vyrazhenij. – M.: AST-Astrel'-Hranitel', 2008. – 988 s.
51. Yarceva V.N. Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'. – M.: Sovetskaya enciklopediya, 1990. – 685 s.

References

1. Abramov N. Dictionary of Russian Synonyms and Similar expressions. – URL: <http://www.dict.tmm.ru/abramov/> (In Russian).
2. Aleksandrova Z.E. Dictionary of Synonyms of the Russian Language: A Practical Reference: about 9,000 Synonymous Rows. – Moscow: Russkiy Yazyk, 1986. – 600 p. (In Russian).
3. Aleksandrova Z.E. Dictionary of Synonyms of the Russian Language: A Practical Ueference: about 11,000 Synonymous Rows. – Moscow: Russkiy Yazyk, 2001. – 568 p. (In Russian).
4. Apresyan Yu.D. New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language. Under the general supervision of Yu.D. Apresyan. – Moscow-Vienna: Languages of Slavic Culture: Vienna Slavic Almanac, 2004. – 1488 p. (In Russian).
5. Akhmanova O.S. Dictionary of Linguistic Terms. – Moscow: Soviet Encyclopedia, 1969. – 608 p. (In Russian).

6. Babenko L.G. Dictionary of Synonyms of the Russian Language. – Moscow: AST, Lingua, Astrel, 2011. – 688 p. (In Russian).
7. Wierzhbicka A. From the book “Semantic Primitives” // Semiotics: Anthology. – Moscow: Academicheskyy Proekt; Yekaterinburg: Delovaya kniga, 2001. – pp. 242–270. (In Russian).
8. Vorkachev S.G. Discourse variability of the linguoconcept (2): love-pity // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Series of Literature and Language. – 2006. – vol. 65, no 2. – pp. 33–40. (In Russian).
9. Vorkachev S.G. Russian linguocultural conceptology: current state, problems, and development vector // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Series of Literature and Language. – 2011. – vol. 70, no 5. – pp. 64–74. (In Russian).
10. Vorkachev S.G. The word “people” in lexicographic representation // Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University. – 2012. – no 4. – pp. 42–45. (In Russian).
11. Vorkachev S.G. Initiative and obedience: towards the axiological variability of the linguoconcept // Political Linguistics. – 2012. – no 1(39). – pp. 173–180. (In Russian).
12. Vorkachev S.G. The concept of “bribery” in lexicographical representation // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian Philology. – 2019. – no 5. – pp. 66–73. – <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2019-5-66-73> (In Russian).
13. Vorkachev S.G. Word and deed: blat according to lexicography // Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. – 2020. – no 2. – pp. 145–150. – <https://doi.org/10.17308/lic.2020.2/2850> (In Russian).
14. Vorkachev S.G. Everyday evil: axiology of vulgarity according to lexicography // Russian Language Abroad. - 2020. – no 4. – pp. 48–52. – <https://doi.org/10.37632/PI.2020.281.4.007> (In Russian).
15. Vorkachev S.G. The concept of “symbol” in lexicographic representation // Russian Studies without Borders. International Scientific Journal – 2021. – vol. 5, no 2. – pp. 7–12. (In Russian).
16. Vorkachev S.G., Vorkacheva E.A. The Essence and Nature of Each: Desire in Language and Speech. – Krasnodar: Kuban State Technological University, 2018. – 135 p. (In Russian).
17. Vorkachev S.G., Vorkacheva E.A. Discourse and its typology in Russian linguistics // Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics. – 2019. – no 3. – pp. 14–21. – <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2019-3-14-21> (In Russian).
18. Vorkachev S.G., Vorkacheva E.A. The linguocultural meaning of “passion” in lexicographic discourse // Russian Studies without Borders. International Scientific Journal. – 2023. – vol. 7, no 3. – pp. 7–13. (In Russian).
19. Goncharova V.V. Lexicographic representation of the terms “text” and “discourse” // Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. – 2025. – vol. 18, no 1. – pp. 84–88. (In Russian).
20. Evgenyeva A.P. Dictionary of Synonyms of the Russian Language. – Moscow: Astrel-Ast, 2001. – 648 p. (In Russian).
21. Evgenyeva A.P. Dictionary of Synonyms of the Russian Language: in 2 volumes. – Moscow: Astrel-Ast, 2001. (In Russian).
22. Efremova T.F. New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-formation: in 2 volumes. – Moscow: Russian language, 2001. (In Russian).
23. Zhunusova Z.N. Aspects of intercultural communication in lexicographical discourse // Problems of History, Philology, Culture. – 2009. – no 2(24). – pp. 355–358. (In Russian).
24. Zhuravlev S.A. Ideologemes and Their Actualization in Russian Lexicographical Discourse: Abstract of Ph. D. Dissertation, Philology. – Kazan, 2004. – 23 p. (In Russian).
25. Zazorina L.N. Frequency Dictionary of the Russian Language. About 40,000 Words. – Moscow: Russkiy yazyk, 1977. – 936 p. (In Russian).
26. Krotov Ya. History of the classification of sin. – URL: http://krotov.info/1/old/1_history/00_moi/greh_klass_1237.htm (In Russian).
27. Krylov A.G. Etymological Dictionary of the Russian Language. – St. Petersburg: Polygraphuslugi, 2005. – 432 p. (In Russian).
28. Kuznetsov S.A. Comprehensive Explanatory Dictionary of the Russian Language. – St. Petersburg: Norint, 1998. – 1536 p. (In Russian).
29. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian Language. – Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1953. – 848 p. (In Russian).

30. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language. – Moscow: Azbukovnik, 1998. – 944 p. (In Russian).
31. National Corpus of the Russian Language. – URL: www.ruscorpora.ru (In Russian).
32. Peredrienko T.Yu., Balandina E.S. Representation of the concepts “obshchestvo” and “society” in lexicographical discourse // Problems of Lexicography. – 2020. – no 17. – pp. 51–73. (In Russian).
33. Plotnikova A.M. New trends in Russian lexicographical discourse // Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University. – 2014. – no 3(19). – pp. 22–27. – <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.02> (In Russian).
34. Pozhidaeva E.V. Lexicographic discourse as a representative of the linguistic culture of food // Problems of History, Philology, Culture. – 2014. – no 3(45). – pp. 119–121. (In Russian).
35. Rezunova M.V. Lexicographic discourse as a type of scientific discourse // Issues of Philological Sciences. – 2005. – no 6(17). – pp. 37–38. (In Russian).
36. Rezunova M.V. On the definition of lexicographical discourse // Almanac of Modern Science and Education. – 2008. – no. 2-3. – pp. 189–191. (In Russian).
37. Russian Associative Dictionary: in 2 volumes. – Moscow: Astrel-AST, 2002. (In Russian).
38. Dictionary of Associations of the Russian Language Online – URL: <https://sinonim.org/as/уныние> (In Russian).
39. Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes. – Moscow: Russkiy Yazyk, 1981–1984. (In Russian).
40. Dictionary of the Modern Russian Literary Language: in 17 volumes. – Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1951–1965. (In Russian).
41. Trishin V.N. Dictionary of Synonyms – URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/fc/slovar-211-32.htm#zag-325482> (In Russian).
42. Uryson E.V. Melancholy, despondency, sadness, grief // New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language. Under the general supervision of Yu.D. Apresyan. – Moscow-Vienna: Languages of Slavic Culture: Vienna Slavic Almanac, 2004. – pp. 1165–1170. (In Russian).
43. Ushakov D.N. Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes. – Moscow: Astrel-AST, 2000. (In Russian).
44. Vasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes. – Moscow: Astrel-AST, 2003. (In Russian).
45. Tsyganenko G.P. Etymological Dictionary of the Russian Language: More than 5,000 Words. – Kyiv: Radyanska Shkola, 1989. – 511 p. (In Russian).
46. Chernykh P.Ya. Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language: in 2 volumes - M.: Russian language, 1999. (In Russian).
47. Churilina L.N. Modern Orthodox discourse: problems of lexicographic representation // Problems of History, Philology, Culture. – 2009. – no 2(24). – pp. 377–383. (In Russian).
48. Shansky N.M., Bobrova T.A. School Etymological Dictionary of the Russian Language: the Origin of Words. – Moscow: Bustard, 2000. – 400 p. (In Russian).
49. Sharov S.A. Frequency Dictionary of the Russian Language. – URL: <http://www.artint.ru/projects/frqlist.php> (In Russian).
50. Shushkov, A.A. Explanatory and Conceptual Dictionary of the Russian Language: 600 Semantic Groups: about 16,500 Words and Fixed Expressions. – M.: AST-Astrel-Hranitel, 2008. – 988 p. (In Russian).
51. Yartseva V.N. Linguistic Encyclopedic Dictionary. – Moscow: Soviet Encyclopedia, 1990. – 685 p. (In Russian).

ВЗГЛЯД В ИСТОРИЮ

УДК 262.4

Дружинкина Наталья Гавриловна
 доктор исторических наук, профессор
 Санкт-Петербургский государственный
 университет
 промышленных технологий и дизайна
 Россия, г. Санкт-Петербург
 e-mail: Nat_Druzhin@mail.ru

Druzhinkina Natalia Gavrilovna
 Professor, Dr. Sc. (History)
 Saint Petersburg State University of
 Industrial Tehnology and Design
 Russia, St. Petersburg
 e-mail: Nat_Druzhin@mail.ru

Н.Г. Дружинкина

БЫТ РАБОТНОГО ЛЮДА В РОССИИ ПО МЕМУАРАМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - НАЧАЛА XX В.: ИЗ КРЕСТЬЯН В РАБОЧИЕ

Аннотация: Данная статья затрагивает проблему трансформации традиционных крестьянских ценностей в рабочую субкультуру, вопросы маргинализации рабочих в условиях крупного капиталистического индустриального города и преодоления нищенства. Борьба с нищенством в православных приходах становилась откликом на решение проблемы социальной адаптации групп «риска» в среде «пролетариев». Модернизационные процессы в политической, социально-экономической, культурной сферах во второй половине XIX – начале XX вв. повлекли за собой изменения поведения в повседневной жизни, в семье, на работе, в обществе, в церкви, в быту. Они затронули и очень чувствительный концепт религиозного сознания населения.

Ключевые слова: Костромские сапожники, крестьяне, рабочие, быт, культура, традиции, ритуалы

Для цитирования: Дружинкина Н.Г. Быт рабочего люда в России по мемуарам второй половины XIX – начала XX в. *Русистика без границы. Международно научно списание.* – София, 2025, Том IX, кн. 4, С. 72–84.

N.G. Druzhinkina

THE LIFE OF THE WORKING PEOPLE IN RUSSIA BASED ON THE MEMOIRS OF THE SECOND HALF OF THE 19TH - EARLY 20TH CENTURY: FROM PEASANTS TO WORKERS

Abstract: This article deals with the problem of the transformation of traditional peasant values into a working subculture, the issues of the marginalization of workers in a large capitalist industrial city and overcoming poverty. The fight against begging in Orthodox parishes became a response to solving the problem of social adaptation of «at-risk» groups among the «proletarians». Modernization processes in the political, socio-economic, and cultural spheres in the second half of the 19th and early 20th centuries led to changes in behavior in everyday life, in the family, at work, in society, in the church, and in everyday life. They also touched upon a very sensitive concept of the religious consciousness of the population.

Keywords: Kostroma shoemakers, peasants, workers, life, culture, traditions, rituals

For citation: Druzhinkina N.G. The life of the working people in Russia based on the memoirs of the second half of the XIX- early XX century: from peasants to workers. *Russian Studies without Borders. International scientific Journal.* – Sofia, 2025, Vol. IX, Iss. 4, pp. 72–84.

Мемуарная литература, дневниковые записи, биографические эссе, воспоминания являются важными историческими источниками, свидетельствующими о нравах, поведении, психологических аспектах времени, изучаемой эпохи. Картины, рисуемые авторами, исполнены неповторимого колорита, образного своеобразия, чувственности, точности к деталям.

Например, Александра Николаевна Мельникова (урожденная Сахно-Устимович) (1848–1902), поэтесса и писательница, мемуаристка оставила свои воспоминания, охватывающие период 1850–1890-х гг. В ее книге затронута обширная география пласта российской жизни (Курская, Полтавская губернии, Крым, Кавказские Минеральные воды, Москва, Петербург). Она встречалась с знаменитыми людьми: П.И. Чайковским, М.К. Башкирцевой, Л.Н. Толстым. Повседневная жизнь разных социальных слоев того времени: дворян, военнослужащих, крестьян, интеллигенции рассматривается сквозь призму собственного опыта жизни. Непосредственность и проницательность позволили автору разглядеть и запечатлеть главные тенденции быстро меняющейся повседневности, уходящей от патриархальности [1].

«Знаете ли вы, что такое храмовой праздник в селе? Это не только праздник храма или церкви, но и праздник всего села, целой усадьбы, и как бы именины всех обитателей их. К этому великому дню готовятся задолго вперед и потом еще долее вспоминают об нем. Канун «храма» тот же праздник; в каждой избе, в каждом жилом углу идут приготовления к завтрашнему празднику; усиленно моют, чистят, жарят, варят, пекут целые вороха съестного, и всякий хозяин, будь он бедняк, ждет к этому дню гостей из города или из соседнего села. Празднование кануна начинается с утра.....около церкви, в роще, или вернее, на окраине ее, стоят высоконагруженные телеги, покрытые рогожами; около них отпряженные лошади лакомятся овсом, которым угощают их господские конюхи. Тут-же бродят чуйки и заботливо отмеривают шагами места для балаганов к завтрашней ярмарке, и затем вбивают колья рядышками. Это Обоянские купцы, по исстари существующему обычаю, приехали сюда для сбыта залежалого товара деревенскому народу и кстати попользоваться даровою квартирой и жирным угощением приятеля из дворни. Устроив лавочку, чуйка заходит в церковь поставить свечу перед образом и затем уже отправляется на готовую квартиру, где ждет его сытый ужин и приятельская беседа. После вечерни, раскланиваясь направо и налево, шествует широкими шагами священник, направляясь к господскому дому: поздравить с преддверием праздника и выпить чаю....

С рассветом слышится на ярмарочном месте уже настоящая суета, громкий, несдержанный, бестолковый говор и стук телег, подъезжающих к церкви, к заутрени и обедни, с расфранченными бабами однодворками. У входа в церковь, раньше всех поспешили занять места нищие, слепцы и калеки, и уже затащили свои «Сон Лазаря», «Сон Богородицы» и др. Народ, кучками, постоянно сменяющимися, окружает этих родных бардов и сочувственно прислушивается к давно знакомым и вечно милым звукам этих скорбных песен.

Но вот уже проблаговестили к обедне, и в народе, громким шепотом пронеслось: Господа идут! – Толпа раздалась, мужики снимают шапки, бабы в пояс кланяются. Прошли господа, началась служба. Духота и давка невыносимая; целые снопы восковых свечей зажжены перед образом «Вознесения»; еле дышится. Вдруг, во время Херувимской, из толпы вылетают дикие, раздражающие вопли...кого-то выводят из церкви и затем осторожно тащат с крыльца в ограду церковную. Это две бабы...-

кликуши... Припадки их – чисто истерические или же эпилептические; но почему именно вызываемые они Херувимской, а не иною духовною песнею, оставалось для всех загадкой.....

После обедни приезжали к нам гости: предводитель, исправник и еще кто-нибудь из городских. Пупыкины приезжали накануне. Соседей у нас было мало; главные и ближайшие муж и жена Карамзины (сын историографа, женатый на баронессе Дука), с двумя взрослыми племянницами, княжнами Багратион, посещавшие нас охотнее в будни, запросто, чем в такие праздники, как храмовой. Это были, разумеется, люди светские, высокообразованные, приятные и нисколько не стеснительные» [1, с. 38-39].

Описанию провинциального быта рабочего люда посвятил свои мемуары М.М. Зимин. О появлении сапожного промысла в Костромской губернии существуют любопытные рассказы в его изложении [2, с. 2-3]: «Лет 7- тому назад, рассказывали мне сапожники, в Благовещенской волости, Варнавинского уезда начался сапожный промысел, и вот как: в деревне Малехино, - она из семи дворов, - жил барин. Он привез из Питера кожаные сапоги стал носить, а тогда во всей волости не было кожаных сапог. У этого барина был кучер по имени Руфа, которому он дал «голицы». Руфа их смотрел, любовался, интересовался и думал: «А если бы мне научиться шить такие голицы, тогда научусь и валенки подшивать». А в то время подшивкой валенок занимались бабы, они подшивали большой иглой. Руфа слышал, что где-то в Ветлуге – в городе есть сапожники и подшивают не иглой, а шилом. Кучер носил рукавицы 10 лет и все ушивал их иглой. Когда невозможно стало носить, он распорол их и стал шить сам по этой формуле рукавицы из холста. Через несколько времени достал кожу, из нее сделал рукавицы. И так постепенно в течении 10 лет научился делать концы, подшивать валенки и шить рукавицы. В 1851 году барин сапоги свои изодрал и бросил, а Руфа подобрал их, распорол и по этим сапогам стал шить башмаки. Когда он сделал башмаки, то ушел от барина, как престарелый и начал шить рукавицы. У него были два сына, которые занимались хлебопашеством. Он хотел обучить их шить рукавицы, но они на это не согласились. Он взял из другой деревни Львова и стал учить его голицы. Когда научил этого бродягу шить голицы, в это время крепостное право пало. Вася Кривой ушел в свою деревню и стал шить голицы и продавать на базаре, и мало-помалу обзавелся хозяйством. Тогда два сына Руфы, Василий и Гаврила, видя, что Вася Кривой в жизни поправляется, стали учиться у своего отца шить голицы и башмаки; и так до смерти умели шить только башмаки и настолько плохо, что едва, едва они были похожи на обувь, а потом от них научились сыновья, так, развилось сапожное производство».

В Ковернинской волости прежде обувь шилась из простой черной кожи, - подошвы прошивали варными нитками, почему сапоги и назывались прошивными. Колодка на оба сапога была одна – прямая. Сапоги, сшитые на косые колодки, на которых шьют теперь, старики не носили, считали за великий грех, а тем более на гвоздях, потому что «в таких сапогах скоморохи плясали». Не носили старики сапоги и с наколоченными подковами, считая за грех «Кони кованы бывают, а человек не подходит к животному».

В Урене, Варнавинского уезда тоже шили на прямую колодку, прошивали толстой дратвой в палец толщины и просмаливали ее для крепости. В прежнее время повсюду-то прошивали подошву, как валенцы, потому что не было деревянных гвоздей. А потом стали делать на гвоздях, гвозди деревянные делали сами из березового полена: сначала высушивали полено на печи, раскалывали его на баклушечки, а из баклушечек делали гвозди. Лет 30-40 тому назад, во многих местах Костромской губернии шили сапоги «с морщыной» «с набором» от 5 до 9 морщин на голенище. Шили их круглыми, 6 и 8 гранными, сверх морщин лаковые «бураки». Такие сапоги носили не только взрослые, но и дети. Шили: сапоги с высокими каблуками, тупым носом, боты, полуботы и галоши.

Но не всякий умел шить боты, полуботы и галоши. Для купцов шили боты на еноте и сукне, верх обшивали и прострачивали – для красоты. Галоши делали на теплой подкладке, а для весны и лета лаковые, гамбургские, козловые и опойковые. Сапоги с кожаными галошами носили и крестьяне, заказывали они их к женитьбе и носили в праздники. Над некоторыми крестьянами сапожники смеялись: «Сапоги с калошами, а на дворе нет лошади». Сапоги носили по несколько лет, на каждую пару сапог заказывали две пары галош. С появлением резиновых галош, мода на кожаные галоши пропала. Потом стали шить сапоги «форменные» - с икрами, затем стали появляться в деревне штиблеты и другая городская обувь.

В прежнее время сапожному делу учились в разном возрасте и при разных условиях, главным образом, в детском возрасте, с 9-12 лет; учились мальчики и девочки. Девочки учились у своих родителей и в очень редких случаях у чужих, поэтому ученье их протекало вполне сносно. Жизнь учеников – мальчиков была не для всех одинакова; одни учились в своих семействах, «как из школы, так и с батьком работать»; а то и без школы, с более раннего возраста приучались к сапожным работам. Обучались у родных, а большей частью у чужих одиночек и в общих мастерских в городах и разных селениях. Жизнь учеников считалась тяжелой. На обучение сапожному делу отдавали своих детей самые бедные люди, городские: портные, кучера, кухарки, прачки, дворники, фабричные, чернорабочие и из деревень «ближняки», привозили и отдаленные сирот, и «взятых», «встарину и барин-крепостник отдавал мальчика через ремесленную управу»[2, с. 3-4]. Отдавали на срок 3-4 и 5 лет, заключали письменные контракты, перечисляя в них все, что требуется от хозяина при обучении ученика и по окончании учения: неустойку со стороны ученика на случай его ухода до срока. Неустойка со стороны ученика указывалась потому, что крестьянские дети мало доживали до срока, понаучившись немножко они уходили домой и устраивали свою мастерскую. Отдавали в ученье и по устному соглашению.

Родители деревенских учеников уповали на божью помощь в успешном понятии сапожного дела и на заступничество бога, почему перед уходом из дома засвечали масло перед иконой и молились на коленях. Мать благословляла сына нательным крестом и этот крест надевала ему на шею. Много проливалось слез в минуты расставания мальчика с матерью. При оставлении сына у мастера плакала и мать, гладила сына по головке и приговорила: «не плачь, не плачь, сынок, живи батюшко, береги себя, будь умненьким, учись родимый мой, не ленись и не скучай сердешный, слушайся хозяина. Бог даст выучишься и ты будешь хозяином – по себе работать. Я скоро приду к тебе» [2, с. 4]. Просила хозяина и подмастерьев поучить сына и быть к нему поспасительней. Приходили и отцы навестить сыновей, угощали вином хозяина и подмастерья, которому сдан хозяином в ученье мальчик.

Мало приходилось ученикам спать: они должны были вставать, как только показывалось солнышко, а ложились около 12 и даже 2 часов ночи, когда заканчивались работы, засыпали нашумевшие пьяные подмастерья и утихал неугомонный хозяйский ребенок, а то и всю ночь не спали. Не каждый день умывались ученики: то некогда, а то утром, чем свет получив пинка от пьяного или мучившегося с похмелья сапожника, который с грозным криком сдернет с ученика тряпье, покрывавшее его, вскочит мальчик испуганно и не знает, за что взяться, уж тот не до умыванья. А то и было время да ленились умываться. Ночью плакали ученики от побоев, вспоминая свое свободное житье в деревне. Многие убегали от своих жестоких хозяев или меняли учителей.

Ученики на втором году обучения чувствовали себя лучше и спокойнее, как привыкшие и освоившиеся с некоторыми работами, и после положенного «урока» в ночь на праздник и в праздники работали «на себя», чинили обувь. А толковый мальчик был

счастливее других, его посылали с готовой обувью к заказчику за расчетом, потому что он мог повежливее обойтись с заказчиком и получить чаевые от 5 до 20 копеек.

Одежду и обувь ученики из деревни, да и городские носили свою. «Во что оденут родные, в том и ходят». А сиротам покупали хозяева за свой счет давали стирать прачкам за свой счет или стирали им их матери и родные. В будни ученики старались одеваться во все черное, а в праздники надевали чистую, цветную, преимущественно красную рубашку. Крестьянские мальчики приносили с собой постель и подушку, но спали на них большей частью подмастерья, за полным отсутствием собственных, а мальчики спали на чем придется и где попало: на кухне под столом, на прилавке, или на какой-нибудь лавочке.

Харчи для учеников были хозяйские. Кормили мясным в скоромные дни, а в постные – постным. Там, где были небольшие мастерские и не так богаты хозяева, ученики обедали вместе с хозяевами и подмастерьями, в больших мастерских подавали им на обед верстак даже отдельно от подмастерьев. Не освобождался ученик от побоев и за обедом. Всем известно, что в артелях и больших семьях ели из общей посуды и, когда хлебали щи с мясом, то сразу мяса нельзя брать, и даже случайно попавшее в ложку мясо нужно опустить обратно. Щи подливают несколько раз, смотря по аппетиту обедающих; потом уже, когда замечается насыщение щами, хозяин стукнет ложкой по посуде и скажет: «Ну, таскайте с мясом!». Если нарушить правила, то можно получить ложкой по лбу.

В Костроме один хозяин был очень строг не только к ученикам, но и к своим детям. За обедом не позволял смеяться и разговаривать, кто усмехнется, того моментально выгонял из-за стола.

Чай ученики пили и вместе с мастерами, и после них. Строго соблюдались посты; в среду, и пятницу еженедельно ученики ели постную пищу; а в великий пост у некоторых хозяев даже постного масла не попадало ученикам, кроме благовещения и вербного воскресенья.

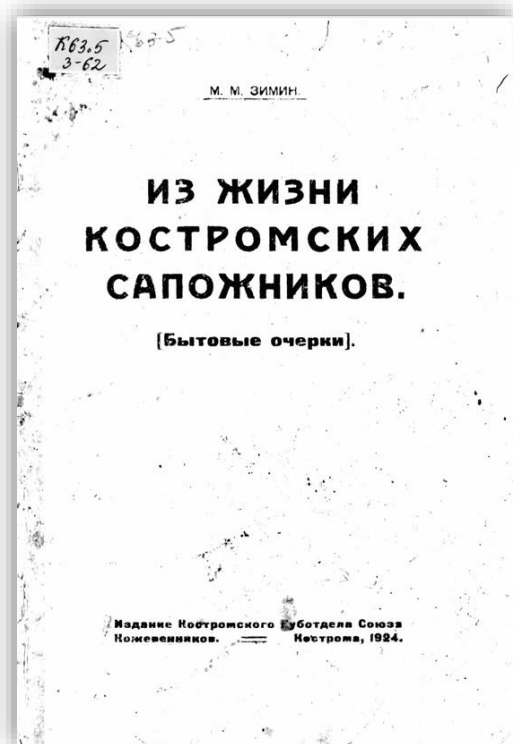
На первой неделе великого поста ученики «говели» вместе с хозяином; в первый год все расходы по говенью принимал хозяин на себя, а на второй год ученики говели на свои заработки. В праздники: Рождество и Пасху разговлялись за одним столом с хозяевами, а то и ждали разговения в мастерской.

В Костроме во время болезни ученики лечились в больнице при ремесленной управе за ее счет, а проболевшее время оставались жить сверх обусловленного срока. Закончив 3-5-ти летнее ученье они выходили «из стежников» в «езеля», в подмастерья. В день окончания ученья или из первого жалованья ученики ставили «литки» - «спрыски», угощая мастеров вином, а мальчиков яблоками или конфетами. Тут не избавишься от расхода. Подмастерья не упустят этого случая. По окончанию срока обучения хозяева давали ученикам согласно договору: тройку, пальто, красную рубаху, кожаного товару на простые сапоги и награждали деньгами. Из полученной кожи сами шили себе сапоги; когда приходили или приезжали в них домой, то матери встречали их с радостью.

Городские ученики по выходе из ученья, оставались работать, так сказать «надживать» у этого же хозяина по 2-3 недели и даже по несколько месяцев на особых условиях, а потом, укрепившись в работе, оставались у этого хозяина или уходили к другому. А деревенские уходили в деревню – на свою волю [2, с. 10-11].

По степени достатка сапожников можно разбить на три группы. 1) Настоящие пролетарии, не имеющие определенного местожительства, ни кола, ни двора. Эти сапожники вечно болтаются по хозяевам, работают у них в мастерских и живут исключительно сапожным заработком. 2) Малоземельные крестьяне, работают из

хозяйского материала у себя на дому или в мастерских у хозяев в своей или ближайшей деревне, у них с хозяевами «годовая ряда» с 14 сентября, но большей частью с 1 октября на год, договариваются о цене и дают в придачу сапожнику бесплатно: сапожнику на одну пару сапог лаковых, его жене и дочери по паре ботинок, сыну сапоги простые и подметок 3-5 пар. В течение года получает деньги в счет заработка, а полный расчет производится по окончанию года (1 октября – Покров) или же два раза в год. Но случалось, переряживались в течение года. 3) Крестьяне, работающие по своей воле, так называемые «матрахань». Работают они и на хозяев, но только у себя на дому. Некоторые из них сами вырабатывают и кожу и из не шьют обувь [2, с. 14].

В селах и деревнях сапожники были предоставлены сами себе и полному произволу хозяев. А в Костроме споры хозяев с подмастерьями решала ремесленная управа. Хозяин жаловался, что «мастер ушел к другому хозяину, без расчета и остался в долгу». А подмастерья жаловались на хозяина, что он не платит за работу. Управа вызывала их повестками и предлагала мастеру «остаться у хозяина и заработать долг», а хозяину «уплатить за работу». Помирившиеся шли в трактир, выпивали, дрались и попадали в участок; на большую помощь от управы не рассчитывали подмастерья и всегда упрекали ее.

Полукрестьяне и крестьяне сапожники находят удобным работать у себя в доме, потому что в урывках они могут кое-что и по дому сделать, да кто-нибудь и из семьи поможет им. И правда, часто можно было видеть их в окружении семьи. Жена тачает голенища, а дети-подростки приготавливают концы, 3-х – 4-х – летние ребятишки и те

привыкают к работе. Они «лизжут» старый сапог или башмак, из лоскутков шьют чего-нибудь. Ломают шилья об камень и вытупляют ножи об гвозди в верстаке. Оттаскивают их от верстака, а они надоедливо лезут к отцу. Некоторые из женщин хорошо шьют обувь, но все-таки нет такой аккуратности и прочности в работе, как у мужчин.

Пролетарии работают в городе и в больших селениях в хозяйских мастерских – в темном сыром подвале или во дворе. В некоторых селах и деревнях есть мастерские размером 6 х 6 или 7 х 7 арш., бревчатые с полomanными рамами, разбитыми стеклами, заткнутыми тряпками, заклеенными бумагой или заколоченными досками, а в них, сзади или сбоку, приделаны досчатые сени «для увала», которые всегда завалены сплошь: битыми колодками, разным мусором, и обрезками негодной кожи; тут и береста, и лубок, деготь, вар и вообще все, что требуется в сапожном деле. Иногда так много бывает навалено, что даже очень осторожному человеку невозможно пройти, не нагнувши голову, чтобы не удариться о низкий потолок, или не запачкать костюм. В мастерских встречаются итальянские окна, против которых стоят аршина в 2 длиной и в 1 аршин верстаки, за которыми сидят 3 и больше сапожника. За самый верстак, так называемый «стычек», сажали похуже мастеров и мальчиков, а хорошие мастера сидели по бокам [2, с. 17-18]. Внутри мастерской очень низко, в переднем углу – икона, перед которой на

праздники «жгли масло» сам хозяин или религиозные сапожники; рядом с иконами лубочные картины разного содержания. У входа кругом стен приколочены брусья, за которые затыкают колодки и правилья. Сбоку или посредине печки, у двери стоят кадки с водой и банка или плоска с дегтем. У двери к косяку прибита палочка для смольника или варника, тут и тряпки, пропитанные варом, а пониже гвоздь, за который задевают конец во время наварки. На верстаке постоянно навалено столько материалу, что некоторые могут подумать, что эта груда мусора: тут гвозди деревянные и железные, клещи, колодки, ножи, шилья, отводки, муфеля, рашпили, бруски, подпилки, плоски с клестером, банки с сажой, с драганом, с клеем, лак, воск, лоскут, береста, махорка, битые мелкие стекла и чего-чего только нет. В мастерских накурено, наплевано. Зимой на стеклах оконных рам лед и дует ветер в пол, или так бывает натоплена железка, что дышать тяжело, и открываются двери для охлаждения.

Привыкшие работать в общих мастерских скучают при работе в одиночку, потому что в общих мастерских веселей. Можно услышать рассказы из жизни каждого, про путешествия по России, в Москву и Петербург. Городские сапожники читали и слушали в общей мастерской газеты и романы из придворной жизни и из военных событий. Ждут, бывало, не дождутся новой газеты; ходили в чайную по несколько раз в день, в особенности, вечером, не только почитать или послушать газету, но и отдохнуть и узнать новости от других посетителей; в трактире собирались сразу, из нескольких мастерских, было о чем поговорить и что послушать. Кроме того, в мастерских играли в карты – на деньги и просто в «козла» и др. Зимой играли в мастерских, в банях, а летом – на дворе, на сеновале, в сарае и в саду. Некоторые хозяева принимали участие в игре, стараясь выиграть у пьяных сапожников не только все их наличные деньги, но и будущий заработок. И случалось, что Рождество и Пасху сапожники оставались без гроша. По обыкновению в мастерских всегда слышались шутки, прибаутки, остроты, всевозможные выкрики, песни.

Приходилось слышать, что сапожник – безбожник, душа у него – голенище. Городские сапожники и сами говорят, что редко приходится ходить в церковь. «Все некогда, - то дела, то пьянство, то отдохнуть хочется и, как только придешь в церковь, то все поют «Христос воскрес». Совсем другое дело среди крестьян-сапожников, они прилично одеваются в праздники, почти каждое воскресенье и праздник ходят в церковь; тоже и пригородные сапожники, ни одной праздничной службы не пропустят, а если, что и задержит, так чувствуют угрызение совести, и праздник им бывает не в праздник. Есть даже любители церковного пения и сами пели в хоре и посвящались в дьякона. А хозяева избирались в церковные старосты. Жертвовали на колокола, делали за свой счет иконостасы и золотили их и паникадило, покупали иконы и жертвовали в церковь.

Богатые сапожники – народ богомольный. «Перед господом-то они все поклоны и поклоны, а обманывать первые плуты» - говорят сапожники. Никогда не отопрут они лавку, не перекрестясь, войдут в лавку, усердно молятся на икону, находящиеся в ней. Работающие в общих мастерских и у себя на дому, в Рождество и Пасху ходили поздравлять хозяев с праздником. Хозяева накануне приглашали: «Приходите после обедни». Войдя на кухню, сапожники посылали дежурного мальчика доложить хозяину, что мастера пришли. Выходит хозяин, они поздравляют: «Хозяин с праздником». Он отвечает: «И вас также». В пасху христосовались, некоторые хозяева давали всем по яйцу, а сами не брали ни от одного сапожника. После этого хозяин давал им вина и закуски, а сапожники «духом» выпивали в мастерской или на кухне. Давали и одними деньгами, а то угощали вместе со своей семьей – за одним столом. Поздравив хозяев, сапожники шатались друг к другу, а на второй день, ходили в трактиры партиями из разных мастерских, ходили к девкам в веселые дома, и по балаганам.

В общих мастерских много дают разных прозвищ друг другу сапожники, например: Горюшко, Солнышко, Херувимчик, Гольш, Гольчепа, Сашка-ворона, Ванька-очки, Паша-леший, Алеша-чубук, Колька-сучила, Андрюшка – фанатик, Мокрая – пола, Васька-лепило, Чертопляс, Кобыло, Рыло, Бабья рожа, Грач, Судак, Волк, Бес, Вавило, Гриша-сатана, Модный, Сугунный – жучек, Грызло, Колесо, Рыкало, Буба и много других [2, с. 24-25].

Самое ремесло и сидячая жизнь делают сапожников грязными, сутулыми, сгорбленными, впалогрудыми, неподвижными и вялыми, но зато всегда они веселые и остроумные, рассказывают, поют и шутят весь день, что ни шаг, то у них – причуда. Они любили бороться, любили кулачные бои.

Среди Костромских сапожников бывали знаменитости не только по части кулачных боев и борьбы, но и по ловкости, как акробаты и фокусники.

В 1896 -1899 гг. сапожник Иван Медведев ходил по канату с самоваром и чайным прибором на голове, с кинжалами на ногах и балансом в руках – для равновесия. Ходил по канату он и в Ярославле. В 1900 г. простудился и убрался на тот свет. А другой сапожник Александр Иванович Соболев в 1900-02 гг. бегал по площадям в Костроме и такой был скороход, что перегонял приезжих бегунов. Ездил он в Приволжские города: Ярославль, Кинешму, Юрьевец, Казань, Чистополь по реке Каме и во Владимир. При разъездах научился фокусам: глотать огонь, делать яичницу, а из яичницы – ленты и т.п. Костромские сапожники принимали участие в гулянье так называемом «Ярилова-плешь». Гулянье устраивалось в Костроме, около Лазаревского кладбища, в воскресенье всех святых, «когда все именинники». На гулянье сходились рабочие костромских фабрик и крестьяне окружающих деревень. Устраивалось круглое «колоколо» (палатка, сверху покрытая полотном), в нем продавали пиво, а на луговине распивали. Молодежь хоромы водила, а взрослые пили, пели, ругались и дрались. Среди сапожников находились пьяные смельчаки, которые не боялись резко обличать хозяев [2, с. 26-27].

Таким образом, провинциальный быт работного люда был наполнен особой энергетикой, силой духа, и религиозным настроением, с одной стороны, а с другой, - веселой бравадой, бражничеством, свободолобием, неуправляемым, неукротимым стремлением к гедонизму.

Подстоличное «дачное» местечко – Лахта под Петербургом в XIX в. жило своеобразной жизнью.

Так, «по административному делению в 1863 году (тогда это называлось «деление по особым управлениям») Лахта заключала в себе пять селений, составлявших так называемое «Лахтинское общество Стародеревенской волости 1-го мирового участка Санкт-Петербургского уезда». К этому обществу были приписаны 249 крестьян. Дачники летом добирались сюда на дилижансах... до Новой Деревни, а потом на извозчике. В 1860-х годах в Лахте была частная пароводная пристань. К 1880-м годам в деревне Лахте и селе Бобьльском было 72 двора. Большую часть населения (пять шестых) составляли финны, которые по-русски говорили плохо, но с дачниками общий язык они находили. Сдав свои дома на лето, сами они селились в сараях, где зимой помещался скот. Жили они, помимо сдачи своих жилищ, продажей молока, земледелием, извозом и «вывозкою нечистот» [3, с. 29-30]. С 1860-х гг. Лахта и окрестные селения принадлежали наследникам графа Владимира Андреевича Стенбок-Фермора.

Население дачных местных было пестрым по этническому, национальному составу – это русские, немцы, англичане, финны и выходцы из других европейских стран.

Дачный бум в эти места усилился с 1894 г. в связи с прокладкой железной дороги.

Несмотря на то, что в 1890-е гг. в Лахте действовала подпольная типография народовольцев, агитировали революционеры, религиозный настрой дачников и местных

жителей выразился, прежде всего, - в идее строительства приходского храма. Желание иметь свой храм крестьяне испытывали давно. Как лютеране финны, так и православные русские были приписаны к церквям в Петербурге: финны к лютеранской церкви Святой Марии на Большой Конюшенной улице, русские – к Спасо-Преображенской Колтовской православной церкви на Петербургской стороне, которую из-за дальности расстояния они посещали редко. Когда речь зашла о строительстве храма вспомнили о том, что именно в Лахте Петр I заболел смертельным недугом. Организовали сбор пожертвований.

29 июня 1893 года, в день апостолов Петра и Павла, в Лахту из Петербурга, из Колтовской церкви, пришел крестный ход, находившийся в пути более трех часов. Митрополит Палладий, в сослужении епископа Николая, заложил при большом стечении народа церковь Святого апостола Петра. На церемонии закладки камня присутствовали: председатель Общества спасения на водах, член Государственного Совета генерал-адъютант Посьет, товарищ обер-прокурора Святейшего Синода тайный советник В.К. Саблер, временно управляющий губернией вице-губернатор Н.В. Косач и почетные гости [3, с. 32-33]. Был заложен деревянный на каменном фундаменте храм с шатровой колокольней и часовня по проекту академиков Вас. Вас. и Вас. Ив. Шаубов.

Владелец мызы граф Владимир Александрович Стенбок-Фермор пожертвовал для церкви землю и двадцать тысяч рублей для строительства храма. К ним прибавились средства, собранные жителями Лахты. Работы по сооружению храма велись под руководством строительного комитета во главе которого стояла супруга обер-прокурора Святейшего Синода Е.А. Победоносцева.

12 июня 1894 года состоялось поднятие колоколов, а 31 июля митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Палладий вместе с отцом Иоанном Кронштадтским освятили храм. При этом событии присутствовали епископ Назарий, настоятель церкви отец Алексей (А.П. Стефановский), обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, СПб. Начальник губернии егермейстер Высочайшего Двора граф Сергей Александрович Толь и Владимир Александрович Стенбок-Фермор. В престольный праздник местные жители шли от церкви св. апостола Петра к чугунной часовне с крестным ходом. Рядом с храмом (Лахтинский пр. 94) было выстроено двухэтажное здание для помещения в нем приходской церкви и приюта, средства на которые выделил Стенбок-Фермор.

В начале XX столетия Лахта переживала расцвет дачной жизни, ее популярность у жителей столицы росла с каждым годом. «Документы сохранили имена многих лахтинских дачников конца XIX-начала XX вв. Среди них контр-адмирал А.И. Петров, генерал-майор, член правления Императорского русского общества спасения на водах Я.И. Павлинов, банкир Г.Ф. Небо, купцы Г.А. Барышников, К.Ф. Ташейт и Л.Л. Вейденбрик, техник Д.Д. Гарднер, инженер-технолог, титулярный советник, член правления Императорского русского пожарного общества Г.О. Франкман, служащий конторы «Карл Гаап» Г.В. Браун, доктор А.Д. Левицкий, архитектор В.И. Шауб, его сын, банковский служащий Влад. В. Шауб, художники, академики живописи А.И. Шарлемань и М.А. Зичи, преподаватель училища при реформатской церкви К.Ф. Грюнбуш и др.» [4, с. 89]. Ольгино стало многообещающим продолжением лахтинских традиций. Но ему было отпущено слишком мало времени. Первая Мировая война приглушила яркие краски летних увеселений. Забывали довоенные радости, связанные с театром, спортивными играми, кегельбанами, оркестрами, спектаклями. Жители охотно занимались благоустройством окружающей территории.

Безусловно, начало Первой Мировой войны отразилось на состоянии дачной жизни, она словно бы замерла, прекратилось дачное строительство. Отмечались случаи

мародерства. Армейские призывы уменьшили численность прихожан. Устройство лазаретов (здесь активно проявила себя графиня М.А. Стенбок-Фермор), помощь раненым стала задачей первостепенной важности. «В начале августа 1917 г., сообщал «Петроградский листок», настоятель Лахтинской церкви отец С.А. Васильев «несмотря на то только что перенесенную тяжкую болезнь, приехал в лагерь и отслужил торжественный молебен, после которого 1-я рота женского отряда национальной обороны, на днях отправляющаяся на фронт, была приведена к присяге»[4, с. 127]. 1917-й год обратил вспять устоявшуюся привычную семейно-патриархальную жизнь столичного пригорода.

Важно, что изменения коснулись «дачных» приходов. В Старой и Новой Деревне граф Бестужев-Рюмин построил церковь Благовещения. «Гудел по воскресным дням колокол Благовещенской церкви, отлитый, как гласила на нем надпись, «светлейшего князя Бестужева крепостными Дмитрием Евдокимовым да Прохором Невзорским» [5, с. 7]. Поднимались в серое небо вспугнутые колокольным звоном крикливые стаи воронья, месили лаптями грязь по дороге в церковь жители села графского Бестужево-Рюмино да соседи их, крепостные из сельца Никольское, что было на Черной речке. В этом небольшом селе жили крестьяне трех фамилий: Вдовины, Баулины и Дрожжины» [5, с. 7-8]. К крестьянским поселениям добавились дачи знати. Здесь протекала тихая, спокойная, уютная жизнь дачников: князей и графов, тайных советников и купцов первой гильдии, высокопоставленных чиновников, представителей придворных и высших столичных кругов. Разреженный воздух диктовал свой распорядок дня, наполненный балами и специальными приемами, увеселениями с шампанским, цветами, фруктами, печеньем, прохладительными напитками. С XIX века у творческой интеллигенции Петербурга существовала традиция на лето снимать дачу в Старой и Новой Деревнях. Привлекало и «заведение искусственных минеральных вод», арендованное Излером. Он устроил несколько увеселений: «Испанская ночь», «Венецианский карнавал», «Ночь из 1001 ночи» и т.д., на которых присутствовало не менее пяти тысяч человек. После того как в 1870-х гг. пожар расстроил планы Изьера, его начинание подхватили служащие: Карташев, Поляков и Александров. Они арендовали дачу графов Чернышевых и открыли «Ливадию». Потом появилась «Аркадия», «Прометей», «Брось грусть» и другие места для балов и встреч состоятельных лиц. Богатые дачи, рестораны, балы стали характерной чертой жизни летней загородной резиденции Старой и Новой Деревень. Сюда приезжали и А.П. Чехов, и И.А. Бунин, и Л.Н. Андреев, и А.И. Куприн. В «Ливадии» и «Аркадии» выступал Леонид Собинов, в «Аркадии» пел Федор Шаляпин. Вот что писала «Петербургская газета» об одном из балов у генерал-квартирмейстера главного штаба Жилинского: «...Бал собрал многочисленное избранное общество, в числе которого можно было видеть много нарядных дам, барышень, присутствовали также сановники, много блестящих мундиров, молодежи военной и статской. Квартира утопала в зелени тропических растений, и зало, залитое множеством огней, представляло собой редкую по красоте и изяществу картину. Выделялся целый цветник хорошеньких дам и барышень.... Танцевали под звуки рояля, и бал открылся вальсом. Дирижировал лейб-гвардии гусарского полка г. Звегинцев. В гостиной в кущах зелени устроены были буфеты, украшенные цветами, с чаем, шампанским и т.п. До ужина танцевали котильон, во время которого дамам было роздано множество цветов.... Во втором часу ночи гостям предложен был ужин. После ужина танцевали мазурку, продолжавшуюся до пяти часов утра. Разъезд был поздний» [5, с. 19-20].

Однако на фоне роскоши одних существовали и менее приглядные дачные строения, маленькие и невзрачные с редкой растительностью. Их рост наблюдается с

1863 г. – времени открытия лесопильного завода на Благовещенской улице в Старой Деревне и продолжается до тех пор, пока владелец И.А. Семенов сумел расширить производство и довести число рабочих до 600 человек. В 1909 г. в Новой Деревне основали первый в России самолетостроительный завод, так называемое «Первое российское товарищество Воздухоплавания С.С. Щетинина и Кампании». В начале XX века на Строгановской набережной появился Авиационный отдел Русско-Балтийского вагоностроительного завода. У Комендатского поля вырос авиационный завод В.А. Лебедева. Головинский переулочек в Новой Деревне вместил и фабрику наждачных изделий С.С. Струка, и автомобильный завод Пузырева, и шведский моторный завод «Экваль». На набережной Черной речки (д. 4) устроилась лаборатория перевязочных средств Мартенса. В Старой Деревне на Благовещенской улице (д.58) расположился лесопильный завод Гантскевича. Такое соседство не могло не отразиться на микроклимате местности Новой Деревни.

В Старой Деревне (Рис.1) ситуация несколько иная, здесь жители занимались огородничеством и извозом. Широкую известность получили владельцы больших огородов Гороховы и Волковы. К богачам относилась семья Лобановых, занимавшаяся гужевым и легковым извозом. Все знали продуктовую лавку Колчина. Тем не менее, в начале XX века Старая и Новая Деревни стали рабочими окраинами Петербурга.

Рис.1. Наталья Дружинкина-Русская деревня орг.м., 50x70, 2007

Если в середине XIX века беззаботный и увеселительный характер проживания в Старой и Новой Деревне притягивал знать и интеллигенцию в летний период, то развернувшееся во второй половине XIX века заводское строительство превратило эти окраинные зоны комфортного обитания в рабочие слободки.

Крайнюю нужду испытывало население, оказавшееся отрезанным от центральных районов столицы. Линия конной железной дороги – «конки» (с 1896 г.) доходила только до 3-го Елагина моста. Трамвайная линия, проложенная в 1907 году, заканчивалась недалеко от Строгановского моста. Без электрического света, водопровода и канализации, без медицинского обеспечения в этом районе Петербурга закладывалось будущее русской авиации. Так, с 8 по 26 сентября 1910 г. в Новой Деревне проходил Всероссийский праздник воздухоплавания. Растет недовольство рабочих своим положением.

В начале XX века политизированность достигла своего предела, напряжение разрядилось в волне стачек и рабочих забастовок. С 1904 г. на заводах проходит серия стачек, забастовок, периодически усиливающаяся и достигавшая своего пика в мае 1912 г. 4 апреля 1914 г., 3-4 сентября 1915 г., приводившие к насилию. В 1915 г. Старая и Новая Деревни дали 1116 пролетариев-забастовщиков, а в 1917 г. – 44490 человек.

Так, аграрная Россия превращалась в индустриальную, а крестьянские провинции превращались в рабочие слободки, расширялись и границы городов, становящихся постепенно крупными промышленными центрами. Эти исторические процессы нашли свое отражение в мемуарной литературе, подтверждая историко-статистические сведения с мест.

Библиографический список

1. Мельникова А.Н. Воспоминания о давно минувшем и недавно былом : Из записной книжки Александры Мельниковой. 1893-96 года. – Полтава – Москва : ар. типо-лит. Яковлевой А.П. Поплавский, 1898 (обл. 1899). – 192 с.; 21.В
2. 2.Зимин М.М. Из жизни Костромских сапожников : (Бытовые очерки). – Кострома : Издание Костромского Куботдела Союза Кожевников, 1924. – 42 с.; 25 см.
3. Богданов И.А. Лахта. Ольгино. Издание 2-е, дополненное и исправленное. – СПб: Облик, 1999. – 128 с.
4. Михайлов Н. В. Лахта: Пять веков истории, 1500– 2000, Ист. очерк. Док. Воспоминания. — М., СПб. : Весь мир, 2001. — 430 с.
5. Аврамова Т.И. Там, где были окраины. О старых и новых деревнях. Книжка вторая. – Л: Лениздат, 1962. – 99 с.

References in Roman script

1. Mel'nikova A.N. Vospominaniya o davno minuvshem i nedavno bylom : Iz zapisnoy knizhki Aleksandry Mel'nikovoy. 1893-96 goda. – Poltava – Moskva : ar. tipo-lit. Yakovlevoy A.P. Poplavskiy, 1898 (obl. 1899). – 192 s.; 21.V
2. 2.Zimin M.M. Iz zhizni Kostromskikh sapozhnikov : (Bytovyye ocherki). – Kostroma : Izdaniye Kostromskogo Kubotdela Soyuz Kozhevnikov, 1924. – 42 s.; 25 sm.
3. Bogdanov I.A. Lakhta. Ol'gino. Izdaniye 2-ye, dopolnennoye i ispravlennoye. – SPb: Oblik, 1999. – 128 s.
4. Mikhaylov N. V. Lakhta: Pyat' vekov istorii, 1500– 2000, Ist. ocherk. Dok. Vospominaniya. — M., SPb. : Ves' mir, 2001. — 430 s.
5. Avramova T.I. Tam, gde byli okrainy. O starykh i novykh derevnyakh. Knizhka vtoraya. – L: Lenizdat, 1962. – 99 s.

References

1. Melnikova Alexandra Memories of the long-past and the recently past : From the notebook of Alexandra Melnikova. 1893-96 years. Poltava. - Moscow : art. tipo-lit. Yakovlev A.P. Poplavsky, 1898 (1899 region). 192 p.; 21.(In Russian).
2. Zimin M.M. From the life of Kostroma shoemakers : (Everyday essays). - Kostroma : Kostroma. Kubotd. Union of Tanners, 1924. - 42 p.; 25 cm. (In Russian).

3. Bogdanov I.A. Lakhta. Olgino. 2nd edition, expanded and corrected. – Lakhta - Olgino . Publisher : St. Petersburg: Oblik , 1999, 128 P. (In Russian).
4. Mikhailov N.V. Lakhta [Text] : Five centuries of history , 1500-2000 : historical essay , documents, memoirs , catalog. – М.: Publishing house "The Whole world", 2001 – 430 p. (In Russian).
5. Avramova T.I. Where there were suburbs. About the Old and new Villages. The second book. – L.: Lenizdat, 1962. – 99 P. (In Russian).

УДК 81'225.2(045)

Изместьева Ирина Алексеевна
 доктор филологических наук, доцент
 Тольяттинский государственный
 университет
 Россия, г. Тольятти
 e-mail: iz-irina@mail.ru

Izmestieva Irina Alekseevna
 Doctor of Philological Sciences
 Associate Professor, Dr. Sc. (Philology)
 Tolyatti State University
 Russia, Tolyatti
 e-mail: iz-irina@mail.ru

И.А. Изместьева

ЭТИКЕТНЫЕ ФОРМУЛЫ В ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПОСЛАНИЯХ ПЕТРА I

Аннотация. В статье рассматриваются языковые особенности переписки Петра Великого к «большим» и «малым» державным особам. Язык посланий соответствовал дипломатической традиции начала XVIII века, которая сложилась в XV веке и получила отражение в памятниках. Актуальность настоящего исследования связана с тем, что возрос интерес к языку дипломатических текстов в диахроническом плане, как языку политической культуры. Некоторые этикетные формулы приветствия и прощания оказались практически неизученными. Наряду с титулами и чинами «великий князь», «царь», «король», «император» и др. использовались обращения «брат», «друг», «сосед», в семантическое поле которых вошли значения «союзник», «соратник», «близкий», усиленные определениями «любезный», «любительный», «любовный», «возлюбленный», «дражайший», «пресветлейший» и др. Объектом настоящего исследования выступила дипломатическая переписка Петра I как форма официального межгосударственного коммуникативного взаимодействия в конце XVII – начале XVIII века. Предмет исследования связан с этикетной формулой «любезный брат, друг и сосед» как элементом языка дипломатических посланий Петра I. Цель исследования состоит в определении функций указанных почтенных номинаций, их семантического объема, прагматического потенциала и роли в формировании дипломатического имиджа России. В данном исследовании привлекались метод историко-лингвистического анализа, сопоставительный и контекстуальный анализ текстов. Отмеченные почтенные номинации смягчали официальный характер грамот, передавали диалог равных держав, отражали дипломатическую культуру Средневековья и решали важные политические задачи установления и поддержания контакта равноправных держав, оказания политического давления на адресата.

Ключевые слова: дипломатическая переписка Петра I, этикетные формулы приветствия и прощания, грамота

Для цитирования: Изместьева И.А. Этикетные формулы в дипломатических посланиях Петра I. *Русистика без границы. Международно научно списание*, 2025, Том IX, кн. 4, С. 85–92.

I.A. Izmestieva

ETIQUETTE FORMULAS IN THE DIPLOMATIC MESSAGES OF PETER THE GREAT

Abstract. The article examines the linguistic features of the correspondence of Peter the Great to the «big» and «small» powers. The language of the messages corresponded to the diplomatic tradition of the beginning of the 18th century, which took shape in the 15th century and was reflected in the monuments. The relevance of this study is related to the fact that there has been an increased interest in the language of diplomatic texts in diachronic terms, as the language of political culture. Some etiquette formulas of greeting and farewell turned out to be practically unexplored. Along with titles and ranks, the Grand Duke, King, King, Emperor, etc. used appeals from a brother, friend, neighbor, the semantic field of which included the meanings «ally», «colleague, close», reinforced by the definitions of «kind»,

«loving, beloved, dearest, most radiant, etc. The object of this research is the diplomatic correspondence of Peter the Great as a form of official interstate communicative interaction in the late 17th and early 18th centuries. The subject of the study is related to the etiquette formula «dear brother, friend and neighbor» as an element of the language of Peter I's diplomatic messages. The purpose of the study is to determine the functions of these venerable nominations, their semantic scope, pragmatic potential and role in shaping the diplomatic image of Russia. The method of historical and linguistic analysis, comparative and contextual analysis of texts were used in this study. The noted venerable nominations softened the official nature of the letters, conveyed the dialogue of equal powers, reflected the diplomatic culture of the Middle Ages and solved important political tasks of establishing and maintaining contact between equal powers, exerting political pressure on the addressee.

Keywords: diplomatic correspondence of Peter the Great, etiquette formulas of greeting and farewell, charter

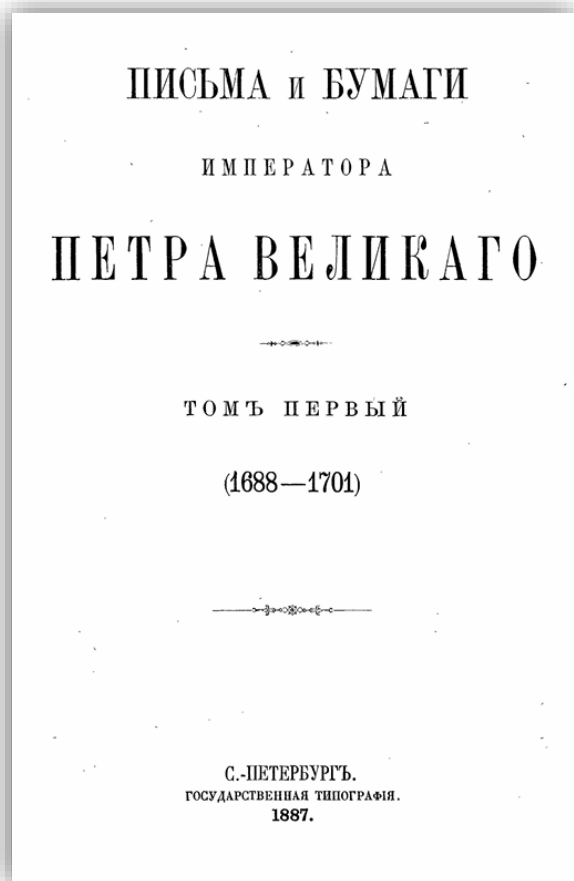
For citation: Izmestieva I.A. Etiquette formulas in the diplomatic messages of Peter the Great. *Russian Studies without Borders. International scientific Journal*, 2025, Vol. IX, Iss. 4, pp. 85–92.

Языку русской дипломатии в диахроническом аспекте уделено внимание Д.С. Лихачевым [4]; Ф.П. Сергеевым [11], Г.Д. Удалых [13], Б.А. Успенским [14], [15], И.А. Филюшкиным [16], В.Ю. Франчук [17] и др. Дипломатические грамоты как особый жанр делового письма становятся предметом пристального изучения. Было отмечено, что история отечественной дипломатии уходит в древнерусскую эпоху, получили характеристику язык, графика и орфография, грамматика и стилистические особенности деловых письменных памятников XI–XVII веков, описаны канцелярские формулы, титулы, формы обращения к иностранным правителям, дан анализ титулатуры типа *великий князь, король, государь, самодержец, царь, император* [16].

Так, Л.Н. Шердакова анализирует синтаксические особенности языка дипломатических документов конца XVII – начала XVIII веков [18]; А.В. Волоскова описывает дипломатическую лексику начала XVIII века, обращает внимание на формирование новой дипломатической терминологии, пополнение которой происходит за счет западноевропейских заимствований [1]; А.М. Сабенина обращает внимание на дипломатическую лексику XVII века [10]; Ф.П. Сергеев характеризует лексическую синонимию в языке дипломатии XIII–XVII веков, отмечает обновление терминологии типа *ссылка – пересылка – сношение, разговоры – договоры – договаривание – переговоры, dokonчание – договор, постановление – трактат – пакт* и др., в целом описывает процесс формирования русского дипломатического языка XI–XVII вв. [11]; О.Г. Остапенко дает функциональную характеристику дипломатической и административной терминологической лексике на материале документов России и Англии XVI–XVII веков [6]; Б.А. Успенский анализирует формулы титулования и обращения в дипломатических актах типа *господарь, государь* [14], *отчич* и *дедич* [15] и др., приходит к выводу, что язык официальных актов – это средство легитимации власти, установления иерархических отношений между государствами и монархами. В целом, в трудах ученых были разработаны методы, которые позволили изучать лексико-грамматические и стилистические особенности дипломатических текстов.

Привлекают внимание дипломатические послания русских царей. И если, например, язык и стиль публицистических сочинений, особенности дипломатических писем, написанных Иваном IV, получили глубокое научное освещение в работах В.П. Адрианова-Перетц, Д.С. Лихачева, Я.С. Лурье, В.Б. Кобрина, Б.Н. Флоря, А.А. Бачинского и др., то дипломатическая переписка Петра I еще ждет своего системного описания. Хотя эпистолярное наследие Петра Великого многосторонне исследовано историками Н. Устряловым, В.О. Ключевским, М.М. Богословским,

В.Я. Улановым, Н.Н. Молчановым и др., в лингвистическом аспекте переписка императора осмыслена в фонетическом аспекте в трудах В.А. Богородицкого, К.В. Горшковой, И.А. Измestьевой и др., лексико-грамматический аспект писем охарактеризован в работах И.Е. Семина, Г.И. Герасимова, О.И. Ивановой, Г.М. Макарова и др., функционально-стилистический аспект описан в трудах Н.Г. Гайнулиной, В.Д. Левина, Е.Н. Борисовой, Г.В. Карпюк и др. Жанр дипломатического послания был выделен в особую группу писем, дипломатическому языку посвящены исследования Н.Б. Кардановой, которая обратила внимание на одну из разновидностей дипломатических посланий Петра I, грамоты-ходатайства, описала их жанрово-стилевую специфику, своеобразие риторики царской грамоты иностранным адресатам [2].

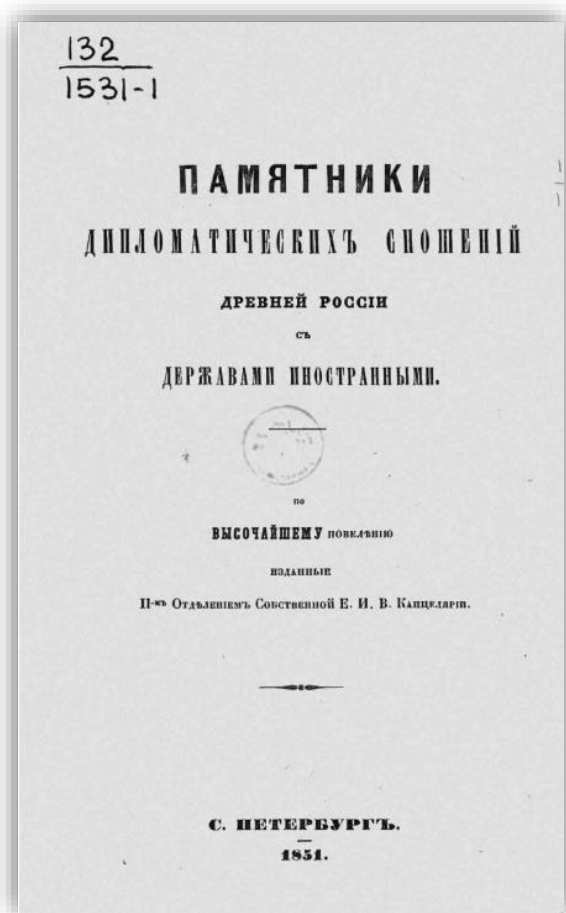
Простановка задачи.

Актуальность настоящего исследования связана с тем, что возрос интерес к языку дипломатических текстов в диахроническом плане, как языку политической культуры и межгосударственных отношений разных эпох.

Объектом настоящего исследования выступила дипломатическая переписка Петра I как форма официального межгосударственного коммуникативного взаимодействия в конце XVII – начале XVIII века. Предмет исследования связан с этикетной формулой «любезный брат, друг и сосед» как элементом языка дипломатических посланий Петра I. Хотя филологической наукой накоплен большой багаж знаний относительно понятий *любовь*, *бружба*, *братство* в христианском, этическом и философском аспектах, определение этих категорий в политическом контексте требует своего научного осмысления [16]. В качестве лингвистического материала использованы дипломатические грамоты

Петра I, отраженные в источниках «Письма и бумаги императора Петра Великого» [8], «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными» [7] и др.

Цель исследования состоит в определении функций указанных почтенных номинаций, их семантического объема, прагматического потенциала и роли в формировании дипломатического имиджа России. Необходимо определить, как подобные обращения соотносились с реальными политическими намерениями и как они использовались для достижения дипломатических целей. В ходе проведения исследования привлекались метод историко-лингвистического анализа, сопоставительный и контекстуальный анализ текстов.

Результаты и обсуждение.

В рамках настоящего исследования было обращено внимание на некоторые формулы обращения в коммуникации русских и европейских правителей в Средние века типа *дражайший друг, приятель наш возлюбленный, любовный брат, брат дражайший*. Почтенные определения используются в соответствии с регламентом, в котором закреплены династические и религиозные требования средневековой политики, например, в послании королю Максимилиану Римскому «*Іоанъ, Божеіею милостію Государь всеа Руси ... пріятелеви нашему возлюбленому*»; или «*Максиміанъ, Божеіею милостію король Римскіи... Премоцнѣишему, и начальнѣишему, дражайшему другу...*» [7, с. 26]; «*Свѣтлѣишему, Всемочнѣишему Іоану Вседръжавному государю Русьскому, нашему дражайшему другу*» [7, с. 27]; «*Государю всеа Русіи..., какъ къ нашему любовному брату*» [7, с. 66] и др.

К почтенному обращению *брат* прибегали христианские монархи, которые

признавали взаимный суверенитет, подчеркивая тем самым отношения равных. В основе обращения *брат* лежит религиозный подтекст, Папа Римский мог именоваться отцом, а светские правители – *братьями*. Известен конфликтный случай «Ивана Грозного и датского короля Христиана III в конце 1550-х годов по поводу статуса Дании, предметом которого было несогласие Ивана на *братское* обращение к нему датского короля, употреблявшееся прежде в переписке с Иваном III и Василием III» [19], [3]. Обращено внимание на то, что в 1558 году «письмо датского короля Христиана III, в котором тот называл Ивана «братом», было оставлено Иваном без ответа, но получило ответ от наместников, заключавшийся в требовании больше не присылать посланий с *братским* обращением [9, Стлб. 37–38]. Эта же логика стала аргументом в ответе на предложение посольства шведского короля Эрика XIV переписываться с Иваном» [3]. Также и Стефан Баторий не мог претендовать на равный статус с Иваном Грозным – братство: «Он может всего лишь писаться "суседом"» [16, с. 149].

При этом обращение *брат* допускалось к иноверцам. Например, известно послание султана польскому королю Яну Собескому, который нарушил договоренности «Вечного мира», (заключенного 21 апреля 1686 года о прекращении столетнего раздора славянских государств) и принимал послания хана, который использовал христианскую терминологию и назвал себя другом и братом королю Яну: «*Мой дражайший друг... и я, с давних пор пребывая с тобой, моим братом, в единстве..., мы желаем пребывать в прежней дружбе*» [5, с. 122].

И.А. Филюшкин обращает внимание на гибкость обращений русских правителей, вынужденных заискивать перед Крымской Ордой. Так, Иван Васильевич обращается к Крымскому хану: «*Великие Орды великому царю брату моему...*» [16, с. 93], протокол

грамот в Крым регулярно передает номинацию *брат*: «... с своим *братом* Великие Орды великим царем з Девлет Киреем царем»; «... тебе, Великие Орды великому царю, *брату* своему Девлет Кирею царю»; грамота от имени царевича Ивана Ивановича «... *брату* моему Магмет Кирею царевичу». Как отмечается, отношения с Турцией и Крымом были разные, но к этим двум странам в послании и султан, и хан назывались братьями русского государя [16, с. 94-95, 99]. Факт дипломатической игры выходил на первый план.

В целом, семантическим ядром лексемы *брат* в контексте дипломатической переписки выступает значение «союзник, равный по статусу». Поэтому в текстах правительственной переписки действует строгое правило: номинация *брат* отражает отношения равноправных союзников, чьи договоренности основаны на помощи в борьбе с врагами/недругами. Например, «Іоанъ,...Государь всеа Русіи... взяли есмѧ любовь и вѣчное докончаніе съ своимъ *братомъ* съ Максиміаномъ, Кралемъ Римскимъ... быти намъ с нимъ в *братствѣ* и любви...гдѣ будетъ тобѣ, нашему *брату* Максиміану Кралю, надобѣ наша помочъ на твоихъ *недруговъ*, и намъ тебѣ помогати... а гдѣ будетъ намъ надобѣ твоя помочъ на нашихъ *недруговъ*, и тебѣ намъ помогати...» [7, с. 37].

В Грамотах Петра I в формулах приветствия и прощания в дипломатических грамотах употребление номинации *брат* усиливается лексемами *друг* и *сосед*, например: Римского императора Леопольда называет «*друже* и *брате* любительнѣйшій» [8, с. 130]; пишет об утверждении с ним «*братской дружбы* и любви» [8, с. 121]; подчеркивает, что Леопольд имеет «склонной къ намъ ... своей *дружбѣ* и по древнему пріятству...» [8, с. 131]. К королю Яну Третьему пишет «...яко *другу* и *брату* своему и *сосѣду*» [8, с. 178-180]; также обращается к Датскому королю Христиану «*брату* нашему любительнѣйшему, *другу* и *соседу*» [8, с. 183]. Особо подчеркивается христианский союз между соседями: «съ *братъи* своими союзными государи и съ *сосѣды* своими» [8, с. 192]; «и *братъя* наши союзные *христіанскіе* государи и *сосѣди*» [8, с. 193].

Для Петра I важным было подчеркнуть дружбу между государствами, поэтому пишет «к умноженію нашей *государской братцкой дружбы* и любви» [8, с. 211]. Лексема *друг* использовалась для демонстрации доверия и равенства, тем самым подчеркивалось равноправие участников переписки. В лексеме *друг* в дипломатическом контексте выделено значение «соратник», а в лексеме *сосед* – значение «ближний».

Эпитет *любезный, любезнейший* имеет нейтральный характер и используется в большинстве случаев, например, при обращении к Польскому королю Августу II «Господинъ и *другъ, сосѣдъ* и *братъ* любезнѣйшій» [8, с. 379]; к Бранденбургскому курфюрсту Фридриху III «*друже* и *брате* вселюбезнѣйшій» [8, с. 457]; к Прусскому королю Фридриху I «*Любезнѣйшій брате* і *друже*» [8, с. 475] и др. Хотя в данной переписке номинации *друг* и *брат* могут и не предполагать теплых отношений.

Петр I к официальному обращению *брат* и *друг* добавляет лексему *сосед* и дает характеристики, которые подчеркивают его личное отношение к собеседнику. Так, в послании к Польскому королю Августу II обращено внимание на искренность дружбы (не политические, а личные отношения): «Мой господине і *брате* любезнѣйшій и *друже истиною*, а не политикою» [8, с. 275]; королю Дании он пишет «братъ нашъ любительнѣйшій, *особливо добрый другъ* и *сосѣдъ*» [8, с. 295]. По отношению к Датскому королю Фридриху IV используется Петром I определение *добрый*: «братъ нашъ и *добрый другъ* и *сосѣдъ*» [8, с. 318]; «нашъ любезный братъ, а *особливо добрый другъ* и *сосѣдъ*» [8, с. 358]; а к Польскому королю Августу II обращается *братъ, другъ* и *сосѣдъ*, подчеркивая определением «*возлюбленные* брате» [8, с. 392], «*любителнѣйшій*» [8, с. 441], «*вселюбителнѣйшій*» [8, с. 457]. В лексеме *сосед* отражено значение не только географической близости России к Швеции, Польше, Пруссии и др., семантика лексемы *сосед* усиливает лексему *друг* в контексте союзнических отношений.

Историками русского языка отмечено, что в слове *любовный* отражено зафиксированное И.И. Срезневским значение слова *любовь* как «мир, согласие, мирный договор» [12, с. 89]. Определения *возлюбленный*, *вселюбительнейший* и др. при обращении к правителям разных стран поддерживают семантику невражды – мирной дружбы и приязни. Традиция использования определений *любительный* и под. идет от письменных актов XV века (*дружеская грамота*, *любительная грамота*, *грамота о любви*, *приятельная грамота*), закрепляющих мирные договоры русских с иностранными правителями [17, с. 62].

Эти формулы приветствия и прощания «брат, друг и сосед» в дипломатических посланиях Петра I повторяются как при назывании адресата, так и при самоименовании в завершающих фразах писем. Например: «...приятнейшии другъ і братъ. Петръ» [8, с. 355]; «Вашего величества добрый братъ Петръ» [8, с. 383]; «...вѣрный другъ і братъ. Петръ» [8, с. 393]; «Вашего пресвѣтлѣйшества и любви склонный братъ Петръ» [8, с. 454] и др.

Таким образом, дружеская риторика, являясь высокоэффективным средством дипломатической коммуникации, была частью общепринятого «этикета чувств». В посланиях Петра I конструкция «*брат, друг и сосед*» 1) демонстрирует личную заинтересованность в адресате и создает иллюзию искренности; 2) представляет собой не только метафору близости, но и обязательства, которое одно государство возлагало на другое; эти почтенные наименования превращались в мощный прагматический инструмент, выполняющий несколько стратегических задач (укрепления союза с другими державами и политического давления); 3) выполняет важную функцию поддержания благоприятного образа России как великой державы, способной завоевать расположение мировых лидеров. Поэтому конструкция «*брат, друг и сосед*» в посланиях Петра I является не только определением дружеских отношений и знаком вежливости, а важной семиотической формулой, которая указывает на равенство отношений и позицию не вражды.

Библиографический список

1. Волоскова А.В. Дипломатическая лексика начала XVIII века (По материалам трактата П.П. Шафирова «Рассуждение, какие законные причины Петр Великий к начатию войны против Карла XII имел»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ленинград, 1966. – 18 с.
2. Карданова Н.Б. Дипломатические послания Петра Великого долам Венецианской Республики: тематика, жанр, стиль, эпистолярный этикет: автореф. дис. ... доктора филол. наук. – М., 2013. – 45 с.
3. Кочекская Н.А. «Западные» и «восточные» дискурсы в дипломатической переписке Ивана Грозного: роль компаративного метода для концептуализации понятия и для определения границ корпуса посланий // Шаги/Steps. – 2019. – Т. 5. № 2. – С. 157–174.
4. Лихачев Д.С. Русский посольский обычай XI–XIII вв. // Исторические записки. – М., 1946. – Т. 18. – С. 42–55.
5. Око всей великой России. Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков / Под ред. Е.В. Чистяковой, сост. Н.М. Рогожин. – М.: Междунар. отношения, 1989. – 240 с.
6. Остапенко О.Г. Терминологическая лексика дипломатических и административных документов России и Англии XVI–XVII веков. – Орехово-Зуево: ОЗГПИ, 2016. – 149 с.
7. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными [в 10 томах]. Т. 1: Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою: (с 1488 по 1594 год). Т. 1. – СПб., 1851. – [17], XXV с., 1620 стб.
8. Письма и бумаги императора Петра Великого. – СПб.: Гос. тип., 1887–1918; Т. 1: (1688–1701). 1887. – 888, ЛП с.
9. Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю.Н. Щербачевым. – СПб., 1897. – VIII, 21 с., 952, 184 стб.

10. Сабенина А.М. Лексика сферы дипломатических отношений в русском языке XVII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1971. – 22 с.
11. Сергеев Ф.П. Формирование русского дипломатического языка XI-XVII вв. – Львов: Изд-во при Львов, гос. ун-те, 1978. – 223 с.
12. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I-III. – СПб., 1893–1912, II. – С. 89.
13. Удалых Г.Д. Дипломатическое письмо и его разновидности // Вестник ВолГУ. – Серия 2. Вып. 6. – 2007. – С. 7–13.
14. Успенский Б.А. Государь: история и этимология слова // Вопросы языкознания. – 2023. – № 1. – С. 7–18.
15. Успенский Б.А. Отчич и дедич в титуле русских государей // Шаги/Steps. – 2021. – Т. 7. № 3. – С. 238–286.
16. Филюшкин И.А. Титулы русских государей. – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. – 256 с.
17. Франчук В.Ю. О языке русской дипломатии // Вопросы языкознания. – 1984. – № 4. – С. 58–69.
18. Шердакова Л.Н. Синтаксические особенности языка дипломатических документов конца XVII – начала XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ленинград, 1960. – 20 с.
19. Щербачев Ю.Н. Два посольства при Иоанне IV Васильевиче // Русский вестник. – Т. 189. – 1887. – С. 88–175.

References in Roman script

1. Voloskova A.V. Diplomaticheskaya leksika nachala XVIII veka (Po materialam traktata P.P. Shafirova «Rassuzhdeniye. kakiye zakonnyye prichiny Petr Velikiy k nachatiyu voyny protiv Karla XII imel»): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Leningrad. 1966. 18 s.
2. Kardanova N.B. Diplomaticheskiye poslaniya Petra Velikogo dozham Venetsianskoy Respubliki: tematika. zhanr. stil. epistolyarnyy etiket: avtoref. dis. ... doktora filol. nauk. Moskva. 2013. 45 s.
3. Kochekovskaya N.A. «Zapadnyye» i «vostochnyye» diskursy v diplomaticheskoy perepiske Ivana Groznogo: rol komparativnogo metoda dlya kontseptualizatsii ponyatiya i dlya opredeleniya granits korpusa poslaniy // Shagi/Steps. T. 5. № 2. 2019. S. 157–174.
4. Likhachev D.S. Russkiy posolskiy obyчай XI–XIII vv. // Istoricheskiye zapiski. Moskva. 1946. T. 18. S. 42–55.
5. Oko vsej velikoy Rossii. Ob istorii russkoy diplomaticheskoy sluzhby XVI–XVII vekov / Pod red. E.V. Chistyakovoy. sost. N.M. Rogozhin. Moskva: Mezhdunar. otnosheniya. 1989. 240 s.
6. Ostapenko O.G. Terminologicheskaya leksika diplomaticheskikh i administrativnykh dokumentov Rossii i Anglii XVI–XVII vekov. Orekhovo-Zuyevo: OZGPI. 2016. 149 s.
7. Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy drevney Rossii s derzhavami inostrannymi [v 10 tomakh]. T. 1: Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy s Imperiyeyu Rimskoyu: (с 1488 по 1594 год). T. 1. Sankt-Peterburg. 1851. [17]. XXV s. 1620 stb.
8. Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo. Sankt-Peterburg: Gos. tip. 1887–1918; T. 1: (1688–1701). 1887. 888. LII s.
9. Russkiye akty Kopenagenskogo gosudarstvennogo arkhiva. izvlechennyye Yu.N. Shcherbachevym. Sankt-Peterburg. 1897. VIII. 21 s. 952. 184 stb.
10. Sabenina A.M. Leksika sfery diplomaticheskikh otnosheniy v russkom yazyke XVII veka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 1971. 22 s.
11. Sergeev F.P. Formirovaniye russkogo diplomaticheskogo yazyka XI–XVII vv. Lvov: Izd-vo pri Lvov. gos. un-те. 1978. 223 s.
12. Sreznevskiy I.I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam. T. I–III. Sankt-Peterburg. 1893–1912. II. s. 89.
13. Udalykh G.D. Diplomaticheskoye pismo i ego raznovidnosti // Vestnik VolGU. Seriya 2. Vyp. 6. 2007. S. 7–13.
14. Uspenskiy B.A. Gosudar: istoriya i etimologiya slova // Voprosy yazykoznaneya. 2023. № 1. S. 7–18.
15. Uspenskiy B.A. Otchich i dedich v titule russkikh gosudarey // Shagi/Steps. 2021. T. 7 № 3. S. 238–286.

16. Filyushkin I.A. Tituly russkikh gosudarey. Moskva; Sankt-Peterburg: Alians-Arkheo. 2006. 256 s.
17. Franchuk V.Yu. O yazyke russkoy diplomatii // Voprosy yazykoznanija. 1984. № 4. S. 58-69.
18. Sherdakova L.N. Sintaksicheskiye osobennosti yazyka diplomaticheskikh dokumentov kontsa XVII – nachala XVIII vv.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Leningrad. 1960. 20 s.
19. Shcherbachev Yu.N. Dva posolstva pri Ioanne IV Vasilyeviche // Russkiy vestnik. T. 189. 1887. S. 88-175.

References

1. Voloskova A.V. Diplomatic Vocabulary of the Early 18th Century (Based on the Treatise by P.P. Shafirov "A Discourse on the Legitimate Reasons for Peter the Great's War against Charles XII"): Abstract of Dissertation. ... Candidate of Philology. Leningrad, 1966, 18 p. (In Russian).
2. Kardanova N.B. Diplomatic Messages from Peter the Great to the Doges of the Republic of Venice: Themes, Genre, Style, and Epistolary Etiquette: Abstract of Dissertation. ... Doctor of Philology. Moscow, 2013, 45 p. (In Russian).
3. Kochevskaya, N.A. "Western" and "Eastern" Discourses in Ivan the Terrible's Diplomatic Correspondence: The Role of the Comparative Method in Conceptualizing the Concept and Defining the Boundaries of the Corpus of Letters. Shagi/Steps, vol. 5, no. 2, 2019, pp. 157-174. (In Russian).
4. Likhachev, D.S. The Russian Ambassadorial Custom in the 11th-13th Centuries. Historical Notes. Moscow, 1946, vol. 18, pp. 42-55. (In Russian).
5. The Eye of All Great Russia. On the History of the Russian Diplomatic Service in the 16th-17th Centuries / Edited by E.V. Chistyakova, compiled by N.M. Rogozhin. Moscow: International Relations, 1989, 240 p. (In Russian).
6. Ostapenko O.G. Terminological Vocabulary of Diplomatic and Administrative Documents of Russia and England in the 16th–17th Centuries. Orekhovo-Zuyevo: OZGPI, 2016, 149 p. (In Russian).
7. Monuments of the diplomatic relations of ancient Russia with foreign powers [in 10 volumes]. Vol. 1: Monuments of the diplomatic relations with the Roman Empire: (from 1488 to 1594). Vol. 1. St. Petersburg, 1851, [17], XXV p., 1620 stb. (In Russian).
8. Letters and papers of Emperor Peter the Great. St. Petersburg: State Printing House, 1887–1918; vol. 1: (1688–1701). 1887, 888, LII p. (In Russian).
9. Russian Acts of the Copenhagen State Archives, Extracted by Yu.N. Shcherbachev. Saint Petersburg, 1897, VIII, 21 p., 952, 184 pp. (In Russian).
10. Sabenina A.M. Vocabulary of the sphere of diplomatic relations in the Russian language of the XVII century: abstract of the dissertation. ... Candidate of Philological Sciences. Moscow, 1971, 22 p. (In Russian).
11. Sergeev F.P. The formation of the Russian diplomatic language of the XI-XVII centuries. – Lviv: Publishing House at Lviv, State University, 1978. – 223 p. (In Russian).
12. Sreznevsky I.I. Materials for a Dictionary of the Old Russian Language Based on Written Monuments. Vol. I–III. St. Petersburg, 1893–1912, II, p. 89. (In Russian).
13. Udalikh G.D. Diplomatic Letters and Their Varieties // Vestnik VolGU, Series 2, Issue 6, 2007, pp. 7–13. (In Russian).
14. Uspensky B.A. Sovereign: History and Etymology of the Word // Voprosy Jazykoznanija, 2023, no. 1, pp. 7–18. (In Russian).
15. Uspensky B.A. Otchich and Dedich in the Title of Russian Sovereigns // Shagi/Steps, 2021, vol. 7, no. 3, pp. 238–286. (In Russian).
16. Filyushkin I.A. Titles of Russian Sovereigns. Moscow; Saint Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2006, 256 p. (In Russian).
17. Franchuk V.Yu. On the Language of Russian Diplomacy // Voprosy Yazykoznanij, 1984, no. 4, pp. 58-69. (In Russian).
18. Sherdakova L.N. Syntactic features of the language of diplomatic documents of the late 17th – early 18th centuries. ... Candidate of Philological Sciences. Leningrad, 1960, 20 p. (In Russian).
19. Shcherbachev Yu.N. Two Embassies under Ivan IV Vasilyevich // Russkiy Vestnik, vol. 189, 1887, pp. 88-175. (In Russian).

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

УДК 347.78.034

Миронова Марина Руслановна
кандидат филологических наук, доцент
Кубанский государственный
технологический университет
Россия, г. Краснодар
e-mail: edwardekul@yandex.ru

Mironova Marina Ruslanovna
Associate Professor, Ph.D in Philology
Kuban State Technological University
Russia, Krasnodar
e-mail: edwardekul@yandex.ru

М.Р. Миронова
**МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ПЕРЕДАЧА ЮМОРА И ИГРЫ СЛОВ В
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ**

Аннотация. В статье рассматриваются лингвистические и культурные особенности межъязыковой передачи юмора и языковой игры в художественном тексте. Анализируются типы комического (каламбур, омонимия, полисемия, звукопись, говорящие имена) и стратегии их перевода: замещение, компенсация, культурная адаптация и опущение. Показано, что при переводе художественного юмора буквальная передача формы не всегда сохраняет комический эффект, поэтому предпочтителен функциональный подход, ориентированный на воспроизведение прагматического воздействия оригинала. Делается вывод о необходимости учитывать жанр, адресата и коммуникативную задачу перевода, сочетая лингвистический и культурологический анализ. Современная теория перевода рассматривает юмор как пространство диалога культур, где смысловая точность уступает место эффекту воздействия, а перевод превращается в акт креативной интерпретации. Тем самым переводчик выступает соавтором, проектирующим эквивалентное восприятие комического при сохранении смысловой целостности произведения.

Ключевые слова: межъязыковой перевод, юмор, языковая игра, каламбур, функциональная эквивалентность, культурная адаптация, прагматика перевода

Для цитирования: Миронова М.Р. Межъязыковая передача юмора и игры слов в художественном тексте. *Русистика без границы. Международно научно списание*, 2025, Том IX, кн. 4, С. 93–98.

M.R.Mironova
**INTERLINGUAL HUMOR COMMUNICATION AND PLAY ON WORDS IN
LITERARY TEXT**

Abstract. The article examines the linguistic and cultural features of the interlingual transmission of humor and language play in a literary text. The types of the comic (pun, homonymy, polysemy, phonography, speaking names) and their translation strategies are analyzed: substitution, compensation, cultural adaptation and omission. It is shown that when translating artistic humor, the literal transfer of form does not always preserve the comic effect, therefore, a functional approach focused on reproducing the pragmatic impact of the original is preferable. It is concluded that it is necessary to consider the genre, the addressee and the communicative task of translation, combining linguistic and cultural analysis. Modern translation theory considers humor as a space of cultural dialogue, where semantic accuracy gives way to the effect of influence, and translation turns into an act of creative interpretation. Thus, the translator acts as a co-author, designing an equivalent perception of the comic while preserving the semantic integrity of the work.

Keywords: interlingual translation, humor, wordplay, pun, functional equivalence, cultural adaptation, translation pragmatics

For citation: Mironova M.R. Interlingual humor communication and play on words in literary text. *Russian Studies without Borders. International scientific Journal*, 2025, Vol. IX, Iss. 4, pp. 93–98.

Межъязыковая передача юмора и игры слов в художественном тексте представляет собой одно из наиболее сложных направлений перевода, где пересекаются лингвистические, культурные и когнитивные аспекты. Юмор, основанный на многозначности, фонетических и морфологических совпадениях, метафоричности, требует от переводчика кроме знания языка и глубокого понимания менталитета, традиций и культурных кодов общества, на язык которого осуществляется перевод. В условиях глобализации, активного межкультурного взаимодействия и расширения переводческой практики вопрос адекватной передачи комического содержания становится предметом особого интереса для переводчиков и исследователей.

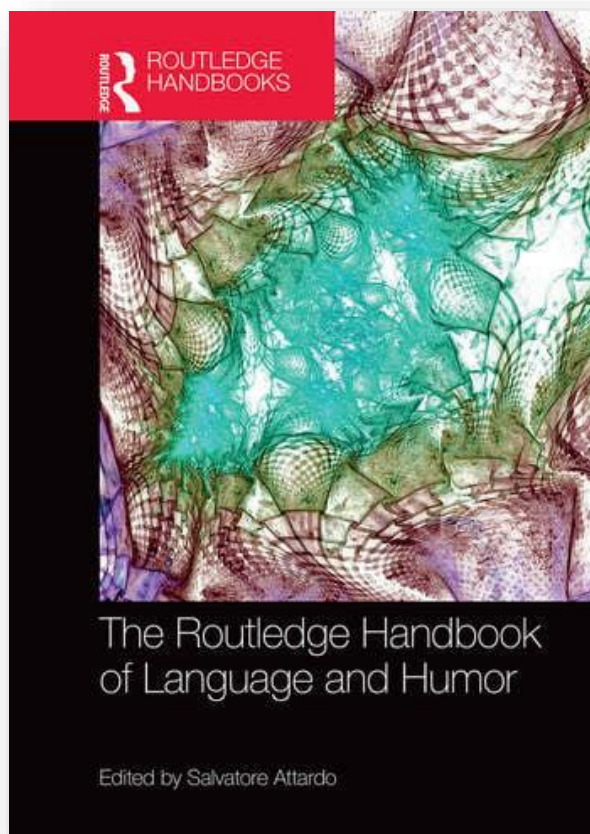
Актуальность темы обусловлена тем, что юмор, являясь важной составляющей национальной культуры и мировоззрения, часто теряет свою коммуникативную функцию при буквальном переводе. Именно юмористические элементы художественного текста подвергаются наибольшей деформации при передаче на другой язык. Понимание механизмов межъязыковой трансформации юмора необходимо для сохранения художественной целостности произведения и передачи авторского стиля. В условиях цифровизации и машинного перевода, где системы искусственного интеллекта всё чаще применяются для обработки текстов, проблема передачи юмора приобретает дополнительное значение, поскольку алгоритмы не способны уловить прагматический подтекст и языковую игру, создающую комический эффект.

Современные исследования в области теории перевода и когнитивной лингвистики подчёркивают важность контекста и культурной обусловленности при передаче юмора. Так, в работах Делабаста и Готлиба отмечается, что переводчик должен учитывать лингвистическую структуру, предполагаемого адресата и степень общекультурной осведомлённости аудитории. Российские исследователи В. Н. Комиссаров, А. Д. Швейцер, А. Л. Гинзбург указывают на необходимость поиска функциональных эквивалентов и прагматической адаптации, а не буквальной передачи [2, с. 228]. По мнению И. С. Алексеева межъязыковой перевод юмора требует «динамической эквивалентности», при которой переводчик воссоздаёт не форму, а эффект оригинала. В статье Е. В. Хохловой «Проблема перевода языковой игры в художественном тексте» подчёркивается, что игра слов часто строится на звуковых совпадениях или графических аналогиях, поэтому при переводе требуется компенсаторная стратегия – создание нового языкового приёма, вызывающего сходную реакцию у читателя. Зарубежные авторы, например Delabastita D. («Wordplay and Translation», 1996) и Attardo S. («Humor Translation in Context», 2017), анализируют конкретные стратегии перевода каламбуров – замещение, опущение, калькирование, компенсацию и создание нового слова на основе аналогичной языковой ассоциации [6, с. 127-160] [3, с. 56-60].

Анализ этих трудов позволяет утверждать, что универсальной методики не существует: каждая языковая игра требует индивидуального подхода, учитывающего синтаксическую, фонетическую и культурную специфику исходного и целевого языков.

Практические результаты анализа межъязыковой передачи юмора показывают, что наиболее устойчивыми оказываются случаи, где игра слов опирается на межъязыковые универсалии – общеизвестные культурные аллюзии, формулы повседневной речи и универсальные сценарии смешного. В таких условиях переводчик сохраняет комический

эффект через функциональную адаптацию, не разрушая смысловую ткань. Характерный пример – остроумные парадоксы Оскара Уайльда и разговорная ирония Джерома К. Джерома, где переводчики системно используют замещение и компенсацию. Фраза Уайльда *I can resist everything except temptation* в русском варианте «Я могу устоять перед всем, кроме соблазна» удерживает парадоксальную симметрию и лаконизм, хотя формальная игра с *resist/temptation* заменена структурным рифмомыслом [1, с. 120]. В прозе Джерома К. Джерома комизм часто строится на «провалившихся ожиданиях» и идиомах: английское *self-deprecating understatement* вроде *It was not exactly a triumph* нередко передаётся мягкой иронией «Выступление вряд ли можно назвать триумфом», где тон и прагматика важнее буквальной близости.

Показательна группа каламбуров на омонимии и полисемии, плохо переносимых между языками. Для англоязычной шутки *Time flies like an arrow; fruit flies like a banana* прямое калькирование разрушает двойную омонимию *flies*. Рабочая компенсация – создание нового двучленного остроумия на материале русской омонимии: «Время летит стрелой, а мухи – к компоту» или «Время летит стрелой, а мухи – к банану», где сохраняется эффект двойного сдвига ожиданий, пусть и на иных лексемах. В комедийной реплике *I used to be a baker, but I couldn't make enough dough* слово *dough* («тесто/деньги») не имеет русской полисемии. Переводчик переносит игру на другой омонимический узел: «Я работал пекарем, но с тестом было туго – как и с зарплатой», соединяя буквальный и переносный план за счёт контекстного вторичного значения [4, с. 209-228].

В детско-юношеской литературе игра слов часто вплетена в имена собственные и вывески. Английский *Knight Bus* держится на омонимии *night/knight*; русский «Ночной рыцарь» сохраняет слышимость рыцарского образа и ночного маршрута, усиливая

книжную ироничность. В «Винни-Пухе» имя *Eeyore* воспроизводит ослиное «иа». Русское «*Иа-Иа*» формально меняет структуру, но точно повторяет фонетический комизм, обеспечивая узнаваемость для детской аудитории [6, с. 97-101]. В комиксах и сагах с говорящими фамилиями (например, мир, где персонажи носят «шумные», «ломаные» или «хитрые» фамилии) выбор стратегии часто таков: либо сохраняется морфемный рисунок с новой русской мотивацией («*Кривозвон*», «*Ломопых*»), либо вводится поясняющее прозвище, если морфемная игра непрозрачна.

Киноперевод и субтитры предъявляют дополнительные ограничения синхронизации и длины реплик, из-за чего буквализм редко уместен. Локализованные шутки анимации строятся на культурной замене. Английское *cereal killer* (визуальный каламбур «*убийца хлопьев*»/«*серийный убийца*») плохо переносится без графики. Перевод выбирает новую игру «маньяк по хлопьям» или «*серийный по хлопьям*», где ироничное столкновение регистров сохраняется через оксюморон. В ситуационных комедиях реплика *I'm outstanding in my field* (буквально «я выдающийся в своей области»/«я стою в поле») спасается только тотальной перестройкой: «Я непревзойдённый спец в своей отрасли... особенно когда выхожу в поле» – добавляется пауза и «добивка», чтобы вернуть двойное чтение [7, с. 138-160].

Отдельный пласт – акrostихи, анаграммы и криптограммы, где автор сознательно «зашивает» второе сообщение. Прямая репликация возможна лишь при совпадении буквенных частот и морфемной структуры. На практике переводчик выбирает одно из трёх решений:

- сохраняет зашифрованную форму ценой лексических отступлений;
- переносит приём на другой участок текста (компенсация в соседних строках);
- отказывается от формы, но усиливает «игровой» эффект иным средством (рифмомысл, внутренние рифмы, паронимазия).

Такое же рассуждение работает и для рекламных слоганов/афиш внутри романа. Английское *Bear with me / Bare with me* заменяется русской паронимазией «*потерпите/потеребите*» только в гротескном регистре, поэтому чаще выбирают мягкую замену «*проявите чуточку терпения*», а игру переносят в следующую реплику через звукопись или неожиданный рифмованный «хвост».

Стереотипные культурные образы дают пространство «безопасной» адаптации. Шутка *He brought a knife to a pun fight* держится на созвучии *pun/pun-ish (pun/punishment)* и меметической формуле «*knife to a gun fight*»; русский вариант меняет опорную матрицу: «*Пришёл на словесную дуэль без остроумия*» или «*вышел на каламбур без заточки*», где «*заточка*» возвращает образ ножа, а «*остроумие*» сохраняет метафорический металл. Меметические формулы типа *Dad jokes so bad they're good* передаются через устойчивую русскую клише-матрицу: «*шутки такие плоские, что даже смешные*», сохраняя парадокс «плохо/хорошо» в одной рамке.

Иноязычные реалии регулярно требуют лексической и энциклопедической адаптации. В спортивной шутке *He's a real catcher – he always catches feelings* омонимия *catcher/catch* не воспроизводится. Подстановка русского культурного маркера разворачивает каламбур в «тот ещё ловец – чувств вечно наловит», где глагольная деривация «наловить» и разговорная ирония поддерживают лёгкость. В технологическом юморе *cache rules everything around me* (игра с аббревиатурой С.Р.Е.А.М.) русская версия требует либо примечания, либо перезапуска игры: «*кеш правит цифровым миром*», а культурную отсылку переносят в примечание или снос.

Совокупность примеров показывает, что баланс между верностью оригиналу и культурной адаптацией достигается не «правильным» словарным соответствием, а проектированием эквивалентного когнитивного эффекта. Там, где англоязычная шутка

держится на графике, русский перевод переключает сигнал на звук и ритм; где в оригинале работает омонимия, на приём отвечает разговорная фразеология; где источником смешного служит культурная цитата, в целевой культуре подбирается сопоставимый мифологический или массовокультурный маркер. Комизм выживает как функция, даже если меняется носитель – и именно эта функциональная устойчивость делает межъязыковую передачу юмора возможной.

Выводы из проведенного анализа позволяют заключить, что перевод юмора и языковой игры в художественном тексте требует соотнесения переводческого решения с жанром, адресатом и коммуникативной задачей. В художественной прозе приоритет получает функциональная эквивалентность и сохранение прагматического эффекта, поэтому переводчик часто использует замещение, компенсацию и культурную адаптацию вместо механического буквального соответствия. Успешная передача комического эффекта требует лингвистической компетенции и социокультурной интуиции, способности чувствовать прагматику речи. Юмор – явление глубоко культурное, и потому переводчик неизбежно становится соавтором, воссоздающим эмоциональную и когнитивную структуру оригинала. Современная теория перевода рассматривает юмор как пространство диалога культур, где смысловая точность уступает место эффекту воздействия, а перевод превращается в акт креативной интерпретации. Тем самым переводчик выступает соавтором, проектирующим эквивалентное восприятие комического при сохранении смысловой целостности произведения. Вместе с тем буквальный перевод остается оправданным как вспомогательный формат в подстрочниках, комментариях и учебно-филологических изданиях.

Библиографический список

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: ЛКИ, 2020. 240 с.
2. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. М.: ЭТС, 2022. 424 с.
3. Attardo S. (ed.). *The Routledge Handbook of Language and Humor*. London; New York: Routledge, 2017. 540 p.
4. Bandia P. F. Humor, Irony and the Translation of Culture // *Perspectives: Studies in Translatology*. 2020 Vol. 4, No. 2. P. 209–228.
5. Chiaro D. Humour and Translation // Gambier Y., van Doorslaer L. (eds.). *Handbook of Translation Studies*. Vol. 1. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2010. P. 97–101.
6. Delabastita D. Wordplay and Translation // *The Translator*. 1996. Vol. 2, No. 2. P. 127–160.
7. Low P. Translating Wordplay for Stage, Page and Screen // *Target*. 2021. Vol. 23, No. 1. P. 138–160.

References in Roman script

1. Barkhudarov L.S. *Yazyk i perevod (Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda)*. – M.: LKI, 2020. – 240 s.
2. Komissarov V.N. *Sovremennoe perevodovedenie: ucheb. posobie*. – M.: ETS, 2022. – 424 s.
3. Attardo S. (ed.). *The Routledge Handbook of Language and Humor*. – London; New York: Routledge, 2017. – 540 p.
4. Bandia P.F. Humor, Irony and the Translation of Culture // *Perspectives: Studies in Translatology*. – 2020. – Vol. 4, No. 2. – P. 209–228.
5. Chiaro D. Humour and Translation // Gambier Y., van Doorslaer L. (eds.). *Handbook of Translation Studies*. Vol. 1. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2010. – P. 97–101
6. Delabastita D. Wordplay and Translation // *The Translator*. – 1996. – Vol. 2, No. 2. – P. 127–160.
7. Low P. Translating Wordplay for Stage, Page and Screen // *Target*. – 2021. – Vol. 23, No. 1. – P. 138–160.

References

1. Barkhudarov L. S. Language and Translation (Issues of General and Private Theory of Translation). M.: LKI, 2020. 240 p. (In Russian).
2. Komissarov V. N. Modern translation studies: textbook. manual. Moscow: ETS, 2022. 424 p. (In Russian).
3. Attardo S. (ed.). The Routledge Handbook of Language and Humor. London; New York: Routledge, 2017. 540 p. (In English).
4. Bandia P. F. Humor, Irony and the Translation of Culture // Perspectives: Studies in Translatology. 2020 Vol. 4, No. 2. P. 209–228. (In English).
5. Chiaro D. Humour and Translation // Gambier Y., van Doorslaer L. (eds.). Handbook of Translation Studies. Vol. 1. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2010. P. 97–101. (In English).
6. Delabastita D. Wordplay and Translation // The Translator. 1996. Vol. 2, No. 2. P. 127–160. (In English).
7. Low P. Translating Wordplay for Stage, Page and Screen // Target. 2021. Vol. 23, No. 1. P. 138–160. (In English).

УДК: 81'22:004.8

Миронова Маргарита Николаевна
кандидат филологических наук, доцент
Кубанский государственный
технологический университет
Россия, г. Краснодар
e-mail: mironovamn20@yandex.ru

Mironova Margarita Nikolaevna
Assistant Professor, Ph.D. in Philology
Kuban State Technological University
Russia, Krasnodar
e-mail: mironovamn20@yandex.ru

Эпоева Луиза Врежевна
кандидат филологических наук, доцент
Кубанский государственный
технологический университет
Россия, г. Краснодар
e-mail: luepoeva@mail.ru

Epoeva Luisa Vrezhevna
Associate Professor, Ph.D. in Philology
Kuban State Technological University
Russia, Krasnodar
e-mail: luepoeva@mail.ru

М.Н. Миронова, Л.В. Эпоева
**ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ:
ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли искусственного интеллекта (ИИ) в профессиональной переводческой деятельности. Особое внимание авторы уделяют вопросам обработки терминологически насыщенных текстов. Рассматривается, как ИИ-технологии повлияли на рабочую среду переводчиков и позволили ускорить процесс перевода, расширив его масштабы. Вместе с тем описываются возникающие вызовы и проблемы, такие как потеря точности при передаче терминологии, нарушение контекстуальных связей и риск снижения творческой составляющей труда переводчика. В статье подчеркивается важность процесса адаптации переводчиков к новым инструментам и необходимость разработки строгих стандартов и рекомендаций по использованию ИИ в рамках переводческой деятельности. Приводятся примеры успешного совмещения усилий человека и ИИ, а также предлагаются стратегии дальнейшего развития отрасли, направленные на обеспечение устойчивого равновесия между преимуществами технологий и необходимостью поддержания высокого уровня профессиональной компетентности переводчиков.

Ключевые слова: искусственный интеллект, машинный перевод, профессиональная документация, терминология, нейронные сети, переводческая деятельность

Для цитирования: Миронова М.Н., Эпоева Л.В. Искусственный интеллект в профессиональном переводе: вызовы и перспективы. *Русистика без границы. Международно научнописание*, 2025, Том IX, кн. 4, С. 99–106.

M.N. Mironova, L.V. Epoeva
**ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PROFESSIONAL TRANSLATION:
CHALLENGES AND PROSPECTS**

Abstract. The article covers the role of artificial intelligence (AI) in professional translation activities. Special attention is paid to issues related to processing terminologically dense texts. The authors examine how AI technologies have influenced translators' work environment and allow for accelerating the translation process while expanding its scope. At the same time, challenges and problems arising from these changes are described, such as loss of accuracy in conveying terminology, disruption of contextual connections, and the risk of diminishing creative elements in translators' work. The importance of adapting translators to new tools and developing strict standards and guidelines for using AI within translation practice is emphasized. Successful examples of combining human effort with

AI capabilities are provided, along with strategies aimed at ensuring a sustainable balance between technological advantages and maintaining high levels of professional competence among translators.

Keywords: artificial intelligence, machine translation, professional documentation, terminology, neural networks, translation activity

For citation: Mironova M.N., Epoeva L.V. Artificial intelligence in professional translation: challenges and prospects. *Russian Studies without Borders. International scientific Journal*, 2025, Vol. IX, Iss. 4, pp. 99–106.

Язык представляет собой фундаментальный инструмент развития человеческой цивилизации, служащий основным каналом передачи коммуникативных сообщений, культурных ценностей, научных знаний и национальной идентичности. По мере усиления процессов глобализации и цифровой трансформации мир становится все более взаимозависимым, что значительно повышает потребность в качественном переводе. Способность эффективно преодолевать межкультурные различия является необходимым условием успешного взаимодействия в сферах международного бизнеса, дипломатии, науки, медицины, образовательной системы и развлекательной индустрии. Исторически переводческая деятельность была уделом высококвалифицированных профессионалов-лингвистов, глубоко владеющих языковой компетенцией и тонкостями культурной среды. Тем не менее современный этап характеризуется быстрым развитием технологий искусственного интеллекта, кардинально меняющим традиционную парадигму профессионального перевода.

Развитие искусственного интеллекта оказывает значительное влияние на переводческую отрасль, способствуя глубокой трансформации традиционных подходов и методов работы. Одним из ключевых направлений такого изменения выступает внедрение нейронного машинного перевода (НМП), обеспечивающего быстрое и эффективное выполнение переводов значительных объёмов текста. Современные технологические решения, представленные такими системами, как Google Translate, DeepL и Microsoft Translator, существенно повысили доступность и скорость предоставления услуг перевода, сократив временные затраты и упростив коммуникационные процессы между представителями разных культур и языков. Среди основных достоинств внедрения ИИ-технологий в переводческой практике выделяются сокращение расходов, повышение эффективности труда, облегчение международной деловой активности, ускорение процесса локализационных работ и расширение возможностей кросс-культурного взаимодействия.

По мере развития искусственного интеллекта переводчики всё чаще адаптируются к новым ролям, интегрируя инструменты ИИ в свои рабочие процессы для повышения производительности и точности. Согласно мнению ученых, профессиональная роль переводчика видоизменяется: теперь он превращается скорее в постредактора, контролёра качества и культурного консультанта, обеспечивая соответствие генерируемого искусственным интеллектом контента специфическим особенностям целевой аудитории, её традиционным нормам, моральным установкам и предпочтениям. Эта гибридная модель, сочетающая в себе сильные стороны ИИ и человеческий опыт, становится новой нормой в переводческой отрасли. Более того, растущая зависимость от ИИ поднимает ряд этических проблем, включая вопросы, связанные с сокращением рабочих мест, конфиденциальностью данных и потенциальным сохранением предубеждений, обусловленных особенностями используемых тренировочных массивов данных. По мере того, как инструменты ИИ всё больше интегрируются в процесс перевода, растёт потребность в том, чтобы заинтересованные стороны в отрасли решали

этические проблемы и обеспечивали ответственное и инклюзивное использование ИИ [6].

Интеграция технологий искусственного интеллекта в переводческие процессы обозначила серьёзный разрыв с предыдущими поколениями компьютерных инструментов перевода (CAT), изначально созданных для содействия работе специалистов-переводчиков, а не для замещения отдельных аспектов их профессиональной деятельности. Современные ИИ-решения способны не только поддерживать труд переводчиков, но зачастую сами успешно справляются с выполнением целого ряда переводческих задач. В связи с этим в статье рассматриваются следующие вопросы: как ИИ изменил сферу перевода, какие преимущества он привнёс и наоборот, каковы его ограничения, и как он влияет на качество и достоверность переведённого контента.

Внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в индустрию переводов принесло целый ряд преимуществ, которые меняют способы общения людей и организаций, преодолевая языковые барьеры. Благодаря использованию возможностей ИИ, в частности, нейронного машинного перевода (НМП) и обработки естественного языка (НЛП), отрасль добилась повышения скорости, доступности, масштабируемости и экономической эффективности [2].

Скорость является одним из наиболее значительных преимуществ ИИ в сфере перевода. Традиционный перевод – это трудоемкий процесс, особенно для длинных или сложных текстов. В свою очередь инструменты ИИ значительно сокращают время выполнения. Это особенно важно в профессиональных отраслях с большим количеством терминологии [3].

Автоматизация задач перевода с помощью ИИ привела к существенной экономии средств для предприятий и учреждений. Инструменты ИИ сокращают необходимость в больших группах лингвистов, выполняя массовые переводы автоматически, что позволяет компаниям управлять многоязычным контентом с меньшими бюджетами. Хотя человеческий контроль по-прежнему необходим во многих случаях, особенно для критически важных или конфиденциальных материалов. Это делает услуги перевода более доступными не только для корпораций, но и для малого бизнеса, некоммерческих организаций и частных лиц.

Еще одним важным преимуществом является полная интеграция инструментов перевода на основе ИИ с цифровыми платформами и сервисами. Например, ряд платформ предлагают субтитры и перевод в режиме реального времени во время виртуальных встреч. Такой уровень интеграции минимизирует коммуникативные препятствия в международном общении, позволяя компаниям оказывать поддержку и взаимодействие в режиме реального времени на нескольких языках, улучшая пользовательский опыт и вовлеченность. Инструменты на базе ИИ не стоят на месте и постоянно совершенствуются, используют адаптивные методы обучения, учась на собственных ошибках [5].

Несмотря на многочисленные и значительные преимущества искусственного интеллекта (ИИ) в сфере перевода, не менее важно отметить сохраняющиеся проблемы и ограничения. Сложность, неоднозначность и культурное богатство человеческого языка по-прежнему представляют собой серьёзные препятствия для машинного перевода, затрагивая этические, культурные и социальные аспекты.

Одним из существенных недостатков систем перевода, использующих искусственный интеллект, является ограниченная способность полноценно учитывать культурно-обусловленные контексты и тонкие смысловые оттенки выражений. Язык глубоко укоренён в культуре, и значение часто зависит от тона, обстановки, традиций и

общественных ценностей. Модели ИИ в первую очередь полагаются на статистические ассоциации и распознавание образов. Они могут эффективно переводить буквальное значение, но испытывают трудности с подтекстом, иронией, юмором, сарказмом, идиомами и метафорами. Например, перевод шутки или культурно специфической ссылки часто приводит к бессмысленному или неловкому результату, если система не распознаёт культурный контекст. Более того, региональные диалекты, идиоматические фразы и неформальные выражения могут существенно различаться даже в пределах одного языка [7].

Несмотря на то, что перевод с помощью ИИ улучшился в плане беглости и структуры, ошибки случаются, особенно в сложном или техническом контенте. Научные документы, юридические контракты и медицинские заключения требуют специфической для предметной области терминологии и точного использования языка. ИИ может неправильно переводить такие термины или использовать общую лексику, искажающую подразумеваемый смысл. Даже небольшие ошибки могут иметь серьезные последствия в этих областях. Например, неправильный перевод медицинской инструкции может подвергнуть пациента риску, а неверно истолкованная юридическая оговорка может повлиять на исход судебного дела. Кроме того, системы ИИ могут выдавать непоследовательные результаты. Одно и то же предложение может быть переведено по-разному в нескольких случаях, особенно если оно немного изменено или представлено в разных контекстах. Эта непоследовательность может нарушить связность и читаемость переведенных документов и снизить доверие к выходным данным [4].

Использование ИИ в переводе вызывает серьезные вопросы конфиденциальности. Многие сервисы перевода на основе ИИ работают в облаке, что означает, что пользовательские данные, включая конфиденциальную информацию, могут передаваться и храниться на удаленных серверах. Это особенно актуально в таких секторах, как здравоохранение, юриспруденция или бизнес, где конфиденциальность имеет первостепенное значение. Без надлежащих мер безопасности могут произойти утечки данных или неправомерное использование личной информации [1].

Несмотря на достижения, переводы с использованием ИИ часто требуют постредактирования человеком для обеспечения качества, точности и соответствия требованиям. Переводчикам по-прежнему приходится просматривать и корректировать машинный перевод, особенно в случае официальных документов, маркетингового контента или материалов, учитывающих культурные особенности.

Перевод в реальном времени с использованием ИИ, такой как автоматические субтитры или голосовой перевод, совершенствуется, но по-прежнему сталкивается с трудностями. Акценты, разборчивость речи, фоновый шум и идиоматическая речь могут сбивать модели ИИ с толку, что приводит к неправильному переводу. В ситуациях с высокими ставками, таких как международная дипломатия или реагирование на чрезвычайные ситуации, даже незначительные ошибки в переводе могут привести к путанице или конфликту.

Перевод профессиональных текстов – чрезвычайно сложный процесс. Это часто обусловлено существованием терминов, используемых только в одной профессиональной системе в данном языковом варианте. Поскольку системы нейронного машинного перевода (НМП) становятся важной частью профессиональной работы переводчиков, всё больше работ фокусируется на сочетании НМП с терминологией. Коммерческие инструменты машинного перевода позволяют переводчикам использовать ранее переведенные данные, а также вручную подобранную базу данных терминов.

Так, на практических занятиях по дисциплинам «Перевод технической документации» и «Техника и практика перевода документа» со студентами нашего вуза мы применяем различные сервисы для перевода специально-технических текстов различных тематик. По итогам занятий мы приходим к выводу, что при переводе документации с русского на английский системы нейронного машинного перевода не всегда справляются с переводом сложносочиненных и сложноподчиненных предложений и сложных грамматических конструкций. Тем не менее перевод инструкций, формальной технической документации, контрактов имеет место быть с учетом дальнейшей корректировки и редактирования.

При переводе технической документации с терминологией искусственным интеллектом часто возникают характерные ошибки, которые снижают качество и надежность переведенного материала. Рассмотрим типичные проблемы подробнее. Основные типы ошибок искусственного интеллекта при переводе технических документов:

1. Неверная интерпретация и некорректная передача терминов, то есть искажение их значения при переводе. Переводчик неправильно интерпретирует значение технического термина, заменяя его аналогом общего назначения либо используя некорректный эквивалент. Например, термин "module" в английском языке имеет много значений (модуль, устройство, элемент). «This module controls the data flow between components.» Здесь термин "module" может вызвать двусмысленность при переводе на русский язык. Возможные варианты перевода зависят от контекста. Правильный перевод: «Этот модуль управляет потоком данных между компонентами». Подразумевается функциональная единица программного обеспечения или отдельного устройства. Неправильным и частично верным переводом были бы: «Это устройство контролирует поток данных между компонентами» или «Данный элемент регулирует передачу данных между элементами», если предположить, что имеется в виду самостоятельное техническое средство или речь идет о небольшой составной части системы. Из приведенных примеров видно, что правильный перевод термина "module" возможен лишь при учете окружающего контекста и специфики предмета описания. Если контекст не учитывается должным образом, возможна ошибка в переводе.

2. Проблемы с согласованием грамматики и синтаксиса. Нарушение согласования времен глаголов, неправильная расстановка падежей и чисел существительных. Например, неправильный порядок слов («аппарат используется контроллером») вместо правильного («контроллер использует аппарат»).

3. Сложность перевода аббревиатур и сокращений. Алгоритмы машинного перевода нередко обучаются на текстах общего профиля, в которых отсутствует достаточное количество примеров из узких областей науки и техники, поэтому часто не учитываются стандартные сокращения или общепринятые обозначения в области техники, науки и производства. Например, сокращение "AC" (Alternating Current) переводится буквально («ток переменный»), хотя в русскоязычной литературе принято сокращение «переменный ток». Английская аббревиатура "PCB" ("Printed Circuit Board") иногда переводится как "ПКБ" (подводная лодка класса Project Cruiser Boat), хотя правильным вариантом является "печатная плата" - пластина из диэлектрика, на поверхности и/или в объеме которой сформированы электропроводящие цепи электронной схемы.

4. Ошибочное использование синонимов. Выбор неверного синонима из-за недостаточного понимания семантического поля конкретного термина. Например, слово "valve" может означать как клапан, так и вентиль. Без учета контекста возможен выбор неправильного варианта. Термин "switch" также имеет множество значений:

переключатель, сетевой коммутатор, смена направления. Неправильный перевод глагола в предложении "We need to switch from HTTP to HTTPS protocol." - сменить переключатель с протокола HTTP на протокол HTTPS. Правильным вариантом перевода будет - перейти с протокола HTTP на протокол HTTPS.

5. Несоответствие стиля исходного текста стилю переведённого материала. Отсутствие адаптации стиля изложения к требованиям русской технической литературы, приводящее к громоздким формулировкам и снижению читаемости документа. Например, буквальное следование английскому стилю предложений («It is recommended that the device be used in a well-ventilated area») может привести к излишне формальному переводу («Рекомендуется, чтобы устройство использовалось в хорошо проветриваемом помещении»). Лучше подойдет простой стиль: «Используйте устройство в хорошо проветриваемом месте».

6. Пропуск важных деталей и пояснений. Алгоритм ИИ настроен таким образом, чтобы обрабатывать основной объем текста и уделять основное внимание ключевым словам и фразам. Дополнительные конструкции вроде ссылок на разделы или сноски могут восприниматься системой как второстепенные и упускаться из внимания. Искусственному интеллекту сложно оценить значимость каждого элемента текста. То, что кажется разработчику программы неважным элементом, может оказаться критичным для читателя. Например, фраза "For further details see section X.Y.Z." (см. раздел X.Y.Z.) остается незамеченной моделью и теряется в переводе. "Figure 3 illustrates the experimental results presented in Table 2." (Рисунок 3 иллюстрирует экспериментальные результаты, представленные в таблице 2.) Машинный перевод проигнорировал номера графиков и таблицы: "График показывает результаты эксперимента, указанные в таблице."

Таким образом, интеграция искусственного интеллекта (ИИ) в индустрию перевода знаменует собой один из самых глубоких сдвигов в истории лингвистических услуг. То, что когда-то полностью зависело от человеческого интеллекта, языковой интуиции и культурных знаний, теперь стало динамичным сочетанием человеческого опыта и эффективности машин. От обеспечения быстрой многоязычной коммуникации до обеспечения устного перевода в режиме реального времени, ИИ значительно расширил возможности перевода. Однако, как показано в этой статье, история ИИ в сфере перевода — это не замена, а трансформация, адаптация и сотрудничество. Вместе с тем, потеря нюансов, возможные искажения, проблемы конфиденциальности, проблемы точности и чрезмерная зависимость от технологий - все это факторы, которые следует учитывать. Важно с осторожностью использовать искусственный интеллект при переводе, особенно в конфиденциальных или профессиональных целях. Безусловно искусственный интеллект может быть полезным инструментом, но, человеческий опыт остается незаменимым, когда речь заходит о сохранении богатства и точности языков.

Библиографический список

1. Цзу Сюэцин, Лю Цзинпэн. Трансформация переводческих компетенций в эпоху технологий искусственного интеллекта // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-perevodcheskih-kompetentsiy-v-epohu-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta>
2. Folaron D. Translation tools// Handbook of Translation Studies. Volume 1 p.429. URL: <https://opencourses.ionio.gr/modules/document/file.php/DFLTI112/Handbook%20of%20Translation%20Studies%20Vol.%201.pdf>
3. Ibrahimova Zhanar The role of artificial intelligence in professional translation in intercultural communication: a comparative analysis and the features of translating nonverbal signals // Холодная наука. 2025. №13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-role-of-artificial->

intelligence-and-professional-translation-in-intercultural-communication-a-comparative-analysis-and-the

4. Matulewska A. Walking on thin ice of translation of terminology in legal settings. URL: <https://www.degruyterbrill.com/document/doi/10.1515/ijld-2016-0001/html>
5. Mohamed Y., Khanan A. The Impact of Artificial Intelligence on Language Translation: A Review. URL: https://www.researchgate.net/publication/378284156_The_Impact_of_Artificial_Intelligence_on_Language_Translation_A_review
6. Samuel Boluwatife Oni. The Impact of AI on the Translation Industry. URL: https://www.researchgate.net/publication/391050035_The_Impact_of_AI_on_the_Translation
7. Shahmerdanova R. Artificial intelligence in translation: challenges and opportunities. URL: https://www.researchgate.net/publication/387938309_Artificial_Intelligence_in_Translation_Challenges_and_Opportunities

References in Roman script

1. Czu Syuecin, Lyu Czinpen. Transformaciya perevodcheskih kompetencij v epohu tekhnologij iskusstvennogo intellekta // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-perevodcheskih-kompetentsiy-v-epohu-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta>
2. Folaron D. Translation tools// Handbook of Translation Studies. Volume 1 p.429. URL: <https://opencourses.ionio.gr/modules/document/file.php/DFLTI112/Handbook%20of%20Translation%20Studies%20Vol.%201.pdf>
3. Ibrahimova Zhanar The role of artificial intelligence in professional translation in intercultural communication: a comparative analysis and the features of translating nonverbal signals // Holodnaya nauka. 2025. №13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-role-of-artificial-intelligence-and-professional-translation-in-intercultural-communication-a-comparative-analysis-and-the>
4. Matulewska A. Walking on thin ice of translation of terminology in legal settings. URL: <https://www.degruyterbrill.com/document/doi/10.1515/ijld-2016-0001/html>
5. Mohamed Y., Khanan A. The Impact of Artificial Intelligence on Language Translation: A Review. URL: https://www.researchgate.net/publication/378284156_The_Impact_of_Artificial_Intelligence_on_Language_Translation_A_review
6. Samuel Boluwatife Oni. The Impact of AI on the Translation Industry. URL: https://www.researchgate.net/publication/391050035_The_Impact_of_AI_on_the_Translation
7. Shahmerdanova R. Artificial intelligence in translation: challenges and opportunities. URL: https://www.researchgate.net/publication/387938309_Artificial_Intelligence_in_Translation_Challenges_and_Opportunities

References

1. Zu Xueqing, Liu Jingpeng. Transformation of Translation Competencies in the Era of Artificial Intelligence Technologies // Bulletin of Moscow University. Series 22. Translation Theory. 2025. No. 1. (In Russian) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-perevodcheskih-kompetentsiy-v-epohu-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta> (In Russian).
2. Folaron D. Translation tools// Handbook of Translation Studies. Volume 1 p.429. (In English) URL: <https://opencourses.ionio.gr/modules/document/file.php/DFLTI112/Handbook%20of%20Translation%20Studies%20Vol.%201.pdf> (In English).
3. Ibrahimova Zhanar The role of artificial intelligence in professional translation in intercultural communication: a comparative analysis and the features of translating nonverbal signals // Cold science. 2025. №13. (In English) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-role-of-artificial-intelligence-and-professional-translation-in-intercultural-communication-a-comparative-analysis>
4. Matulewska A. Walking on thin ice of translation of terminology in legal settings. (In English) URL: <https://www.degruyterbrill.com/document/doi/10.1515/ijld-2016-0001/html>
5. Mohamed Y., Khanan A. The Impact of Artificial Intelligence on Language Translation: A Review.

URL:https://www.researchgate.net/publication/378284156_The_Impact_of_Artificial_Intelligence_on_Language_Translation_A_review (In English).

6. Samuel Boluwatife Oni. The Impact of AI on the Translation Industry. (In English) URL: https://www.researchgate.net/publication/391050035_The_Impact_of_AI_on_the_Translation
7. Shahmerdanova R. Artificial intelligence in translation: challenges and opportunities. https://www.researchgate.net/publication/387938309_Artificial_Intelligence_in_Translation_Challenges_and_Opportunities (In English).

РЕЦЕНЗИИ

УДК 81.373.2

Лесневска Радослава Владиславова
 технический руководитель
 Акронис
 Болгария, г. София
 e-mail: rlesnevaska@gmail.com

Lesnevsk Radoslava Vladislavova
 Technical Lead
 Acronis
 Bulgaria, Sofia
 e-mail: rlesnevaska@gmail.com

Р.В. Лесневска

**КОВАЛЕВ Г. Ф. ПУШКИН. ОНОМАСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ:
 МОНОГРАФИЯ. ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ. –
 ВОРОНЕЖ: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ВГУ, 2024. – 457 С. ISBN 978-5-9273-4018-7**

Abstract. Рецензируемая монография профессора Воронежского государственного университета Геннадия Филипповича Ковалева посвящена 225-й годовщине со дня рождения А. С. Пушкина. Рецензентами являются профессор С.А. Скуридина и профессор В.И. Супрун. Это 4-е издание книги Г.Ф. Ковалева о творчестве А.С. Пушкина (первые издания: «Пушкин и имя». 2019, 218 с.; «Пушкин. Ономастический комментарий». 2012, 278 с.; «Пушкин. Ономастический комментарий». 2019, 356 с.). Рецензируемое издание – основательно дополненная научная монография, предназначенная широкому кругу читателей. Профессор кафедры славянской филологии ВСУ Г.Ф. Ковалев – основатель Воронежской ономастической школы. Монография посвящена ономастикону произведений А.С. Пушкина в русле литературной ономастики. Имена собственные рассмотрены по оригинальной методике ономастической лаборатории Г.Ф. Ковалева, включающей ряд факторов, влияющих на выбор имени: авторское сознание, значение онима, системность имен, системность хронотопа, социальность системы имен, автобиографизм. Следуя своей уникальной методике, Г. Ковалев выражает свое мнение о проблематике онимической лексики творчества А.С. Пушкина и одновременно оценивает взгляды других ученых по данному вопросу, осуществляя критический анализ и используя различные приемы аргументации и оценки для обоснования собственной позиции на основе системного подхода и методики сбора и обработки информации. Вобрав в себя ценную научную и культурологическую информацию, рецензируемый ономастический комментарий: монография представляет собой новое достижение российской литературной ономастики.

Keywords: Воронежская ономастическая школа, литературная ономастика, Александр Сергеевич Пушкин, Геннадий Ковалев

Для цитирования: Лесневска Р.В. Ковалев Г.Ф. Пушкин. Ономастический комментарий: монография. Воронежский государственный университет. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2024. – 457 с. ISBN 978-5-9273-4018-7. *Рецензия. Русистика без границ. Международно научно списание.* – София, 2025, Том IX, кн. 4, С. 107–112.

R.V. Lesnevsk

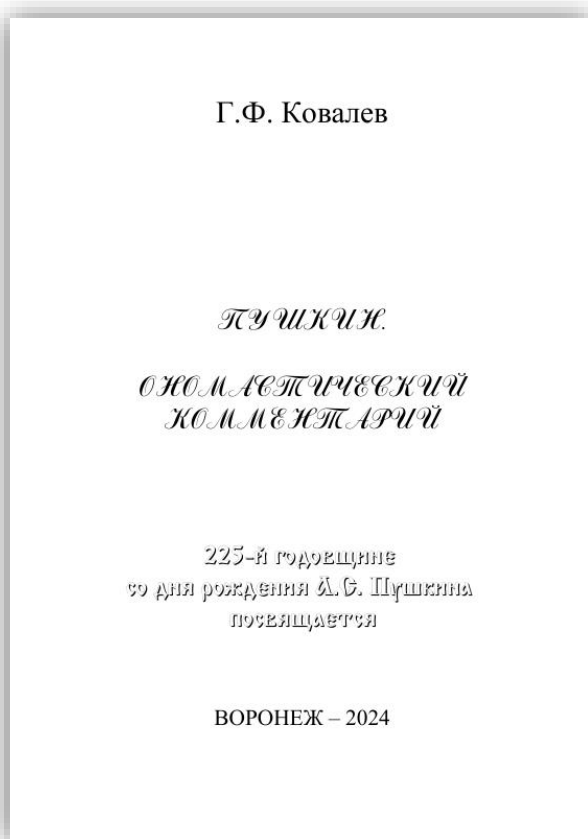
**KOVALEV G. F. PUSHKIN. ONOMASTIC COMMENTARY: A MONOGRAPH.
 VORONEZH STATE UNIVERSITY. – VORONEZH: VSU PUBLISHING HOUSE,
 2024. – 457 P. ISBN 978-5-9273-4018-7**

Abstract. The peer-reviewed monograph by Professor Gennady Filippovich Kovalev of Voronezh State University is dedicated to the 225th anniversary of Alexander Pushkin's birth. The reviewers are Professor S.A. Skuridina and Professor V.I. Suprun. This is the 4th edition of the book by G.F. Kovalev about the work of A.S. Pushkin (first editions: «Pushkin and the name». 2019, 218 p.;

«Pushkin. Onomastic commentary». 2012, 278 p.; «Pushkin. Onomastic commentary». 2019, 356 p.). The peer-reviewed publication is a thoroughly expanded scientific monograph intended for a wide range of readers. Professor of the Department of Slavic Philology of VSU G.F. Kovalev is the founder of the Voronezh Onomastic School. The monograph is devoted to the onomasticon of A.S. Pushkin's works in line with literary onomastics. Proper names are considered according to the original methodology of the onomastic laboratory of G.F. Kovalev, which includes a few factors influencing the choice of a name: author's consciousness, the meaning of the name, the consistency of names, the consistency of the chronotope, the sociality of the naming system, autobiography. Following his unique methodology, G. Kovalev expresses his opinion on the problems of the onymic vocabulary of A.S. Pushkin's work and at the same time evaluates the views of other scientists on this issue, carrying out critical analysis and using various methods of argumentation and evaluation to substantiate his own position based on a systematic approach and methods of collecting and processing information. Having absorbed valuable scientific and cultural information, the peer-reviewed onomastic commentary: a monograph represents a new achievement of Russian literary onomastics.

Keywords: Voronezh onomastic School, literary onomastics, Alexander Sergeevich Pushkin, Gennady Kovalev

For citation: Lesnevska R.V. Kovalev G.F. Puchkin. Onomastic commentary: a monograph. Voronezh state university. – Voronezh: VSU Publishing House, 2024. – 457 p. *Review. Russian Studies without Borders. International scientific Journal.* – Sofia, 2025, Vol. IX, Iss. 1, pp. 107–112.

Профессор Геннадий Ковалев хорошо известен в Болгарии, Сербии, Словакии, Польше. Он признанный эксперт по ономастике в кругах славистов, русистов, болгаристов. В Болгарии Г. Ковалев участвовал в ряде международных конференций. Проф. д.ф.н. Г. Ковалев является членом международного редакционного совета болгарского научного журнала «Русистика без границ». В 2017 г., будучи аспирантом в ВГТУ, автор настоящей рецензии взял интервью у Г. Ковалева в Воронеже (10 июня 2017), для журнала «Русистика без границ», тема интервью – «Мифы о Воронеже» [4].

Большой популярностью среди болгарских русистов и славистов пользуется периодически издаваемый сборник «Материалы по русско-славянскому языкознанию: международный сборник научных трудов» с главным редактором Г.

Ковалевым [5], [6]. Выпуск 36, 2003, был посвящен 80-летию юбилею профессора Г. Ковалева [5]. Последний 37 выпуск сборника, 2024 г., посвященный юбилейному Пушкинскому году, начинается со статьи Г. Ковалева «Пушкин – наше все!» [2].

Профессор кафедры славянской филологии Воронежского государственного университета Г.Ф. Ковалев – основатель Воронежской ономастической школы [1]. В

первом выпуске «Ономастический вестник. Научный журнал», № 1 (1) 2025, с главным редактором д.ф.н. С.А. Скуридиной, опубликована статья Г.Ковалева «К исследованиям ономастики в Воронежской ономастической школе», где представлен список его работ по

литературной ономастике, в котором числится и рецензируемая монография «Пушкин. Ономастический комментарий», 2024 г. [3, с. 11].

Рецензируемый ономастический комментарий начинается с вводного материала «Об изучении ономастики русской литературы в школе и вузе» (с. 3–23), где рассматриваются различные по типу и характеру комментарии к литературному произведению, в рамках которых, как справедливо утверждает автор, очень эффективным типом является ономастическое комментирование. Как убедительно доказывает автор, ономастика – наука об именах собственных ведет к усилению заинтересованности учащихся языком и литературой. Важен тот факт, что ономастика тесно связана с лингвистикой, историей, этнографией, стилистикой, словообразованием, фразеологией, социологией, речевым этикетом. Таким

образом, как справедливо утверждает Г. Ковалев, ономастический анализ на уроках литературы осуществляет межпредметную интеграцию, интегрируя знания учащихся по разным учебным дисциплинам. Учителям предлагается ознакомиться с регулярно составляемыми библиографиями ономастики русских писателей.

Далее следует материал об имени «Пушкин» с подзаголовками: «Пушкин и имя», «Автобиографизм образов Пушкина», «Это легкое имя Пушкин!», «Об африканском происхождении А. С. Пушкина», «О псевдонимах А. С. Пушкина» (с. 24–53). Комментируется большой интерес Пушкина к проблеме имени и имени в художественном произведении. Указаны любимые имена Пушкина, которые переходили из одного произведения в другое, причем автор ссылается на исследования известного поэта и критика В. Ходасевича. Подчеркивается автобиографизм образов Пушкина, исследуется фамилия Пушкина со ссылкой на работы С.Б. Веселковского, А.Т. Твардовского, Г.А. Морхинина и др. Автор увлекательно рассказывает об африканском происхождении А.С. Пушкина, иллюстрируя свое изложение интересными фотографиями, графиками, рисунками, такими как «Памятник А.С. Пушкину в Эритрее», «Герб Ганнибалов» и др. Интерес вызывает и материал о 40 различных псевдонимах А.С. Пушкина по «знаменитому», по оценке Г. Ковалева, словарю псевдонимов И.Ф. Масанова (1960).

Имена собственные в романе в стихах «Евгений Онегин» рассмотрены в 8 рубриках: Онегин, Ленский, Дмитрий Ларин, Прасковья Ларина, Татьяна, Ольга, «Второстепенные персонажи», «Культурно-ономастический фон романа», «Бастардида в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (с. 54 – 153). В данном материале хорошо прослеживается оригинальная методика ономастической лаборатории Г. Ковалева, подробно описанная в статье С.А. Скуридиной «Аспекты изучения литературной

ономастики: взгляд исследователей Воронежской ономастической школы» [7]. Согласно исследованиям Г.Ф. Ковалева, выбор художественного имени определяется следующими факторами: авторским сознанием, системностью именника (имена взаимообусловлены своей семантикой), социальной обусловленностью (имя как индикатор социальной принадлежности), системностью хронотопа [7, с. 128]. Следуя своей уникальной методике, Ковалев всесторонне и очень увлекательно рассматривает собственные имена в романе «Евгений Онегин», снабжая рассказ яркими иллюстрациями, рисунками, фотографиями, схемами. В своих комментариях Ковалев передает взгляды других ученых по данной проблеме, осуществляя критический анализ и используя различные приемы аргументации и оценки для обоснования собственной позиции.

Далее комментируются собственные имена в повестях, поэмах и сказках А.С. Пушкина («Капитанская дочка», «Дубровский», «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», «Пиковая дама», «Бахчисарайский фонтан», «Полтава», «Руслан и Людмила», «Сказка о царе Салтане», «Сказка о Рыбаке и Рыбке», «Сказка о Золотом Петушке» – с. 156 – 282).

В следующей рубрике «Этнонимикон А.С. Пушкина» (с. 283 – 308) автор анализирует работу Пушкина с географическими и этнографическими материалами в процессе создания стихотворения «Памятник». Рассматривая этнонимию пушкинского «Памятника», автор комментирует диалог между «блестящим» переводчиком на русский язык С.Липкиным и Мариной Цветаевой на эту тему (с. 284). Приводится Словник этнонимов, употребленных А.С. Пушкиным, с интересными комментариями Ковалева.

Рассматривая «Эффект именного кольцевания некоторых сюжетов А.С. Пушкина» (с. 309 – 318), Г. Ковалев приходит к выводу об активном использовании Пушкиным лабиринтно-кольцевой конструкции в своих произведениях на базе стержневого слова-маяка, например *корыто* в «Сказке о Рыбаке и Рыбке», *кольцо* в «Метели» и др.

Далее следуют такие интересные рубрики как «А.С. Пушкин и греческие имена», «Имя и образ Марины Мнишек в поэтическом сознании А.С. Пушкина и Марины Цветаевой», «Пушкинский именной каламбур», «Пушкин и реклама», «Пушкин и Воронеж», «Изобразительная Пушкиниана и другое» (с. 319–415). Комментарии снабжены многочисленными иллюстрациями. Так, представлена фотография памятника А.С. Пушкину в Греции со следующим комментарием: «Он воцарился на Парнасе»; «7 июня 2014 г. в день рождения Александра Сергеевича Пушкина памятник великому русскому поэту установили на склонах горы Парнаса в греческих Дельфах» (с. 329). «Изобразительная Пушкиниана» вызывает интерес читателя – представлен список рисунков Пушкина, музейных экспозиций, представляющих его портреты, иллюстрации к его произведениям.

Вобрав в себя ценную научную и культурологическую информацию, рецензируемый ономастический комментарий: монография представляет собой новое достижение российской литературной ономастики. Монография имеет значение и для развития педагогической ономастики. Велика роль профессора Г. Ковалева в развитие современной славистики, в том числе болгаристики и болгарской русистики.

Библиографический список

1. Верховых Л.Н. Ономастическая школа профессора Г.Ф. Ковалева // Вестник ВГУ. Серия: Филология, журналистика. 2023. С. 5 – 8.
2. Ковалев Г.Ф. Пушкин – наше все ! // Материалы по русско-славянскому языкознанию: международный сборник научных трудов. Выпуск 37. – Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2024. – 4 – 35.
3. Ковалев Г.Ф. К исследованиям ономастики в Воронежской ономастической школе // Ономастический вестник. Научный журнал. ВГТУ. № 1 (1) 2025. С. 7 – 21.

4. Лесневка Р.В. Мифы о Воронеже: Интервью с ономастом Г.Ф. Ковалевым // Русистика без границ, Воронеж, 10 июня 2017. – <http://www.rusistikabg.com/>
5. Лесневский Я.В. Материалы по русско-славянскому языкознанию: международный сборник научных трудов. Выпуск 36. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2023. – 402 с. ISBN 978-5-9273-3806-1. Рецензия // Русистика без границы. Международно научно списание. – София, 2024, Том VIII, кн. 1, С. 125–127.
6. Лесневский Я.В. Материалы по русско-славянскому языкознанию: международный сборник научных трудов. Выпуск 36. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2023. – 402 с. ISBN 978-5-9273-3806-1. Рецензия // Русистика без границы. Международно научно списание. – София, 2020, Том IV, кн. 2, С. 113–117.
7. Скуридина С.А. Аспекты изучения литературной ономастики: взгляд исследователей Воронежской ономастической школы // Актуальные вопросы современной филологии. – Воронеж, ВГТУ, № 2. (49) 2023. С. 127 – 132.

References in Roman script

1. Verkhovykh L.N. Onomasticheskaya shkola professora G.F. Kovaleva // Vestnik VGU. Seriya: Filologiya, zhurnalistika. 2023. S. 5 – 8.
2. Kovalev G.F. Pushkin – nashe vse ! // Materialy po russko-slavyanskomu yazykoznaniiyu: mezhdunarodnyy sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 37. – Voronezh: Izd. dom VGU, 2024. – 4 – 35.
3. Kovalev G.F. K issledovaniyam onomastiki v Voronezhskoy onomasticheskoy shkole. Nauchnyy zhurnal. VGTU. № 1 (1) 2025. S. 7 – 21.
4. Lesnevka R.V. Mify o Voronezhe: Interv'yu s onomastom G.F. Kovalevym // Rusistika bez granits, Voronezh, 10 iyunya 2017. – <http://www.rusistikabg.com/>
5. Lesnevskiy Ya.V. Materialy po russko-slavyanskomu yazykoznaniiyu: mezhdunarodnyy sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 36. – Voronezh: Izdatel'skiy dom VGU, 2023. – 402 s. ISBN 978-5-9273-3806-1. Retsenziya. Rusistika bez granitsi. Mezhdunarodno nauchno spisaniye. – Sofiya, 2024, Tom VIII, kn. 1, S. 125–127.
6. Lesnevskiy Ya.V. Materialy po russko-slavyanskomu yazykoznaniiyu: mezhdunarodnyy sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 36. – Voronezh: Izdatel'skiy dom VGU, 2023. – 402 s. ISBN 978-5-9273-3806-1. Retsenziya. Rusistika bez granitsi. Mezhdunarodno nauchno spisaniye. – Sofiya, 2020, Tom IV, kn. 2, S. 113–117.
7. Skuridina S.A. Aspekty izucheniya literaturnoy onomastiki: vzglyad issledovateley Voronezhskoy onomasticheskoy shkoly // Aktual'nyye voprosy sovremennoy filologii. – Voronezh, VGTU, № 2. (49) 2023. S. 127 – 132.1

References

1. Verkhovykh L.N. Onomastic school of Professor G.F. Kovalev // Bulletin of the VSU. Series: Philology, journalism. 2023. pp. 5-8. (In Russian).
2. Kovalev G.F. Pushkin is our everything! // Materials on Russian-Slavic linguistics: an international collection of scientific papers. Issue 37. Voronezh: Publishing House of VSU, 2024. – 4 – 35. (In Russian).
3. Kovalev G.F. Onomastics research in the Voronezh Onomastic School // Scientific journal. VGTU. No. 1 (1) 2025. pp. 7-21. (In Russian).
4. Lesnevka R.V. Myths about Voronezh: An interview with onomast G.F. Kovalev // Russian Studies without Borders, Voronezh, June 10, 2017. – <http://www.rusistikabg.com/>. (In Russian).
5. Lesnevsky Ya.V. Materials on Russian-Slavic linguistics: an international collection of scientific papers. Issue 36. Voronezh: VSU Publishing House, 2023. 402 p. ISBN 978-5-9273-3806-1. Review. // Russian studies without borders. Internationally scientific write-off. Sofia, 2024, Volume VIII, book 1, pp. 125-127. (In Russian).
6. Lesnevsky Ya.V. Materials on Russian-Slavic linguistics: an international collection of scientific papers. Issue 36. Voronezh: VSU Publishing House, 2023. 402 p. ISBN 978-5-9273-3806-1. Review

- // Russian studies without borders. Internationally scientific write-off. – Sofia, 2020, Volume IV, book 2, pp. 113-117. (In Russian).
7. Skuridina S.A. Aspects of the study of literary onomastics: the view of researchers of the Voronezh onomastic school // Actual issues of modern philology. Voronezh, VSTU, No. 2. (49) 2023. pp. 127-132. (In Russian).

УДК 811

Лесневска Димитрина Спасова
 доктор по филология, доцент
 Съюз на преводачите в България
 Секции «Научна и техническа литература»,
 «Теория, история и критика на превода»
 България, г. София
 e-mail: demetra3@gmail.com

Lesnevskia Dimitrina Spasova
 Associate Professor, Ph.D. in Philology
 Bulgarian Translators' Union
 Sections «Scientific and Technical Literature»,
 «Translation Theory, History and Criticism»
 Bulgaria, Sofia
 e-mail: demetra3@gmail.com

Д.С. Лесневска

**ПЕТРОВ А. ЕЗИКОВИ СУБСТАНДАРТИ ПРИ ПРЕВОДА НА ХУДОЖЕСТВЕНИ
 ТЕКСТОВЕ (ЗА ДВОЙКАТА РУСКИ И БЪЛГАРСКИ ЕЗИК). – ВЕЛИКО
 ТЪРНОВО : УНИВЕРСИТЕТСКО ИЗДАТЕЛСТВО «СВ.СВ. КИРИЛ И
 МЕТОДИЙ», 2024. – 178 С. ISBN 978-619-208-434-9**

Анотация. Рецензираната монография представлява първо изследване на съвременен български художествен превод на руски субстандартни елементи върху материал от творчеството на известния съвременен руски писател-постмодернист Виктор Пелевин – сборника «ДПП (НН) (Диалектика Переходного Периода (из Ниоткуда в Никуда)», публикуван през 2003 г., и романа «Generation „П“», публикуван през 1999 г. Предмет на анализа са над 300 субстандартни изразни средства и техния превод на български език, като изследваните преводи са на видния български преводач от руски и английски език Иван Тотоманов. Авторът на рецензираната монография, доктор по теория и практика на превода (руски език) Александър Петров, е главен асистент в катедра «Русистика» към Филологическия факултет на Великотърновския университет «Св.св. Кирил и Методий». Доктор Александър Петров бе удостоен от Българската академия на науките с Първа награда за най-добра публикация на млад учен в областта на хуманитарно-социалните науки, носеща името на академик Николай Кауфман, като това отличие е присъдено за рецензираната монография. Научните интереси на А.Петров са в областта на теорията на превода, с фокус върху руската жаргонна лексика в художествената литература.

Ключови думи: художествен превод, руски език, български език, езикови субстандарти

За цитиране: Лесневска Д. С. Петров А. Езикови субстандарти при превода на художествени текстове (за двойката руски и български език). – Велико Търново : Университетско издателство «Св.св. Кирил и Методий», 2024. – 178 с. ISBN 978-619-208-434-9. *Рецензия. Русистика без граници. Международно научно списание.* – София, 2025, Том IX, кн. 4, С. 113–117.

D.S. Lesnevskia

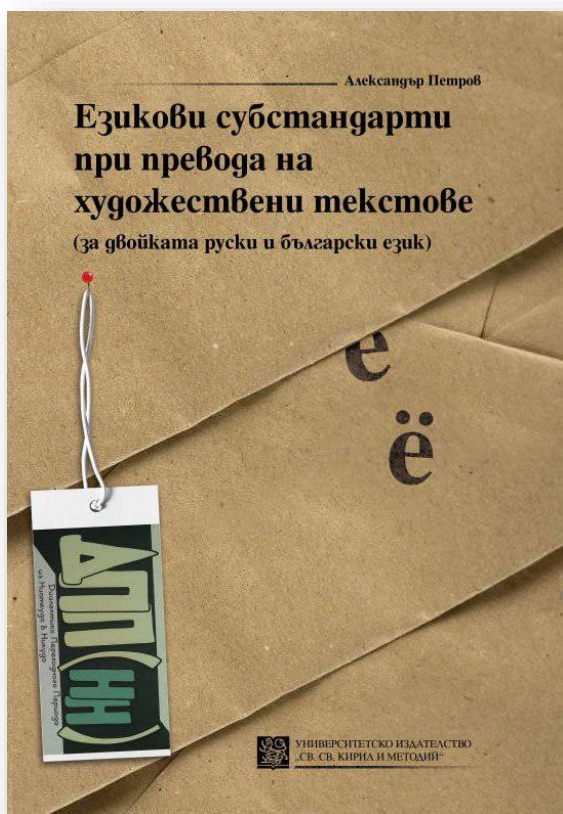
**PETROV A. LANGUAGE SUB-STANDARDS IN THE TRANSLATION OF
 ARTISTIC TEXTS (FOR THE PAIR RUSSIAN AND BULGARIAN). - VELIKO
 TARNOVO: UNIVERSITY PUBLISHING HOUSE «ST. ST. CYRIL AND
 METHODIDIUS», 2024. - 178 PP. ISBN 978-619-208-434-9**

Abstract. The peer-reviewed monograph is the first study of contemporary Bulgarian artistic translation of Russian sub-standard elements on material from the work of the famous contemporary Russian writer – postmodernist Viktor Pelevin - the collection «DTP (NN) (Dialectics of the Transition Period (from Nowhere to Nowhere) », published in 2003., and the novel «Generation "P"», published in 1999. The subject of the analysis are more than 300 sub-standard means of expression and their translation into Bulgarian. The studied translations are by the prominent Bulgarian translator from Russian and English Ivan Totomanov. The author of the peer-reviewed monograph, Ph.D. in theory and

practice of translation (Russian language) Alexander Petrov, is the Chief Assistant at the Department of Russian Studies at the Faculty of philology at the University of Veliko Tarnovo « St.St. Cyril and Methodius». Dr. Alexander Petrov was awarded by the Bulgarian Academy of Sciences with the first prize for the best publication of a young scientist in the field of Humanities and Social Sciences, named after the academic Nikolay Kaufman, and this distinction was awarded for the peer-reviewed monograph. Scientific interests of A. Petrov are in the field of translation theory, with a focus on Russian slang vocabulary in fiction.

Keywords: artistic translation, Russian language, Bulgarian language, sub-standards

For citation: Lesnevska D.S. Petrov A. Language sub-standards in the translation of artistic texts (for the pair Russian and Bulgarian). - Veliko Tarnovo: University Publishing House «ST. ST. Cyril and Methodius», 2024. - 178 p. *Review. Russian Studies without Borders. International scientific Journal.* – Sofia, 2025, Vol. IX, Iss. 1, pp. 113 –117.

Рецензираната монография е посветена на особеностите на превода на езиковите субстандартни в съвременни художествени текстове от руски на български език, като за материал служат романите на Виктор Олегович Пелевин, който е един от най-популярните съвременни руски писатели. В. Пелевин се счита от литературната критика за постмодернист, творчеството му е превеждано на различни езици, включително на японски и китайски. Изследваните преводи са извършени от Иван Тотоманов, който е известен с преводите си на знакови произведения на В. Пелевин като като «Generation "П"» (1999/2002), «Диалектика на преходния период (от никъде към никъде)» (2003). Именно преводите на тези романи на Пелевин са използвани като емпиричен материал за изследване в рецензираната монография. Автор на

рецензираната монография е специалистът по транслатология с руски език Александър Попов, доктор главен асистент в катедра «Русистика» към Филологическия факултет на Великотърновския университет «Св. св. Кирил и Методий».

Монографията се състои от Съкращения, Увод, три глави, Заключение и Библиография. В Увода са разгледани следните рубрики: Актуалност, Приложимост на резултатите, Обект, Предмет, Цел, Централна хипотеза и подхипотези, Задачи, Комплексна методика, Заключение и Библиография.

Първа глава (с. 17–52) е посветена на особеностите на термина «субстандарт» в лингвистиката, лексикографията и употребата му в руските постмодернистични текстове. Разглежда се употребата на субстандартна във функционалния стил, като се посочва класификацията на функционалните стилове на Пермската школа по функционална стилистика на професор М.Н. Кожина (с. 18). Добавяме, че Пермската

школа се развива от професор М.П. Котюрова и професор Л.В. Кушнина, като понастоящем Л. Кушнина е титуляр на Пермската научна преводаческа школа, която се специализира върху когнитивната теория на превода, «хармоничния» превод и особеностите на езиковата личност на преводача, в частност влиянието на личността на преводача върху превода.

В първата теоретична глава подробно се разглежда йерархичния тристепенен модел *стандарт – субстандарт – нонстандарт*, при това тези понятия се уточняват, като се коментират трудовете по този въпрос на изтъкнатите български езиковеди Димитър Попов, Михаил Виденов, Венче Попова, Руселина Ницолова, Тодор Бояджиев и др.

В края на първа глава се прави хронологичен преглед на руския литературен постмодернизъм, който води своето начало от края на 60-те години. Проследена е динамиката на субстандартите в руските постмодернистични текстове, като са коментирани трудовете на руските езиковеди Т.А. Кудинова, Н.В. Бурлаченко, С.Ш. Схаляхова (2010 – 2012 г.).

Втората глава (с. 53–82) представя превода на субстандартната лексика в съвременни условия, като се разглеждат традициите в руската и българската преводаческа практика в хронологичен ред. Акцентът е съсредоточен на руската и българската преводна норма след 1989 г. Прави се извод, че руската и българската преводни практики преминават през различни фази под влиянието на социалните и културните промени. Разглеждат се особеностите на превода за двойката български език – руски език (теория, практика, стилистика на превода според българската изследователка Иванка Васева. Анализира се «непреводимото в превода» според българските теоретици на превода Сергей Влахов и Сидер Флорин. Разгледана е руската и българската преводна норма след 1989 г., когато демократизацията сваля ограниченията при употребта на субстандартни елементи в литературния руски и български дискурс. Посочва се ролята на редактора в преводния процес, за която споделя в едно интервю Иван Тотоманов, като интервюто е водено от Емил Басат и е публикувано в списанието «Панорама» – издание на Съюза на преводачите в България, № 6, 2012 г.

Добавяме, че Емил Басат е автор на три книги, посветени на превода с общо название «Преводът – лица и маски» (2010 г.). В монографията се подчертава, че качеството на преводния продукт зависи не само от преводача, но и от редакторите и издателствата.

Тук ще споменем положителната роля на рецензентите на разглежданата монография: професор доктор Людмила Иванова и доцент доктор Владимир Хънтов от Великотърновския университет «Св.св. Кирил и Методий». Бисер Евлогиев е автор на дизайна на корицата, монографията е публикувана в Университетското издателство «Св.св. Кирил и Методий», г. Велико Търново.

Авторът на разглежданата монография, главен асистент в катедра «Русистика» при ВТУ доктор А. Петров, е взимал активно участие в международни симпозиуми и конференции, организирани от Университета във Велико Търново. Петров е участвал с интересни доклади в Международните симпозиуми на МАПРЯЛ през 2014 г. (XI Международен симпозиум) и 2018 (XII Международен симпозиум) – катедра «Русистика», филологически факултет на ВТУ. През юни 2025 г. А. Петров изнася доклад по тема за руско-българския превод, близка по съдържание на рецензираната монография – «Отклонения от норм руского литературного произношения и их трансфер в болгарский аудиовизуальный перевод» в рамките на XIII Международен симпозиум «Русский язык и русская литература в многоязычном мире», катедра «Русистика», ВТУ, България.

Третата глава (с. 83–148) съдържа анализ на емпиричния материал. Изброяват се преводните похвати за предаване на руския субстандарт, като детайлно се разглежда превода на субстандартните елементи: съществителни имена, частици, междуметия, звукоподражания. Подробно е разгледан преводът на частиците с оглед тяхната преводимост. Коментира се тезата на професор Гочо Гочев относно особеностите на частиците, затрудняващи преводимостта им, в частност омонимията на частиците с други части на речта, напр. *это* (местоимение) – *это* (частица), (с. 92). Представен е удачен трансфер на частицата *же*: *Какой же это анекдот, – вздохнул Степа. – Это жизнь... (ВП:40) // Какъв ти виц – въздъхна Стъпа. – Това си е животът... (ИТ:31), 94 с.*

Анализиран е преводът на игра на думи, каламбури, чуждоезикови елементи, фразеологизми и деминутиви. Посочват се трудовете на професор Лиляна Цонева, посветени на езиковата игра в руския и българския медиен дискурс. В рецензираната монография се възприема дефиницията на доктор Ралица Демиркова, според която играта на думи е «родово понятие» на каламбура (107 с.).

Характеризирани са преводните похвати (с. 127–138): превод на фразеологизми с помощта на пълен еквивалент, частична експликация, калкиране, стилистична компенсация, контекстуален превод, модулация и неправилно пресъздаване на смисъла, неутрализация на фразеологизма и загуба на стилистичната маркираност, фразеологизмите като компенсаторен механизъм в преводния текст. В края на трета глава са публикувани «Изводи с обща оценка за българския период на изследваните постмодернистични текстове» (с. 148). А. Петров одобрява преводите на И. Тотоманов, особено стилистично-компенсаторния механизъм на деминутивите, които имат висока честотност в разглежданите произведения на В. Пелевин. Изводите на автора на рецензираната монография биха могли да служат като предпоставка на добри преводачески решения.

Заклучението (с.149–151) обобщава системата и начинът на употреба на субстандартите в съвременния художествен текст, разкрити са особеностите на руско-българския превод на субстандартите в художествения текст. Подчертава се ролята на славянската родствена близост между руски и български език при превода.

Класифицирани са трудностите на преводача, обобщават се преводаческите похвати при превода на субстандартите в художествените текстове. Изтъкнати са прагматичните аспекти на превода. Авторът подчертава ролята на контекстуализацията при превода на субстандартните елементи.

Библиографията (с. 153 – 178) е богата и представлява интерес за читателя.

В заключението на рецензията изтъкваме следното. Рецензираната монография е принос към теорията на превода с голямо практико-приложно значение, свързано с обучението на преводачи, с практиката на художествения превод и критиката на превода. Потвърдена е центалната хипотеза за принципна възможност за превод на субстандартните елементи в българския преводен текст на руските постмодернистични произведения. Авторът уточнява, че успешната разбираемост и преводимост се дължат на славянската общност на руския и българския език, както и на сходствата в историята, общественото и културно развитие на Русия и България. Анализът на емпиричния материал дава възможност за класификация на трудностите на преводача. Според изследването най-голяма степен на трудност за превода притежават несамостоятелните семантични елементи като частици, междуметия, звукоподражания и играта на думи. Предлагат се решения, които биха могли да запазят експресивността в преводния текст. Пълноценното предаване на индивидуалния стил на постмодерниста Виктор Пелевин при руско-българския превод може да се постигне с предложените в монографията добри преводачески решения, както и с успешно използване на посочените лексикографски източници – голям списък на речници в Библиографията.

Монографията е ново научно постижение за българската русистика и конкретно за автора – главен асистент доктор Александър Петров от катедра «Русистика», Филологически факултет на Великотърновския университет «Св.св. Кирил и Методий».

ХРОНИКА

УДК 378

Аркушина Полина Васильевна
студент
Самарский государственный социально-педагогический университет
Россия, г. Самара
e-mail: arkushina.pv@mail.ru

Arkushina Polina Vasilievna
Student
Samara State University of Social Sciences and Education
Russia, Samara
e-mail: arkushina.pv@mail.ru

Клюшина Алёна Михайловна
доктор филологических наук, доцент
Самарский государственный социально-педагогический университет
Россия, г. Самара
e-mail: klyushina@pgsga.ru

Klyushina Alyona Mikhailovna
Associate Professor, Dr. Sc. (Philology)
Samara State University of Social Sciences and Education
Russia, Samara
e-mail: klyushina@pgsga.ru

П.В. Аркушина, А.М. Клюшина
**ОПЫТ РАБОТЫ ВОЛОНТЕРСКОГО ОТРЯДА ФАКУЛЬТЕТА
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ САМАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ОБЛАСТИ
ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Аннотация. В настоящей статье рассматривается добровольческая деятельность как ключевой инструмент формирования и развития профессиональных переводческих компетенций. На примере работы волонтерского отряда факультета иностранных языков Самарского государственного социально-педагогического университета авторы анализируют, как участие студентов в волонтерских проектах способствует не только практическому применению языковых знаний, но и развитию важных мягких навыков, таких как коммуникация, работа в команде, межкультурная компетентность и эмоциональный интеллект. Авторы подчеркивают, что волонтерская практика предоставляет студентам уникальную возможность взаимодействовать с носителями языка, что значительно улучшает их языковую подготовку и культурное понимание. Таким образом, добровольческая деятельность становится важной составной частью образовательного процесса, способствующей формированию высококвалифицированных специалистов в области перевода.

Ключевые слова: добровольческая деятельность, международное волонтерство, переводческая деятельность, языковое сопровождение, студенты-переводчики, межкультурные связи, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Аркушина П.В., Клюшина А.М. Опыт работы волонтерского отряда факультета иностранных языков Самарского государственного социально-педагогического университета в области переводческой деятельности. *Русистика без границы. Международно научнописание*, 2025, Том IX, кн. 4, С. 118–124.

P.V. Arkushina, A.M. Klyushina
**EXPERIENCE OF THE VOLUNTEER TEAM OF THE FACULTY OF FOREIGN
LANGUAGES OF SAMARA STATE SOCIAL AND PEDAGOGICAL UNIVERSITY
IN THE FIELD OF TRANSLATION ACTIVITIES**

Abstract. This article examines volunteer activities as a key tool for the formation and development of professional translation competencies. Using the example of the volunteer team at the Faculty of Foreign Languages of the Samara State Social and Pedagogical University, the authors analyze how student participation in volunteer projects contributes not only to the practical application of language knowledge, but also to the development of important soft skills such as communication, teamwork, intercultural competence, and emotional intelligence. The authors emphasize that volunteer practice provides students with a unique opportunity to interact with native speakers, which significantly improves their language skills and cultural understanding. Thus, volunteer activities become an important part of the educational process, contributing to the development of highly qualified translation specialists.

Keywords: volunteering, international volunteering, translation activities, language support, students-translators, intercultural relations, intercultural communication

For citation: Arkushina P.V., Klyushina A.M. Experience of the volunteer team of the faculty of foreign languages of Samara State Social and Pedagogical University in the field of translation activities. *Russian Studies without Borders. International scientific Journal*, 2025, Vol. IX, Iss. 4, pp. 118–124.

Особой актуальностью в реалиях современного общества отличается феномен добровольческой деятельности [5]. Активное участие в жизни общества открывает новые социальные возможности для каждого и стимулирует формирование инновационных гражданских инициатив. В настоящее время российские вузы активно работают над расширением границ взаимодействия с зарубежными партнерами, укреплением существующих международных связей, разработкой новых международных долгосрочных проектов. Студенты, обучающиеся по направлениям подготовки, где профильными дисциплинами являются иностранные языки и перевод, могут быть привлечены в качестве дополнительных резервов при организации и реализации масштабных международных проектов. Добровольческая деятельность позволяет современным студентам и будущим специалистам получить реальное представление о будущей профессии, а также способствует формированию и развитию практических профессиональных и надпрофессиональных навыков, необходимых для будущей карьеры [4].

Само слово «волонтер» произошло от латинского слова *voluntarius*, что переводится как добровольный. Наверное, поэтому в России понятия «волонтер» и «доброволец» очень схожи. По сути, волонтер — это человек, который выполняет определенную работу безвозмездно, преследуя некие иные намерения, начиная от самореализации и заканчивая структурированием своего времени или получением ценного опыта [6]. По направлению деятельности добровольчество бывает: социальным, событийным, связанным с защитой и помощью животным (зооволонтерство) медицинским, экологическим, в чрезвычайных ситуациях, поисковым, патриотическим (волонтеры Победы) и др. [6] Все перечисленные виды работ реализуются волонтерским отрядом факультета иностранных языков (ФИЯ) ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет» (СГСПУ).

Целью данного исследования является описание особенностей волонтерской деятельности как инструмента формирования и развития профессиональных и надпрофессиональных навыков будущих переводчиков при организации языкового и переводческого сопровождения иностранных гостей на различных мероприятиях международного уровня.

С развитием международных коммуникаций волонтеров все чаще стали привлекать к языковому и переводческому сопровождению как на мероприятиях городского и регионального уровня, в случае участия в них иностранных специалистов, так и на крупных мероприятиях мирового масштаба, образуя тем самым новое направление

– международное волонтерство. Студенты ФИЯ СГСПУ не являются исключением. Более того, в Самарском государственном социально-педагогическом университете принята Концепция воспитательной работы, среди которой наиболее важными являются приобщение к общекультурным ценностям, которые являются основой для становления будущего профессионала; воспитание личностных качеств, которые необходимы для дальнейшей успешной самореализации студентов в будущей профессии; формирование способности к жизни и профессиональной деятельности в современных жизненных условиях [3]. Исходя из этого, опишем некоторые из тех мероприятий, на которых обучающиеся ФИЯ СГСПУ выступали в роли международных волонтеров, что позволило им реализовать основные положения Концепции.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ АНТИФАШИСТСКОЙ ПЕСНИ «ГИТАРЫ В СТРОЮ!»

Итак, символично в начале мая в 2023 и 2024 годах на территории Самарской области проходил Международный фестиваль антифашистской песни «Гитары в строю!», в рамках которого волонтеры ФИЯ осуществляли языковое сопровождение зарубежных исполнителей на протяжении всего патриотического проекта. География участников обширна: Российскую Федерацию посещают граждане Великобритании, Германии, Италии, Никарагуа, Франции, Финляндии, Чили, Колумбии, Словении и др. Главной задачей студентов из года в год становится не только преодоление языкового барьера в коммуникации непосредственно с участниками прикрепленного коллектива, но и помощь подопечным во взаимодействии с представителями разных культур. Неоценимый вклад вносят волонтеры-переводчики в образование межкультурных связей, ведь именно от результата их переводческой деятельности зависят взаимоотношения между носителями всемирно употребляемых языков.

Еще одним традиционным для студентов факультета иностранных языков мероприятием стал Международный молодежный форум «Евразия Global», главной целью которого является установление долгосрочных связей с представителями иностранных государств. В 2023 году волонтеры ФИЯ приняли активное участие в событии, ставшем памятным для нашего государства.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МОЛОДЁЖНЫЙ ФОРУМ «ЕВРАЗИЯ GLOBAL»

На территории России встретились 64 страны. Молодые дипломаты, лидеры общественных молодёжных организаций, предприниматели и журналисты, а также активисты организаций, занимающихся развитием движения детей, осуществляющих свою деятельность в сфере международного молодёжного сотрудничества, стали частью этого форума. На протяжении недели волонтеры-переводчики были кураторами групп из разных уголков планеты. Данный опыт позволил успешно повысить навыки владения иностранными языками и приобрести полезные социальные связи по всему миру.

ВСЕМИРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ МОЛОДЕЖИ

Ежегодно делегация Самарской области отправляется на Всемирный фестиваль молодежи в качестве волонтеров. И студенты факультета иностранных языков в их числе. В дни Фестиваля выбранные для проведения федеральные территории превращаются в уникальное место, ведь на неделю становятся точкой сбора 20 000 российских и иностранных представителей совершенно разных сфер деятельности. Возможностей открывается множество: многие становятся амбассадорами организаций, кто-то стремится стать потенциальным участником. Студенты ФИЯ всегда встают на сторону оказания помощи в организации и проведения. Так, в феврале 2024 года обучающиеся Самарского

государственного социально-педагогического университета проявили себя в двух функциональных направлениях:

1. Волонтеры программы – волонтеры, обеспечивающие организацию пропускного режима в соответствии с распределением зон доступа.

2. Управление потоками – волонтеры, осуществляющие управление потоками, создающие позитивное настроение.

В связи с обозначенными задачами волонтеры взаимодействовали с представителями множества стран, делились с ними особенностями нашего народа и разрывали собственные шаблоны восприятия тех или иных культур. Именно поэтому, называя достоинства переводческой практики в сфере добровольчества, студенты говорят о возможности совершенствования технологии и тактики перевода, развитии речевой активности и психической устойчивости, а также об общении с коллегами [1, 2].

Все участники указанных мероприятий отмечают практическую пользу от опыта переводческой добровольческой деятельности для формирования и развития навыков будущих переводчиков. По их мнению, такая практика позволяет представить реальные условия будущей профессиональной деятельности.

Подводя итоги, отметим, что добровольческую деятельность можно рассматривать как инструмент формирования и развития профессиональных и надпрофессиональных навыков будущих переводчиков. Колоссальный опыт переводческой добровольческой деятельности может быть получен в ходе такой деятельности и может стать отличным трамплином при построении карьеры переводчика, подготовит к исполнению реальных заказов, позволит лучше понять суть профессии и особенности будущей профессиональной деятельности, включить в свое резюме сведения о значимых проектах и стать конкурентоспособным специалистом на рынке труда [7].

Библиографический список

1. Ключина А. М. Волонтерство как инструмент развития профессиональных навыков переводчиков // Перевод и культура: взаимодействие и взаимовлияние : Сборник тезисов IV Общероссийской научной онлайн-конференции с международным участием, Нижний Новгород, 10–11 октября 2020 года / Ответственный редактор А. В. Иванов. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2020. – С. 94-96.
2. Ключина А. М. Добровольческая деятельность как компонент формирования профессиональной компетентности переводчиков // Лингводидактика в неязыковом вузе: традиционные и инновационные подходы : сборник научных трудов по материалам II-й Международной научно-практической конференции, Ярославль, 14–16 мая 2020 года. – Ярославль: Ярославский государственный технический университет, 2020. – С. 108-110.
3. Ключина А. М., Шалифова О.Н. Внеучебная работа как фактор личностного развития и воспитания студентов (на примере факультета иностранных языков Самарского государственного социально-педагогического университета) // Самарский научный вестник. – 2019. – Т. 8, № 4(29). – С. 248-252.
4. Ключина А.М., Швец Т.П. Добровольческая деятельность как инструмент развития профессиональных и надпрофессиональных навыков будущих переводчиков и специалистов-международников / Ключина А.М., Швец Т.П. // Русистика без границ. -2022. – Т.6, №1. – 114-122
5. Захарова Т.И., Лебедев А.А., Садыкова К.В. Волонтерство – главный тренд современного мира / Захарова Т.И., Лебедев А.А., Садыкова К.В. // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. – 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterstvo-glavnyy-trend-sovremennogo-mira> (дата обращения: 17.03.2025).

6. Плескач Л.В. Особенности классификации направлений добровольческой деятельности в России / Плескач Л.В. // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки – 2023. - [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-klassifikatsii-napravleniy-dobrovolcheskoy-deyatelnosti-v-rossii/viewer> (дата обращения: 17.03.2025).
7. Степанова М.А. Международная деятельность вуза как актуализатор практико-ориентированной подготовки лингвистов-переводчиков / Степанова М.А. // [Электронный ресурс]. URL: elibrary_29429608_51849343.pdf (дата обращения: 17.03.2025).

References in Roman script

1. Klyushina A. M. Volonterstvo kak instrument razvitiya professional'nyh navykov perevodchikov // Perevod i kul'tura: vzaimodejstvie i vzaimovliyanie : Sbornik tezisov IV Obshcherossijskoj nauchnoj onlajn-konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Nizhnij Novgorod, 10–11 oktyabrya 2020 goda / Otvetstvennyj redaktor A. V. Ivanov. – Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet im. N.A. Dobrolyubova, 2020. – S. 94-96.
2. Klyushina A. M. Dobrovol'cheskaya deyatel'nost' kak komponent formirovaniya professional'noj kompetentnosti perevodchikov // Lingvodidaktika v neyazykovom vuze: tradicionnye i innovacionnye podhody : sbornik nauchnyh trudov po materialam II-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Yaroslavl', 14–16 maya 2020 goda. – Yaroslavl': Yaroslavskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet, 2020. – S. 108-110.
3. Klyushina A. M., Shalifova O.N. Vnechebnaya rabota kak faktor lichnostnogo razvitiya i vospitaniya studentov (na primere fakul'teta inostrannyh yazykov Samarskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta) // Samarskij nauchnyj vestnik. – 2019. – T. 8, № 4(29). – S. 248-252.
4. Klyushina A.M., Shvec T.P. Dobrovol'cheskaya deyatel'nost' kak instrument razvitiya professional'nyh i nadprofessional'nyh navykov budushchih perevodchikov i specialistov-mezhdunarodnikov / Klyushina A.M., Shvec T.P. // Rusistika bez granic. -2022. – T.6, №1. – 114-122
5. Zaharova T.I., Lebedev A.A., Sadykova K.V. Volonterstvo – glavnyj trend sovremennogo mira / Zaharova T.I., Lebedev A.A., Sadykova K.V. // Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plekhanova. – 2023. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterstvo-glavnyy-trend-sovremennogo-mira> (data obrashcheniya: 17.03.2025).
6. Pleskach L.V. Osobennosti klassifikatsii napravlenij dobrovol'cheskoj deyatel'nosti v Rossii / Pleskach L.V. // Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 3. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki – 2023. - [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-klassifikatsii-napravleniy-dobrovolcheskoy-deyatelnosti-v-rossii/viewer> (data obrashcheniya: 17.03.2025).
7. Stepanova M.A. Mezhdunarodnaya deyatel'nost' vuza kak aktualizator praktiko-orientirovannoj podgotovki lingvistov-perevodchikov / Stepanova M.A. // [Elektronnyj resurs]. URL: elibrary_29429608_51849343.pdf (data obrashcheniya: 17.03.2025).

References

1. Klyushina A.M. Volunteering as a tool for developing professional skills of translators // Translation and culture: interaction and mutual influence : A collection of abstracts of the IV All-Russian scientific online conference with international participation, Nizhny Novgorod, October 10-11, 2020 / The responsible editor is A. V. Ivanov. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, 2020, pp. 94-96 (in Russian)
2. Klyushina A.M. Volunteerism as a component of the formation of professional competence of translators // Linguodidactics in a non-linguistic university: traditional and innovative approaches : a collection of scientific papers based on the materials of the II-th International Scientific and Practical Conference, Yaroslavl, May 14-16, 2020. Yaroslavl: Yaroslavl State Technical University, 2020, pp. 108-110 (in Russian)

3. Klyushina A.M., Shalifova O.N. Extracurricular work as a factor of personal development and education of students (on the example of the Faculty of Foreign Languages of Samara State Socio-Pedagogical University) // Samara Scientific Bulletin, 2019, vol. 8, No. 4(29), pp. 248-252 (in Russian)
4. Klyushina A.M., Shvets T.P. Volunteering as a tool for developing professional and supra-professional skills of future translators and international specialists / Klyushina A.M., Shvets T.P. // Russian Studies without borders. -2022. – Vol.6, No. 1. – 114-122 (in Russian)
5. Zakharova T.I., Lebedev A.A., Sadykova K.V. Volunteerism is the main trend of the modern world / Zakharova T.I., Lebedev A.A., Sadykova K.V. // Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. – 2023. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterstvo-glavnyy-trend-sovremennogo-mira> (date of request: 03/17/2025) (in Russian)
6. Pleskach L.V. Features of the classification of areas of volunteerism in Russia / Pleskach L.V. // Bulletin of the Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series No. 3. Humanities and Social Sciences – 2023. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-klassifikatsii-napravleniy-dobrovolcheskoy-deyatelnosti-v-rossii/viewer> (date of request: 03/17/2025) (in Russian)
7. Stepanova M.A. International university activity as an actualizer of practice-oriented training of linguists-translators / Stepanova M.A. // [Electronic resource]. URL: elibrary_29429608_51849343.pdf (accessed: 03/17/2025) (in Russian)

УДК 37:004

Лесневский Ян Владиславов
филолог-программист
Валтек
Болгария, г. София
e-mail: ian.lesnevski@gmail.com

Lesnevskiy Yan Vladislavov
Linguist-Developer
Valtech
Bulgaria, Sofia
e-mail: ian.lesnevski@gmail.com

Я.В. Лесневский
**ЮБИЛЕЙНАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ –
УНИВЕРСИТЕТ ЭКОНОМИКИ И БИЗНЕСА, БРАТИСЛАВА, СЛОВАКИЯ,
НОЯБРЬ 2025**

Аннотация. 6–7 ноября 2025 г. на Факультете прикладных языков Братиславского университета экономики и бизнеса, г. Братислава, Словакия, состоялась Юбилейная международная научная конференция «Иностранные языки в меняющиеся времена XV». Научный комитет конференции возглавлял доцент, доктор Радослав Штефанчик, членами научного комитета выступали профессор, доктор филологических наук Елена Маркова, доктор педагогических наук Ева Страдиотова и др. Председателем организационного комитета была доктор педагогических наук Жанета Павликова. Целями конференции являлись создание платформы для обсуждения последних тенденций в преподавании иностранных языков, презентация результатов исследовательских работ в области языков и культур, реакция на текущие социальные, политические и культурные проблемы и др. К тематическим направлениям конференции относились лингвистика и языковое образование, культура и коммуникация, регионоведение и литература, вопросы перевода, методика преподавания языков для специальных целей.

Ключевые слова: юбилейная международная научная конференция, экономический университет, Братислава, иностранные языки

Для цитирования: Лесневский Я. В. Юбилейная международная конференция – Экономический университет в Братиславе, Словакия, ноябрь 2025. *Русистика без границы. Международно научно списание*, 2025, Том IX, кн. 4, С. 125–128.

Y.V. Lesnevskiy
**JUBILEE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE – BRATISLAVA
UNIVERSITY OF ECONOMICS AND BUSINESS, SLOVAKIA, NOVEMBER 2025**

Abstract. On November 6-7, 2025, the Jubilee International Scientific Conference «Foreign Languages in changing times XV» was held at the Faculty of Applied Languages of the Bratislava University of Economics and Business, Bratislava, Slovakia. The Scientific committee of the conference was headed by Associate Professor, Dr. Radoslav Stefanczyk, the members of the scientific committee were Professor, Doctor of Philology Elena Markova, Doctor of Pedagogical Sciences Eva Stradiotova and others. The chairman of the organizing committee was Doctor of Pedagogical Sciences Zhaneta Pavlikova. The objectives of the conference were to create a platform for discussing the latest trends in teaching foreign languages, presenting research results in the field of languages and cultures, responding to current social, political and cultural issues, etc. The thematic areas of the conference included linguistics and language education, culture and communication, regional studies and literature, translation issues, and methods of teaching languages for special purposes.

Keywords: Jubilee International Scientific Conference, University of Economics, Bratislava, Foreign languages

For citation: Lesnevskiy Y. V. Jubilee International Scientific Conference – Bratislava University of Economics and Business, Slovakia, November 2025. *Russian Studies without Borders. International scientific Journal*, 2025, Vol. IX, Iss. 4, pp. 125–128.

6–7 ноября 2025 г. на Факультете прикладных языков Братиславского университета экономики и бизнеса, г. Братислава, Словакия, была успешно проведена Юбилейная международная научная конференция «Иностранные языки в меняющиеся времена XV».

6 ноября состоялось торжественное открытие конференции с ведущей Даяна Новак. Конференция была открыта приветственным словом Декана факультета прикладных языков доктора Радослава Штефанчика.

Состоялись приветствия послов Великобритании, Австрии, Франции, Германии, Италии, Испании и США. Был представлен пленарный доклад доктора Трой Вивчароски – Университет в Дебрецене, Факультет экономики и бизнеса – Институт мировой экономики и международных отношений, г. Дебрецен, Венгрия.

7 ноября была проведена работа по 4 секциям: английской (были представлены 15 докладов), немецкой (3 доклада), русской (6 докладов), словацкой (6 докладов). Состоялась также конференция студентов на испанском языке (15 докладов). В конференцию были включены также еще 20 докладов на английском, словацком и русском языке.

Рассмотрим подробно заседание русской секции с председателем проф. д.ф.н. Еленой Марковой. В русской секции в формате офлайн / онлайн были представлены 6 докладов.

Работа секции началась с представления доклада доктора филологии доцента **Димитрины Лесневской**, Союз ученых в Болгарии – филологическая секция, «*Лингвистические особенности торгового дискурса на материале русского и болгарского языков в свете теории речевых актов*». Доклад посвящен особенностям эпистолярного торгового дискурса, в частности классификации коммерческих писем сквозь призму речевых актов и перформативных глаголов в рамках прагмалингвистики и дискурсологии. Доцент Д. Лесневска проработала 30 лет в Университете национального и мирового хозяйства, г. София, Болгария. В докладе подчеркивается современный дискурсивный подход к обучению русскому языку как инославянскому – другому славянскому для специальных целей в экономических университетах. В последовавшей дискуссии к докладу были прокомментированы термин сербского профессора **Боголюба Станковича** «инославянский» и его журнал «*Русский как инославянский*». Было подчеркнуто употребление личного местоимения мн.ч. «Мы» в русских коммерческих письмах как маркера официальности и этикетности в официально-деловом административном подстиле эпистолярии, а также отмечено соотношение между терминами «дискурс» и «стиль».

Далее был зачитан доклад доктора филологии **Марины Сари Ад-Дин**, Ливанский Американский университет, г. Бейрут, Ливан, «*Ключ к мотивации: курс „Beginning Russian“ в Ливано-американском университете Бейрута*». Был представлен опрос на тему «Мотивация: Почему Вы решили изучать русский язык ?» В докладе были представлены стратегии и приемы повышения мотивации: использование карточек с именами студентов на русском языке – на кириллице; применение чата по-русски (применение геймификации в обучении РКИ); изучение русского языка через песни (Russian through Songs) и др.

Проф. д.ф.н. **Ирина Зайцева**, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь, представила свой доклад «*Олимпиады по русскому языку в инославянской аудитории как способ совершенствования языковой и коммуникативно-речевой компетенций обучающихся*».

Последовал доклад доктора филологических наук, профессора **Елены Марковой**, Братиславский университет экономики и бизнеса, г. Братислава, Словакия «*Тенденции глагольной неударизации в медиаречи*», который вызвал большой интерес. В своем докладе проф. Маркова рассмотрела активизацию глагольных образований в русском языке в рамках разговорной и просторечной речи. В масс-медийном дискурсе наблюдается повышенная активизация разного рода новообразований. Рассмотрены функции глагольных наименований, обеспечивающих эмоционально-оценочную и релятивную функцию СМИ. Показана тенденция к экономии языковых средств – тенденция выражаться только одним глаголом. Представлены глаголы, мотивированные английским словом: «*хейтить*» от англ. «*hate*». Проиллюстрированы внутриглагольное и отыменное словообразование, например: «*соучаствовать*»; продуктивность возвратных глаголов, напр.: «*зависуриться*», «*масштабироваться*»; активные глагольные деривации с префиксами, напр.: «*окультуривать*». В докладе было подчеркнута, что некоторые из этих новообразований имеют тенденцию превратиться в неологизмы. В дискуссиях к докладу было высказано пожелание составить словарь глагольных новообразований в русском масс-медийном дискурсе.

Юлия Леонидовна Шапич, кандидат филологических наук, г. Белград, Сербия, представила доклад «*Адвербиальные и адъективные зоны на пересечение грамматики и семантики (сербско-русская параллель)*». Академик **Предраг Пипер**, известный сербский славист, был научным руководителем кандидатской диссертации Ю. Шапич на тему «*Пространственные фрагментаторы в русском языке по сравнению с сербским*». В докладе были рассмотрены особенности сербских наречий в сопоставлении с русскими. Рассмотрены особенности сербского наречия типа «*гледати бело*» – рус. «*смотреть тупо*». В докладе была проанализирована тенденция к субстантивации сербских наречий.

Завершающим выступлением русской секции был доклад проф. доктор **Аксинии Красовчи**, Университет в Бухаресте, Румыния, на тему «*Прозвище как важная составляющая антропонимической микросистемы у русских-липован Добруджи*». Было рассмотрено наименование «липоване» с точки зрения народного, топонимического и антропонимического объяснения. Проанализирован также ряд индивидуальных и семейных прозвищ. В комментариях этого доклада был упомянут известный Воронежский профессор-славист **Геннадий Ковалев** – основатель Воронежской ономастической школы, главный редактор ежегодного сборника «*Материалы по русско-славянскому языкознанию: международный сборник научных трудов*», последний выпуск 37, Воронеж: изд. дом ВГУ, 2024.

В заключении председатель русской секции профессор **Елена Маркова** подвела итоги работы. Интересно и полезно было сравнить преподавание русского языка как иностранного и как другого славянского в студенческой аудитории Болгарии, Ливана, Беларуси, узнать о происхождении наименования «липоване» в Добрудже, ознакомиться с неологизмами в русской медиаречи и сербско-русской параллелью зон на примере сербских наречий, нетипичных для русского языка.

Юбилейная международная научная конференция «*Иностранные языки в меняющиеся времена XV*» Братиславского университета экономики и бизнеса, г. Братислава, Словакия, прошла с большим успехом: программа была насыщенной, обсуждались актуальные вопросы преподавания иностранных языков и языкового образования. Были намечены новые задачи вопросов перевода и методики преподавания языков для специальных целей.

УДК 372 881.161.1

Лесневска Димитрина Спасова
 доктор филологии, доцент
 Союз ученых в Болгарии
 Филологическая секция
 Болгария, г. София
 e-mail: demetra3@gmail.com

Lesnevska Dimitrina Spasova
 Associate Professor, Ph.D. in Philology
 Union of Scientists in Bulgaria
 Philological Section
 Bulgaria, Sofia
 e-mail: demetra3@gmail.com

Д.С. Лесневска
**МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ – НОВЫЙ БОЛГАРСКИЙ
 УНИВЕРСИТЕТ, СОФИЯ, НОЯБРЬ 2025**

Аннотация. 13–14 ноября 2025 г. в Новом болгарском университете, г. София, Болгария, была проведена Международная научно-практическая конференция «Кросскультурная коммуникация». Организаторами являлись Департамент «Новая лингвистика», Департамент «Администрация и управление», Исследовательский центр «Компьютерная и прикладная лингвистика», Департамент «Музыка» и Департамент «Антропология». В конференции приняли участие преподаватели и исследователи Нового болгарского университета, Софийского университета имени Св. Климента Охридского, Университета национального и мирового хозяйства, Института литературы – Болгарская академия наук, Бургасского государственного университета, Шуменского университета имени Епископа Константина Преславского, а также коллеги из Польши, Румынии, Украины, Франции и России. Свои научные исследования представили свыше 80 участников на пленарном заседании и на 5 панелях. Конференция «Кросскультурная коммуникация» Нового болгарского университета 2025 успешно продемонстрировала интеграцию различных академических дисциплин из разных департаментов. Была подтверждена взаимосвязь между департаментами, обеспечивающая качественное образование в Новом болгарском университете.

Ключевые слова. Новый болгарский университет, Международная конференция, кросскультурная коммуникация

Для цитирования: Лесневска Д.С. Международная конференция – Новый болгарский университет, София, ноябрь 2025. *Русистика без границы. Международно научно списание.* – София, 2025, Том IX, кн. 4, С. 129–134.

D.S. Lesnevska
**INTERNATIONAL CONFERENCE – NEW BULGARIAN UNIVERSITY, SOFIA,
 NOVEMBER 2025**

Abstract. On November 13-14, 2025, the International scientific and practical conference «Cross-cultural Communication» was held at the New Bulgarian University, Sofia, Bulgaria. The organizers were the Department «New Linguistics», the Department «Administration and Management», the Research Center «Computational and Applied Linguistics», the Department «Music» and the Department «Anthropology». The conference was attended by teachers and researchers from the New Bulgarian University, Sophia University St. Kliment Ohridski, University of National and World Economy, Institute of Literature – Bulgarian Academy of Sciences, Burgas State University named after Asen Zlatarov, Bishop Konstantin Preslavsky Shumen University, as well as colleagues from Poland, Romania, Ukraine, France and Russia. Over 80 participants presented their scientific research at the plenary session and on 5 panels. The Cross-Cultural Communication Conference of the New Bulgarian University 2025 successfully demonstrated the integration of various academic disciplines from different departments. The relationship between the departments was confirmed, ensuring high-quality education at the New Bulgarian University.

Keywords: New Bulgarian University, International conference, cross-cultural communication

For citation: Lesnevska D.S. International conference – New Bulgarian University, Sofia, November 2025. *Russian Studies without Borders. International scientific Journal.* –Sofia, 2025, Vol. IX, Iss. 4, pp. 129–134.

13–14 ноября 2025 г. в Новом болгарском университете, г. София, Болгария, состоялась Научно-практическая конференция с международным участием «Кросскультурная коммуникация». Организаторами являлись Департамент «Новая лингвистика», Департамент «Администрация и управление», Исследовательский центр «Компьютерная и прикладная лингвистика», Департамент «Музыка» и Департамент «Антропология».

13 ноября конференция была открыта приветственным словом заместителя-ректора по учебной деятельности доц. д-ром Кристиан Постаджиян, который подчеркнул, что идея интердепартаментского проекта «Кросскультурная коммуникация» возник еще в 2022 году, когда специалисты различных областей знаний из различных департаментов НБУ собрались на представление сборника материалов юбилейной конференции «Бизнес-коммуникации, язык и литература», посвященной 10 годовщины магистерской программы «Бизнес-коммуникации» и 25 лет программы бакалавриата «Русистика со вторым иностранным английским» [1]. Ежегодник «Кросскультурная коммуникация», интердепартаментский сборник статей НБУ 2023, подтвердил успех интердепартаментских образовательных программ, реализовавшихся в университете [2].

Пленарная сессия была открыта гл. асс. д-ром Милка Хаджикотева, которая представила совместный с доц. д-ром Татьяна Фед и доц. д-ром Теодора Ризова доклад «Интердепартаментский проект «Кросскультурная коммуникация – НБУ». В своем

докладе д-р Хаджикотева подчеркнула востребованность интердисциплинарных программ в настоящую эпоху глобализации и дигитализации.

Доц. д-р Йордан Ефтимов (НБУ) ознакомил аудиторию со своим докладом «“Ошибки“ в переводе поэзии как симптом старательно прикрываемых культурных столкновений». В своем докладе д-р Ефтимов рассмотрел ошибки в сербском переводе его стихотворения «Аполлония», написанного в 1995 г. в г. Созопле, Болгария.

Проф. д-р Тома Томов (НБУ) посвятил свой доклад «Графиты, здесь и там» различным, интересным с культурологической точки зрения, надписям на стенах церквей и других памятниках.

Доц. д-р Ирена Емилова (НБУ) зачитала доклад «Эмоциональный дизайн в туризме как средство культурной коммуникации», ссылаясь на книгу Дональда Нормана «Эмоциональный дизайн», 2003.

Завершающим пленарным докладом стал доклад доц. д-ра Морис Фадел (НБУ) «Жанр как вид кросскультурной коммуникации: трагедия и роман».

Последовало музыкальное исполнение двух студенток на флейте из департамента «Музыка».

13 ноября после пленарного заседания состоялись панели «Коммуникации и туризм», «Икономика и управление» и «Язык и литература». Было представлено в формате офлайн/онлайн много интересных докладов. Представим некоторые из них.

Секция «Коммуникации и туризм» с модератором доц. д-р Теодорой Ризовой была открыта докладом проф. д-ра Елены Благоевой (НБУ) «Интеркультурный диалог в политиках Европейского союза между ценностями, идентичностью и действием».

Гл. асс. д-р Александр Пожарлиев (НБУ) рассмотрел аспекты коммуникации в академической среде в контексте показателей культурных различий, ссылаясь на книгу Ерины Майер «Культурная карта», 2023.

Доц. д-р Маргарита Крестевой-Стойчевой (НБУ) рассмотрела в своем докладе фольклор г. Тетевена, Болгария, и окружающих населенных мест с начала XX века до наших дней, в частности, описывая рождественные обычаи в г. Тетевене.

Прозвучал второй доклад на тему Европейского союза после доклада проф. Благоевой – доклад гл.асс. д-ра Ивана Начева (НБУ) «Сохранение общностей и идентичностей в Европейском союзе: миф или реальность».

Завершающим докладом секции «Коммуникации и туризм» было выступление докторанта Александры Петровой (НБУ) «Кросскультурные аспекты специализированных событий для фильмового туризма».

Последовала панель «Экономика и управление» с модератором гл. асс. д-ром Милкой Хаджикотевой. Доц. д-р Димитар Трендафилов (НБУ) представил свой доклад «Торговые марки как двигатели стоимости. 25 лет измерений и мониторинга». В своем докладе он подчеркнул важную роль искусственного интеллекта в создании торговых марок.

Докторант асс. Мина Костова (НБУ) посвятила свой доклад новой перспективе лидерства как общего процесса в семейном бизнесе.

В формате онлайн выступили коллеги из Польши – Куявско-Поморская Академия, г. Бидгошч: д-р Дариуш Чаковски (Dr. Dariusz Czakowski) с докладом «Устойчивое развитие Европейской экономики: технологические и экономические условия» и Сильвия Чаховска (Sylvia Czakowska) с докладом «Личностное влияние и факторы личности на мотивацию работы».

Панель «Язык и литература» с модераторами – доц. д-р Татьяна Фед и гл. асс. Емануела Чичова была открыта докладом доц. д-ра Димитрины Лесневской (Университет национального и мирового хозяйства) «Дискурс бизнес-корреспонденции в контексте теории речевых актов в преподавании РКИ в болгарской аудитории». Были рассмотрены особенности лингвистики эпистолярного торгового дискурса сквозь призму теории речевых актов и дискурсивное обучение РКИ, в частности обучение дискурсу русской в сопоставлении с болгарской бизнес-корреспонденции в инославянской аудитории в Болгарии.

Гл. асс. д-р Владимир Манчев (СУ имени Св. Климента Охридского) ознакомил аудиторию со своим докладом, посвященным принципу соблюдения хронологии и историчности с точки зрения лингвокультурологии.

В своем выступлении д-р Татьяна Шильникова (София) рассказала о языковом конкурсе – от идеи до реализации.

В формате онлайн доц. д-р Радослава Илчева (Институт литературы – БАН) выступила с докладом «Двойники императора Петра Великого: кросскультурные аспекты».

Гл. асс. д-р Мария Ладовинска (НБУ) выступила с докладом «Развитие умения говорения при изучении иностранного языка вне естественной языковой среды. Примеры из практики с применением дигитальных ресурсов платформы Moodle». Было рассмотрено обучение итальянскому языку в болгарской студенческой аудитории с применением дигитальных средств.

Докторант Огнян Узунов (НБУ) в своем докладе представил творческий процесс как кросскультурное общение.

Половинко Олена (Polovynko Olena) из Университета Клермон-Овернь, г. Клермон Феран, Франция, посвятила свой доклад обучению взаимному пониманию, популяризации славянских языков.

Д-р Йоанна Мстовска (Joanna Mstowska) из Куявско-Поморской Академии, г. Бидгошч, Польша, в формате онлайн проанализировала различные аспекты

коммуникации в «Сердце тьмы» Джозефа Конрада и «Дневник в строгом смысле слова» Бронислава Малиновского.

14 ноября состоялись панели «Образование и дигитализация» и «Культура и перевод». Было представлено в формате офлайн /онлайн много интересных докладов. Вот некоторые из них.

Активное участие в панели «Образование и дигитализация» с модератором – доц. д-р Ирина Георгиева принимали преподаватели Бургасского государственного университета имени проф. д-ра Асена Златарова. Так, доц. д-р Милен Тодоров, гл. асс. д-р Златина Николова, асс. Красимира Милчева, асс. Десислава Стойнова, ст. преп. Стоянка Николова представили доклад «Применение современных технологий при формировании интеркультурных компетентностей в обучении иностранному языку – Научно-исследовательский проект к Бургасскому государственному университету.

Доц. д-р Мария Нейкова (НБУ) рассмотрела в своем докладе особенности мультикультурного общения в специализированном обучении иностранному языку – культурные параллели.

Панель «Культура и перевод» с модератором – доц. д-р Борис Наймушин включала ряд интересных докладов. Проф. д.н. Татьяна Кананович (Гданьский университет, Польша) представила онлайн доклад «Эффект мультимодального воздействия в системе паратекстовой коммуникации онлайн-кинотеатров».

Доцент д-р Ирина Георгиева (НБУ) посвятила свой доклад когнитивной синонимии и коллокаций.

Доклад гл. асс. д-ра Марьянны Коновой (СУ им. Св. Климента Охридского) касался вопроса о переводе обращений в дипломатии, международных нормах и их нарушениях.

Искусственному интеллекту был посвящен доклад доц. канд. фил. наук Евгении Маленовой (Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Россия) на тему: «Искусственный интеллект в ежедневной работе аудиовизуального переводчика».

Мера перевода рассматривалась в докладе ст. преп. д-ра Юлианой Тимофте (Бухарестский университет, Румыния).

Докторант Наталия Янминчева-Маркова (Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского) рассмотрела онлайн в своем докладе фразеологизмы в контексте межкультурного диалога.

Конференция «Кросскультурная коммуникация» НБУ 2025 успешно осуществила интеграцию различных академических дисциплин из разных департаментов. Так, вопросы преподавания экономики и туризма представляли интерес для преподавателей РКИ в специальных целях, обучающихся студентов – будущих экономистов и специалистов по направлению туризма. Материалы конференции будут опубликованы в сборнике НБУ в 2026 г.

Библиографический список

1. Бизнес комуникации, език, литература и култура. Сборник от юбилейна научно-практическа конференция с международно участие. НБУ. – София: Изд. на НБУ, 2022. – 544 с.
2. Годишник. Кроскултурна комуникация. Интердепартаментен сборник статии. НБУ. – София: Аскони-издат, 2023. – 227 с.

References in Roman script

1. Biznes komunikatsii, ezik, literatura i kultura. Sbornik ot yubileyna nauchno-prakticheska konferentsiya s mezhdunarodno uchastie. NBU. – Sofiya: Izdat. NBU, 2022. – 544 s.
2. Godishnik. Kroskulturna komunikatsiya. Interdepartamenten sbornik statii. NBU. – Sofiya: Askoni-izdat, 2023. – 227 s.

References

1. Business communications, language, literature and culture. Collection from the jubilee scientific and practical conference with international participation. NBU. – Sofia: Publ. House NBU, 2022. – 544 p. (In Bulgarian).
2. The yearbook. Cross-cultural communication. Interdepartmental collection of articles. NBU. Sofia: Asconi Publishing House, 2023. – 227 p. (In Bulgarian).

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В
ЖУРНАЛЕ «РУСИСТИКА БЕЗ ГРАНИЦИ» ЗА 2025 ГОД
ПО РУБРИКАМ, В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ АВТОРОВ**

42 АВТОРА; 61 СТАТЬЯ

ЛИНГВИСТИКА

- Агафонцев М.С.** Виды переносного значения в основе фразеологизмов семантики физического наказания индивидуума. – IX/1/2025. 15–24.
- Агафонцев М.С.** Расширение семантического объема лексемы «проект» в современном русском языке. – IX/3/2025. 23–29.
- Гамаева Л.А., Павлова В.О.** Феномен эмодзи: особенности использования в цифровом общении. – IX/3/2025. 30–39.
- Гамаева Л.А., Родионова А.А.** Эмодзи и пиктографическое письмо в литературе: новый язык или деградация коммуникации? – IX/2/2025. 7–16.
- Ессад А.** К вопросу о проблеме полисемии в специальной терминологии на материале военной терминологии. – IX/4/2025. 16–26.
- Зулумбекова М., Гергель О.В.** Роль суффиксации в формировании лексического состава языка в контексте популярных социальных сетей. – IX/3/2025. 16–22.
- Милуд М.Р.** Лексико-семантический способ образования терминов подъязыков компьютерной терминологии и нанотехнологии. – IX/1/2025. 7–14.
- Милуд М.Р., Н. Гезайли Н.** К вопросу о происхождении компьютерной терминологии. – IX/4/2025. 7–15.
- Недоступова Л.В.** Креативность речевого портрета уроженки Воронежской области. – IX/3/2025. 7–15.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Бугакова Н.Б., Новикова М.В.** Образ языка в творчестве Иосифа Бродского: к 85-летию поэта. – IX/2/2025. 17–22.
- Буйлов В.В.** Андрей Платонов и его авторские концепты «Детство» и «Юность» как художественные и духовные символы счастливого будущего. – IX/1/2025. 25–38.
- Буйлов В.В.** Общепролетарский дом как один из ключевых концептов повести Андрея Платонова «Котлован» и его интертекстуальные корни. – IX/2/2025. 23–34.
- Буйлов В.В.** Пути постижения истины, смысла существования и счастья в повести Андрея Платонова «Котлован». – IX/3/2025. 69–79.
- Долгова Е.Ю., Харитонова Ю.А.** Лингвистическая модель концепта «Тоска» на материале автобиографической повести М.М. Зощенко «Перед восходом солнца». – IX/4/2025. 38–50.
- Киселева И.А.** Методологические основания и программная реализация научного проекта «Лирика М. Ю. Лермонтова 1840 года: текстология, аксиология, поэтика». – IX/3/2025. 51 – 57.
- Осипова Н.Д., Шакина О.В.** Семантика и функции сравнений в романе А. Иванова «Сердце Пармы». – IX/4/2025. 51–59.
- Поташова К.А.** Свобода и воля как смысловые и эмоциональные доминанты стихотворений М.Ю. Лермонтова 1840 года. – IX/3/2025. 58–68.
- Саньярова Н.С.** Специфика обособленных парцеллированных конструкций в языке художественной прозы. – IX/4/2025. 27–37.

- Саньярова Н.С.** Экспрессивность обособленных парцелированных конструкций (на материале художественной прозы Чингиза Айтматова и Бориса Васильева). – IX/2/2025. 35–45.
- Семхгун А.А.** Роль Пушкина в развитии русского языка и литературы. – IX/3/2025. 40–50.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Воркачев С.Г.** Корень страстей: метафорика плотской любви по данным национального корпуса русского языка. – IX/2/2025. 46–56.
- Воркачев С.Г.** Лингвокультурный смысл «уныние» в лексикографическом дискурсе. – IX/4/2025. 60–71.
- Воркачев С.Г.** Паралич души: лингвокультурный смысл «уныние» в научном дискурсе. – IX/3/2025. 80–90.
- Воркачев С.Г.** Сладкая мука: телесная сторона любви в афористике. – IX/1/2025. 39–47.
- Миროнова М.Н., Эпоева Л.В., Согомонян Е.К.** Лингвокультурологическая основа глобальных технологий: английский как универсальный язык IT-индустрии. – IX/2/2025. 57–63.

ВЗГЛЯД В ИСТОРИЮ

- Дружинкина Н.Г.** Быт рабочего люда в России по мемуарам второй половины XIX — начала XIX в.: из крестьян в рабочие. – IX/4/2025. 72–84.
- Дружинкина Н.Г.** Московские обыватели по воспоминаниям старожилов второй половины XIX — начала XX в. – IX/1/2025. 48–62.
- Измельева И.А.** Этикетные формулы в дипломатических посланиях Петра I. – IX/4/2025. 85–92.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Бондарева В.В.** Особенности проектирования учебных материалов по русскому языку как иностранному в контексте этноориентированного подхода (на примере учебно-методических комплексов по страноведению России для обучающихся из Танзании). – IX/1/2025. 69–78.
- Бондарева В.В.** Проектирование модели кадрового обеспечения учебного процесса по русскому языку как иностранному в контексте этноориентированного подхода (на примере объединенной республики Танзания). – IX/2/2025. 64–73.
- Кабяк Н.В.** Короткометражные фильмы при подготовке австралийских старшеклассников к выпускному экзамену по русскому языку. – IX/2/2025. 74–84.
- Холманских Ю.С., Верисова А.Д.** Развитие лингвокультурной компетенции у изучающих русский язык как иностранный (на материале пословиц о чайной культуре). – IX/1/2025. 63–68.
- Чихорич С.** Перевод как метод обучения русскому языку носителей сербского языка. – IX/3/2025. 91–99.

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

- Глаголев Я.Б., Киловатая М.А.** О метафорической природе переводческих терминов. – IX/2/2025. 91–96.
- Голубева-Монаткина Н.И.** «Энциклопедия» Дидро и Д’Аламбера в русских переводах XVIII века. – IX/1/2025. 86–93.
- Кушникова Л.В., Кан С.** О дифференциации критериев качественного перевода текста: когнитивный подход. – IX/1/2025. 79–85.
- Лучаев Д.И.** Лингвокультурная специфика ссылок в болгарском медийном дискурсе и особенности их передачи на русский язык. – IX/2/2025. 103–111.
- Милосердова Я.О.** Особенности рецепции стихотворения М.Ю. Лермонтова «И скучно и грустно» в переводе Людмила Стоянова. – IX/3/2025. 100–106.
- Милосердова Я.О.** Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Тучи» в болгарских переводах. – IX/1/2025. 102–108.
- Миринова М.Н., Эпоева Л.В.** Искусственный интеллект в профессиональном переводе: вызовы и перспективы. – IX/4/2025. 99–106.
- Миринова М.Р.** Проблемы перевода идиом и устойчивых выражений с русского на английский. – IX/1/2025. 94–101.
- Миринова М.Р.** Межъязыковая передача юмора и игры слов в художественном тексте. – IX/4/2025. 93–98.
- Чайникова М.А., Кушникова Л.В.** Эвфемизмы в переводном медийном дискурсе. – IX/2/2025. 97–102.

ИНТЕРВЬЮ

- Няголова Н.** Интервью Наталии Няголовой с аргентинским русистом Омаром Лобосом «Паломничество филологии». – IX/2/2025. 85–90.

РЕЦЕНЗИИ

- Грובהва Н.А.** Рецензия. Интерактивный курс русского языка как иностранного «Core Russian online – основной курс русского языка». – IX/2/2025. 112–116.
- Иванова Н.С.** Рецензия. Котов А.А. Механизмы речевого воздействия: монография. – Москва: РГГУ, 2021. – 432 с. ISBN 978-5-7281-2973-8. – IX/1/2025. 114–117.
- Иванова Н.С.** Рецензия. Шунков А. В. Поэтика переходности. исследования по литературной культуре России второй половины XVII – начала XVIII в.: монография. – Москва, Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2020. – 256 с. ISBN 978-5-98712-225-9. – IX/2/2025. 117–120.
- Лесневска Д.С.** Рецензия. Переводческая персонология: портреты российских переводчиков: коллективная монография; под общ. ред. Л.В. Кушниковой. — Москва: Флинта, 2025. – 192 с. ISBN 978-5-9765-5655-3. – IX/1/2025. 109–113.
- Лесневска Д.С.** Рецензия. Петров А. Езикови субстандарти при превода на художествени текстове (за двойката руски и български език). – Велико Търново : Университетско издателство «Св. св. Кирил и Методий», 2024. – 178 с. ISBN 978-619-208-434-9. – IX/4/2025. 113–117.
- Лесневска Р.В.** Рецензия. Ковалев Г. Ф. Пушкин. Ономастический комментарий: монография / Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2024. – 457 с. ISBN 978-5-9273-4018-7. – IX/4/2025. 107–112.

ХРОНИКА

- Аркушина П.В., Ключина А.М.** Опыт работы волонтерского отряда факультета иностранных языков Самарского государственного социально-педагогического университета в области переводческой деятельности. – IX/4/2025. 118–124.
- Лесневска Д.С.** 24 мая – день славянской письменности и культуры. – IX/2/2025. 121–128.
- Лесневска Д.С.** XVII Международный съезд славистов – Париж, август 2025.– IX/3/2025. 120–123.
- Лесневска Д.С.** Международная конференция «Кросскультурная коммуникация» – Новый болгарский университет – София 2025. – IX/4/2025. 129–134.
- Лесневска Р.В.** 63 Конференция славистов Сербии – Белград, Сербия. – IX/1/2025. 118–121.
- Лесневский Я.В.** Юбилейная международная конференция «Иностранные языки в наши дни XV» – Экономический университет в Братиславе – Словакия 2025. – IX/4/2025. 125–128.
- Перескокова А.А., Ключина А.М.** Студенческое наставничество как эффективный инструмент личностного развития студентов. – IX/3/2025. 107–114.
- Симеонова К.С.** Полислав XXIX 2025 – важный научный форум. – IX/3/2025. 115–119.

ЮБИЛЕИ

- Косик В.И.** Моя Болгария. – IX/1/ 2025. 129–156.
- Лесневска Д.С.** Болгария в творчестве историка-балканиста ВикторА Косика. – IX/1/ 2025. 122 – 128.

IN MEMORIAM

- Маркова Е.М.** Научно-методическое и профессионально-личностное наследие профессора Эвы Колларовой. – IX/3/2025. 124 – 129.

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В
ЖУРНАЛЕ «РУСИСТИКА БЕЗ ГРАНИЦИ» ЗА 2025 ГОД, В АЛФАВИТНОМ
ПОРЯДКЕ
42 АВТОРА; 61 СТАТЬЯ**

1. Агафонцев М.С. Виды переносного значения в основе фразеологизмов семантики физического наказания индивидуума. – IX/1/2025. 15–24.
2. Агафонцев М.С. Расширение семантического объема лексемы «проект» в современном русском языке. – IX/3/2025. 23–29.
3. Аркушина П.В., Ключина А.М. Опыт работы волонтерского отряда факультета иностранных языков Самарского государственного социально-педагогического университета в области переводческой деятельности. – IX/4/2025. 118–124.
4. Бондарева В.В. Особенности проектирования учебных материалов по русскому языку как иностранному в контексте этноориентированного подхода (на примере учебно-методических комплексов по страноведению России для обучающихся из Танзании). – IX/1/2025. 69–78.
5. Бондарева В.В. Проектирование модели кадрового обеспечения учебного процесса по русскому языку как иностранному в контексте этноориентированного подхода (на примере объединенной республики Танзания). – IX/2/2025. 64–73.
6. Бугакова Н.Б., Новикова М.В. Образ языка в творчестве Иосифа Бродского: к 85-летию поэта. – IX/2/2025. 17–22.
7. Буйлов В.В. Андрей Платонов и его авторские концепты «Детство» и «Юность» как художественные и духовные символы счастливого будущего. – IX/1/2025. 25–38.
8. Буйлов В.В. Общепролетарский дом как один из ключевых концептов повести Андрея Платонова «Котлован» и его интертекстуальные корни. – IX/2/2025. 23–34.
9. Буйлов В.В. Пути постижения истины, смысла существования и счастья в повести Андрея Платонова «Котлован». – IX/3/2025. 69–79.
10. Воркачев С.Г. Корень страстей: метафорика плотской любви по данным национального корпуса русского языка. – IX/2/2025. 46–56.
11. Воркачев С.Г. Лингвокультурный смысл «уныние» в лексикографическом дискурсе. – IX/4/2025. 60–71.
12. Воркачев С.Г. Паралич души: лингвокультурный смысл «уныние» в научном дискурсе. – IX/3/2025. 80–90.
13. Воркачев С.Г. Сладкая мука: телесная сторона любви в афористике. – IX/1/2025. 39–47.
14. Гамаева Л.А., Павлова В.О. Феномен эмодзи: особенности использования в цифровом общении. – IX/3/2025. 30–39.
15. Гамаева Л.А., Родионова А.А. Эмодзи и пиктографическое письмо в литературе: новый язык или деградация коммуникации? – IX/2/2025. 7–16.
16. Глаголев Я.Б., Киловатая М.А. О метафорической природе переводческих терминов. – IX/2/2025. 91–96.
17. Голубева-Монаткина Н.И. «Энциклопедия» Дидро и Д’Аламбера в русских переводах XVIII века. – IX/1/2025. 86–93.
18. Грובהва Н.А. Рецензия. Интерактивный курс русского языка как иностранного «Core Russian online – основной курс русского языка» – IX/2/2025. 112–116.
19. Долгова Е.Ю., Харитоновна Ю.А. Лингвистическая модель концепта «Госка» на материале автобиографической повести М.М. Зощенко «Перед восходом солнца». – IX/4/2025. 38–50.

20. Дружинкина Н.Г. Быт рабочего люда в России по мемуарам второй половины XIX — начала XIX в.: из крестьян в рабочие. – IX/4/2025. 72–84.
21. Дружинкина Н.Г. Московские обыватели по воспоминаниям старожилов второй половины XIX — начала XX в. – IX/1/2025. 48–62.
22. Ессад А. К вопросу о проблеме полисемии в специальной терминологии на материале военной терминологии. – IX/4/2025. 16–26.
23. Зулумбекова М., Гергель О.В. Роль суффиксации в формировании лексического состава языка в контексте популярных социальных сетей. – IX/3/2025. 16–22.
24. Иванова Н.С. Рецензия. Котов А.А. Механизмы речевого воздействия: монография. – Москва: РГГУ, 2021. – 432 с. ISBN 978-5-7281-2973-8. – IX/1/2025. 114–117.
25. Иванова Н.С. Рецензия. Шунков А. В. Поэтика переходности. исследования по литературной культуре россии второй половины XVII – начала XVIII в.: монография. –Москва, Санкт-ПетербургГ: Центр гуманитарных инициатив , 2020. – 256 с. ISBN 978-5-98712-225-9. – IX/2/2025. 117–120.
26. Измествьева И.А. Этикетные формулы в дипломатических посланиях Петра I. – IX/4/2025. 85–92.
27. Кабьяк Н.В. Короткометражные фильмы при подготовке австралийских старшеклассников к выпускному экзамену по русскому языку. – IX/2/2025.74–84.
28. Киселева И.А. Методологические основания и программная реализация научного проекта «Лирика М. Ю. Лермонтова 1840 года: текстология, аксиология, поэтика». – IX/3/2025. 51–57.
29. Косик В.И. Моя Болгария. – IX/1/ 2025. 129–156.
30. Кушникова Л.В., Кан С. О дифференциации критериев качественного перевода текста: когнитивный подход. – IX/1/2025. 79–85.
31. Лесневска Д.С. 24 мая – день славянской письменности и культуры. – IX/2/2025. 121–128.
32. Лесневска Д.С. Рецензия. Переводческая персонология: портреты российских переводчиков: коллективная монография; под общ. ред. Л.В. Кушниковой. — Москва: Флинта, 2025. – 192 с. ISBN 978-5-9765-5655-3. – IX/1/2025. 109–113.
33. Лесневска Д.С. Рецензия. Петров А. Езикови субстандарты при превода на художествени текстове (за двойката руски и български език). – Велико Търново : Университетско издателство «СВ.СВ. Кирил и Методий», 2024. – 178 с. ISBN 978-619-208-434-9. – IX/4/2025. 113–117.
34. Лесневска Д.С. XVII Международный съезд славистов – Париж, август 2025.– IX/3/2025. 120–123.
35. Лесневска Д.С. Болгария в творчестве историка-балканиста ВикторА Косика. – IX/1/ 2025. 122–128.
36. Лесневска Д.С. Международная конференция «Кросскультурная коммуникация» – Новый болгарский университет – София 2025. – IX/4/2025. 129–134.
37. Лесневска Р.В. 63 Конференция славистов Сербии – Белград, Сербия. – IX/1/2025. 118–121.
38. Лесневска Р.В. Рецензия. Ковалев Г. Ф. Пушкин. Ономастический комментарий : монография / Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2024. – 457 с. ISBN 978-5-9273-4018-7. – IX/4/2025. 107–112.
39. Лесневский Я.В. Юбилейная международная конференция «Иностранные языки в наши дни XV» – Экономический университет в Братиславе – Словакия 2025. – IX/4/2025.125–128.
40. Лучаев Д.И. Лингвокультурная специфика ссылок в болгарском медийном дискурсе и особенности их передачи на русский язык. – IX/2/2025. 103–111.

41. Маркова Е.М. Научно-методическое и профессионально-личностное наследие профессора Эвы Колларовой. – IX/3/2025. 124–129.
42. Милосердова Я.О. Особенности рецепции стихотворения М.Ю. Лермонтова «И скучно и грустно» в переводе Людмила Стоянова. – IX/3/2025. 100–106.
43. Милосердова Я.О. Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Тучи» в болгарских переводах. – IX/1/2025. 102–108.
44. Милуд М. Р. Лексико-семантический способ образования терминов подъязыков компьютерной терминологии и нанотехнологии. – IX/1/2025. 7–14.
45. Милуд М.Р., Н. Гезайли Н. К вопросу о происхождении компьютерной терминологии. – IX/4/2025. 7–15.
46. Миронова М.Н., Эпоева Л.В. Искусственный интеллект в профессиональном переводе: вызовы и перспективы. – IX/4/2025. 99–106.
47. Миронова М.Н., Эпоева Л.В., Согомоян Е.К. Лингвокультурологическая основа глобальных технологий: английский как универсальный язык IT-индустрии. – IX/2/2025. 57– 63.
48. Миронова М.Р. Проблемы перевода идиом и устойчивых выражений с русского на английский. – IX/1/2025. 94–101.
49. Миронова. М.Р. Межъязыковая передача юмора и игры слов в художественном тексте. – IX/4/2025. 93–98.
50. Недоступова Л.В. Креативность речевого портрета уроженки Воронежской области. – IX/3/2025. 7–15.
51. Няголова Н. Интервью Наталии Няголовой с аргентинским русистом Омаром Лобосом «Паломничество филологии». – IX/2/2025. 85–90.
52. Осипова Н.Д., Шакина О.В. Семантика и функции сравнений в романе А. Иванова «Сердце Пармы». – IX/4/2025. 51–59.
53. Перескокова А.А., Ключина А.М. Студенческое наставничество как эффективный инструмент личностного развития студентов. – IX/3/2025. 107–114.
54. Поташова К.А. Свобода и воля как смысловые и эмоциональные доминанты стихотворений М.Ю. Лермонтова 1840 года. – IX/3/2025. 58 – 68.
55. Саньярова Н.С. Специфика обособленных парцелированных конструкций в языке художественной прозы. – IX/4/2025. 27–37.
56. Саньярова Н.С. Экспрессивность обособленных парцелированных конструкций (на материале художественной прозы Чингиза Айтматова и Бориса Васильева). – IX/2/2025. 35 – 45.
57. Семхгун А.А. Роль Пушкина в развитии русского языка и литературы. – IX/3/2025. 40–50.
58. Симеонова К.С. Полислав XXIX 2025 – важный научный форум. – IX/3/2025. 115–119.
59. Холманских Ю.С., Верисова А.Д. Развитие лингвокультурной компетенции у изучающих русский язык как иностранный (на материале пословиц о чайной культуре). – IX/1/2025. 63–68.
60. Чайникова М.А., Кушникова Л.В.. Эвфемизмы в переводном медийном дискурсе – IX/2/2025. 97–102.
61. Чихорич С. Перевод как метод обучения русскому языку носителей сербского языка. – IX/3/ 2025. 91–99.

ИЗИСКВАНИЯ ЗА ОФОРМЯНЕ НА МАТЕРИАЛИТЕ

Електронните версии на статиите да се изпращат като прикачен файл на адрес: **rusistikabg@gmail.com**. В отделен текстов документ да се приложи справка за автора: *трите имена без съкращения, научна степен, научно звание, работно място, длъжност, град, страна, домашен адрес, телефон, e-mail*.

За публикуване се приемат **оригинални, непубликувани досега** в други печатни издания материали на **руски, български, украински и английски езици**.

Списанието излиза четири пъти годишно: **30 март, 30 юни, 30 септември и 30 декември**. Материалите се приемат до **15 число** на месеците март, юни, септември и декември.

ОБЩИ ИЗИСКВАНИЯ

Формат: Microsoft Word.

Размер на страницата: А4.

Шрифт: Times New Roman, 12 pt.

Междуредие: Single.

Поleta: горно и долно – 2,5 см, ляво и дясно – 2,5 см.

Абзацен отстъп: 1 см.

Без номериране на страниците, подравняване на текста: Justify.

ОФОРМЯНЕ НА СТАТИИТЕ

- Ако статията е на **руски език**, то на **руски език** се посочват: *фамилия, име, бащино име на автора; длъжност, научна степен, научно звание; пълно название на организацията; страна, град; e-mail; заглавие на статията, анотация, ключови думи*, а след това на **английски език** (*данните на автора (научно звание, научна степен), заглавието на статията, анотация, ключови думи*). Задължително се посочва универсалната десетична класификация (УДК).
- Ако статията е на **български език**, то на **български език** се посочват: *фамилия, име, бащино име на автора; длъжност, научно звание, научна степен; пълно название на организацията; страна, град; e-mail; заглавие на статията, анотация, ключови думи*, а след това на **английски език** (*данните на автора (научно звание, научна степен), заглавието на статията, анотация, ключови думи*). Задължително се посочва универсалната десетична класификация (УДК).
- При съставяне на **анотацията** се спазва определения лимит от 850 знака без интервали, най-малко 10 реда. Анотацията трябва да съдържа актуалност, определяне на проблема, материал и методология, резултати и заключение.
Например:

МОЛИМ ДАННИТЕ ДА СЕ ОФОРМЯТ В ЕДНА КОЛОНА, КАКТО Е ПОКАЗАНО:

УДК 80 (12 pt.)

Боянова Стефка Манолова (11pt.)
доцент, доктор по филология
Югозападен университет «Неофит Рилски»
България, гр. Благоевград
e-mail: stefka3@mail.bg

Boyanova Stefka Manolova (11pt.)
Assistant Professor, Ph.D. in philology
South-West University «Neofit Rilski»
Bulgaria, Blagoevgrad
e-mail: stefka3@mail.bg

С.М. Боянова (12 pt.)

ПРОБЛЕМИ НА ПРЕПОДАВАНЕТО НА РУСКИ ЕЗИК КАТО ЧУЖД В БЪЛГАРСКА СРЕДА

Анотация. 11 pt., 850 знака без интервали

Ключови думи: 11 pt., не повече от 10 думи

S.M. Boyanova (12 pt.)

PROBLEMS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN THE BULGARIAN ENVIRONMENT

Abstract. 11 pt. 850 знака без интервали

Keywords: 11 pt., не повече от 10 думи

- Ако статията е на **украински език**, то на **украински език** се посочват: *фамилия, име, бащино име на автора; длъжност, научно звание, научна степен; пълно название на организацията; страна, град; e-mail; заглавие на статията, анотация, ключови думи*, а след това на **английски език** (*данните на автора (научна степен, научно звание), заглавието на статията, анотация, ключови думи*). Задължително се посочва универсалната десетична класификация (УДК).
- Ако статията е на **английски език**, то на **английски език** се посочват: *фамилия, име, бащино име на автора; длъжност, научно звание, научна степен; пълно название на организацията; страна, град; e-mail; заглавие на статията, анотация, ключови думи*, а след това на **руски език** (*данните на автора (научна степен, научно звание), заглавието на статията, анотация, ключови думи*). Задължително се посочва универсалната десетична класификация (УДК).

ОСНОВЕН ТЕКСТ НА СТАТИЯТА

Текстът на **руски/български/украински/английски език**: 12 pt., обем: до 20 000 знака с интервалите. **Бележките към текста** (footnotes) се дават под линия на всяка страница с арабска номерация, 10 pt. **Цитирането** на източниците в текста се дават в квадратни скоби [номер от библиографическия списък, страница], например: [2], [7, с. 84]. Номерацията при цитирането се формира в **азбучен ред**. Примерите се оформят в *Italic*. Използвайте кавички тип «angle quotes». Графиките, рисунките и фотографиите се прилагат в текста веднага след тяхното посочване в текста. Названието на рисунките се дава под тях след думата «Рис.» с пореден номер (10 pt.).

Библиографическият списък (11 pt.) се прилага след текста на статията **на езика на оригинала в азбучен ред**, след това на латиница чрез транслитерация на кирилицата и преведен на английски език в съответствие с изискванията. Инициалите не се разделят с интервали. Да се включват **само работи, цитирани в текста**. Напр.:

Библиографически списък

1. Горшков Л.М. Русский язык и культура речи // Стилъ. – 2006. – № 4. – С. 65–70.
2. Иванов Т.Р. Диалогът в образованието. – София: Сиела, 2020. – 200 с.
3. Hyland K. Metadiscourse. – London: Continuum, 2005. – 230 p.

References in Roman script

1. Gorshkov L.M. Russkiy yazayk i kulytura rechi // Stily. – 2006. – № 4. – S. 65–70.
2. Ivanov T.R. Dialogat v obrazovaniето. – Sofia: Siela, 2020. – 200 s.
3. Hyland K. Metadiscourse. – London: Continuum, 2005. – 230 p.

References

1. Gorshkov L.M. Russian language and speech culture // Style, 2006. –no 4. – pp.65–70. (In Russian).
2. Ivanov T.R. Dialogue in education. – Sofia: Siela Publ., 2020. – 200 p. (In Bulgarian).
3. Hyland K. Metadiscourse. – London: Continuum, 2005. – 230 p.

Материали, не съответстващи на горепосочените изисквания, не се разглеждат.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Электронные версии статей следует направлять в виде приложения по электронной почте по адресу редакции: **rusistikabg@gmail.com**. В отдельном текстовом документе прилагается справка об авторе: *ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность, город, страна, домашний адрес, контактный телефон, электронный адрес.*

К публикации принимаются **оригинальные, неопубликованные ранее** в других печатных изданиях материалы на **русском, болгарском, украинском и английском языках.**

Журнал выходит четыре раза в год: 30 марта, 30 июня, 30 сентября и 30 декабря. Материалы принимаются до 15 числа марта, июня, сентября и декабря.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Формат: Microsoft Word.

Размер страницы: А4.

Шрифт: Times New Roman, 12 пунктов.

Междустрочный интервал: одинарный.

Поля: верхнее и нижнее – 2,5 см, левое и правое – 2,5 см.

Абзацный отступ: 1 см.

Без нумерации, выравнивание по ширине.

ОФОРМЛЕНИЕ СТАТЕЙ

- Если статья публикуется на **русском языке**, то на **русском языке** приводятся: *фамилия, имя, отчество автора; должность, ученая степень, ученое звание; полное название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*, а затем на **английском языке** (*данные автора (ученое звание, ученая степень), заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*). Обязательным элементом статьи является индекс УДК.
- При написании **аннотации** необходимо придерживаться установленного лимита 850 знаков без пробелов, не менее 10 строк. Аннотация должна включать актуальность, постановку проблемы, материал и методику, результаты и выводы.

Например:

ПРОСИМ ОФОРМЛЯТЬ ДАННЫЕ В ОДНУ КОЛОННУ, КАК ПОКАЗАНО:

УДК 81 (12 пунктов)

Иванов Виктор Борисович (11 пунктов)
доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Россия, г. Москва
e-mail: ivanov@rambler.ru

Ivanov Viktor Borisovich (11 пунктов)
Professor, Dr. Sc. (Philology)
Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
e-mail: ivanov@rambler.ru

В.Б. Иванов (12 пт.)

ПСИХОЛОГИЗМ ПРОЗЫ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Аннотация. 11 пт., 850 знаков без пробелов, не менее 10 строк

Ключевые слова: 11 пт., не более 10 слов

V.B. Ivanov (12 пт.)

PSYCHOLOGISM OF LEO TOLSTOY'S PROSE

Abstract. 11 пт., 850 знаков без пробелов, не менее 10 строк

Keywords: 11 пт., не более 10 слов

- Если статья публикуется на **болгарском языке**, то на **болгарском языке** приводятся *фамилия, имя, отчество автора; должность, ученое звание, ученая степень; полное название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*, а затем на **английском языке** (*данные автора (ученое звание, ученая степень) заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*). Обязательным элементом статьи является индекс УДК.
- Если статья публикуется на **украинском языке**, то на **украинском языке** приводятся *фамилия, имя, отчество автора; должность, ученое звание, ученая степень; полное название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*, а затем на **английском языке** (*данные автора (ученое звание, ученая степень) заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*). Обязательным элементом статьи является индекс УДК.
- Если статья публикуется на **английском языке**, то на **английском языке** приводятся *фамилия, имя, отчество автора; должность, ученое звание, ученая степень; полное название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*, а затем на **русском языке** (*данные автора (ученое звание, ученая степень) заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*). Обязательным элементом статьи является индекс УДК.

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст на **русском/болгарском/украинском/английском языке**: 12 пунктов, объем: до 20 000 знаков с пробелами. Сноски — постранично, внизу страницы, с использованием сквозной нумерации, арабские цифры, 10 пт. Библиографические ссылки заключаются в квадратных скобках [номер библиографического списка, страница], например: [2], [7, с. 84]; нумерация ссылок формируется в **алфавитном порядке**. Примеры следует давать курсивом. Используются кавычки типа «елочки». Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них. Название иллюстраций дается под ними после слова «Рис.» с порядковым номером (10 пт).

Библиографический список (11 пт.) приводится после текста статьи **на языке оригинала в алфавитном порядке**, затем латиницей через транслитерацию кириллицы и переведенный на английский язык в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1-2003. Инициалы не разделяются пробелами. Включаются **только работы, указанные в ссылках**. Напр.:

Библиографический список

4. Горшков Л.М. Русский язык и культура речи // Силь. – 2006. – № 4. – С. 65–70.
5. Иванова Н.П. Диалог в образовании. – М.: Экспресс, 2011. – 156 с.

References in Roman script

4. Gorshkov L.M. Russkiy yazayk i kulytura rechi // Stily. – 2006. – № 4. – S. 65–70.
5. Ivanova N.P. Dialog v obrazovanii. – M.: Ekspress, 2011. – 156 s.

References

4. Gorshkov L.M. Russian language and speech culture // Style. – 2006.– no 4. – pp.65–70. (In Russian).
5. Ivanova N.P. Dialogue in education. Moscow: Express Publ., 2011. –156 p. (In Russian).

Материалы, не соответствующие вышеуказанным требованиям, не рассматриваются.

ВИМОГИ ДО ОФОРМЛЕННЯ МАТЕРІАЛІВ

Електронні версії статей треба направляти як прикріплений файл до листа за допомогою електронної пошти на адресу редакції: **rusistikabg@gmail.com**. В окремому текстовому документі додається довідка про автора: *ПІБ (повністю), науковий ступінь, вчене звання, місце роботи, посада, місто, країна, домашня адреса, контактний телефон, електронна адреса.*

До публікації приймаються **оригінальні, неопубліковані раніше** в інших друкованих виданнях матеріали **російською, болгарською, українською чи англійською мовою.**

Журнал виходить чотири рази на рік: 30 березня, 30 червня, 30 вересня та 30 грудня. Матеріали приймаються до 15 березня, 15 червня, 15 вересня і 15 грудня.

ЗАГАЛЬНІ ВИМОГИ

Формат: Microsoft Word.

Розмір сторінки: А4.

Шрифт: Times New Roman, 12 пунктів.

Міжрядковий інтервал: одинарний.

Поля: верхнє і нижнє – 2,5 см, лівє і правє – 2,5 см.

Абзацний відступ: 1 см.

Без нумерації, вирівнювання тексту по ширині.

ОФОРМЛЕННЯ СТАТЕЙ

- Якщо стаття публікується **російською мовою**, то **російською мовою** наводяться: *прізвище, ім'я, по батькові автора; посада, науковий ступінь, вчене звання; повна назва організації; країна, місто; адреса ел. пошти; назва статті, анотація, ключові слова*, а потім **англійською мовою** (*дані автора, включаючи вчене звання, науковий ступінь, назва статті, анотація, ключові слова*). Обов'язковим елементом статті є індекс УДК.
- Якщо стаття публікується **болгарською мовою**, то **болгарською мовою** наводяться *прізвище, ім'я, по батькові автора; посада, вчене звання, науковий ступінь; повна назва організації; країна, місто; адреса ел. пошти; назва статті, анотація, ключові слова*, а потім **англійською мовою** (*дані автора, включаючи вчене звання, науковий ступінь, назва статті, анотація, ключові слова*). Обов'язковим елементом статті є індекс УДК.
- Якщо стаття публікується **українською мовою**, то **українською мовою** наводяться *прізвище, ім'я, по батькові автора; посада, вчене звання, науковий ступінь; повна назва організації; країна, місто; адреса ел. пошти; назва статті, анотація, ключові слова*, а потім **англійською мовою** (*дані автора, включаючи вчене звання, науковий ступінь, назва статті, анотація, ключові слова*). Обов'язковим елементом статті є індекс УДК.
- При написанні **анотації** необхідно дотримуватися встановленого ліміту 850 знаків без пробілів, не менше 10 рядків. Анотація повинна включати актуальність, постановку проблеми, матеріал і методику, результати і висновки.

Напр.:

ПРОСИМО ОФОРМЛЯТИ ДАНІ В ОДНУ КОЛОНУ, ЯК ПОКАЗАНО:

УДК 81 (12 пунктів)

Іванов Віктор Борисович (11 пунктів)
доктор філологічних наук, професор
Московський державний університет ім. М.В. Ломоносова
Росія, м. Москва
e-mail: ivanov @ rambler.ru

Ivanov Viktor Borisovich (11 пунктів)
Professor, Dr. Sc. (Philology)
Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
e-mail: ivanov @ rambler.ru

В.Б. Іванов (12 пт.)
ПСИХОЛОГІЗМ ПРОЗИ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Анотація. 11 пт., 850 знаків, не менше 10 рядків
Ключові слова: 11 пт., не більше 10 слів

V.B. Ivanov (12 пт.)
PSYCHOLOGISM OF LEV TOLSTOY'S PROSE

Abstract. 11 пунктів, 850 знаків, не менше 10 рядків
Keywords: 11 пт., не більше 10 слів

- Якщо стаття публікується **англійською мовою**, то **англійською мовою** наводяться *прізвище, ім'я, по батькові автора; посада, вчене звання, науковий ступінь; повна назва організації; країна, місто; адреса ел. пошти; назва статті, анотація, ключові слова*, а потім **англійською мовою** (дані автора, включаючи вчене звання, науковий ступінь, назва статті, анотація, ключові слова). Обов'язковим елементом статті є індекс УДК.

ОСНОВНИЙ ТЕКСТ СТАТТІ

Текст статті **російською/болгарською/українською/англійською мовою**: 12 пунктів, обсяг: до 20 000 знаків з пробілами. Виноски – посторінково, внизу сторінки, з використанням наскрізної нумерації, арабські цифри, 10 пунктів. Бібліографічні посилання полягають в квадратних дужках [номер з списку використаних джерел, сторінка], наприклад: [2] чи [7, с. 84] **в алфавітному порядку**. Приклади треба давати курсивом. Використовуються лапки типу «ялинки». Графіки, малюнки та фотографії монтуються в тексті після першої згадки про них. Назви ілюстрацій даються під ними після слова «Мал.» чи «Ілюстр.» з порядковим номером (10 пт).

Бібліографічний список (11 пт.) наводиться після тексту статті **мовою оригіналу в алфавітному порядку**, потім латиницею через транслітерацію кирилиці і переклад на англійську мову відповідно до вимог ГОСТ 7.1-2003. Ініціали не розділяються пробілами. До списку включаються тільки роботи, зазначені в посиланнях. напр.:

Бібліографічний список

1. Горшков Л.М. Російська мова та культура мови // Стил. – 2006. – № 4. – С. 65-70.
2. Іванова Н.П. Діалог в освіті. – М.: Експрес, 2011. – 156 с.

References in Roman script

1. Gorshkov L.M. Russkiy yazayk i kulytura rechi // Stil. – 2006. – № 4.– S. 65 –70.
2. Ivanova N.P. Dialog v obrazovanii. – M.: Ekspress, 2011.– 156 s.

References

1. Gorshkov L.M. Russian language and speech culture // Style, 2006. – no 4.– pp.65–70. (In Ukranian).
2. Ivanova N.P. Dialogue in education. – Moscow: Express Publ., 2011. –156 p. (In Ukranian).

Матеріали, які не відповідають зазначеним вище вимогам, не розглядаються.

GUIDELINES FOR AUTHORS

The articles should be sent as an attachment by e-mail to the editorial office: **rusistikabg@gmail.com**. In a separate text document a reference about the author should be sent with the following information: *name, surname, academic degree, academic title, place of work, position, city, country, home address, contact phone number, email address*.

The papers submitted for publication should be **original, previously unpublished work** not currently under review by other publications. The papers can be presented in **Russian, Bulgarian, Ukrainian and English**.

The journal is published four times per year: March 30, June 30, September 30 and December 30. The papers are accepted until the 15th of March, June, September and December.

GENERAL REQUIREMENTS

Format: Microsoft Word.

Page size: A4.

Font: Times New Roman, 12 pt.

Line spacing: single.

Margins: top and bottom – 2.5 cm, left and right – 2.5 cm.

Paragraph indentation: 1 cm.

Without numbering, text alignment: justified.

FORMATTING REQUIREMENTS FOR THE PAPERS

- If the article is written in **Russian**, then in **Russian** should be stated the *author's surname, name, academic degree, academic title; full name of the organization; country, city; e-mail address, the title of the article, abstract, keywords*, after the same information should be stated in **English** (*academic title, academic degree*). The Universal Decimal Classification (UDC) of the article should be also included.
- If the article is written in **Bulgarian**, then in **Bulgarian** should be stated the *author's surname, name, academic title, academic degree; full name of the organization; country, city; e-mail address, the title of the article, abstract, keywords*, after the same information should be stated in **English** (*academic title, academic degree*). The Universal Decimal Classification (UDC) of the article should be also included.
- If the article is published in **Ukrainian**, then in **Ukrainian** should be stated the *author's surname, name, academic title, academic degree; full name of the organization; country, city; e-mail address, the title of the article, abstract, keywords*, after the same information should be stated in **English** (*academic title, academic degree*). The Universal Decimal Classification (UDC) of the article should be also included.
- If the article is written in **English**, then in **English** should be stated the *author's surname, name, academic title, academic degree; full name of the organization; country, city; e-mail address, the title of the article, abstract, keywords*, after the same information should be stated in **Russian** (*academic degree, academic title*). The Universal Decimal Classification (UDC) of the article should be also included.
- When writing the **abstract**, you must adhere to the established limit of 850 characters without spaces, at least 10 lines. The abstract should include relevance, problem statement, subject and methodology, results and conclusion.

For example:

PLEASE PLACE THE AUTHOR'S DATA IN ONE COLUMN AS SHOWN BELOW:

УДК 81 (12 pt.)

Ivanov Viktor Borisovich (11pt.)
 Professor, Dr. Sc. (Philology)
 Lomonosov Moscow State University
 Russia, Moscow
 e-mail: ivanov@rambler.ru

Иванов Виктор Борисович (11pt.)

доктор филологических наук, профессор
 Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
 Россия, г. Москва
 e-mail: ivanov@rambler.ru

V.B. Ivanov (12 pt.)
PSYCHOLOGISM OF LEO TOLSTOY'S PROSE

Abstract. 11 pt., 850 (no spaces)
Keywords: 11 pt., up to 10 words

В.Б. Иванов (12 pt.)
ПСИХОЛОГИЗМ ПРОЗЫ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Аннотация. 11 pt., 850 (no spaces)
Ключевые слова: 11 pt., up to 10 words

THE MAIN TEXT OF THE PAPER

The text in **Russian/Bulgarian/Ukrainian/English:** 12 pt., up to 20,000 characters with spaces. The footnotes - page by page, at the bottom of the page, Arabic numbers, 10 pt. The bibliographic references should be enclosed in square brackets [current number from References, page], as in [2], [7, p. 84], **in alphabetical order.** Examples should be given in *Italic*. Angle quotes like «» are used. Graphics, pictures and photos are inserted in the text after the first mention of them. The name of the illustrations should be written below with the word «Figure.1» (10 pt.).

The references (11 pt.) are listed **in alphabetical order** after the text of the article in **original language**, then if there are sources in Cyrillic they should be transliterated into **Latin**, the references should be also translated into English in accordance with the requirements of GOST 7.1-2003 (ГОСТ 7.1-2003). The initials shouldn't be separated by spaces. In the references only cited works in the text should be included. For example:

Bibliography

1. Горшков Л.М. Русский язык и культура речи // Силь. – 2006. – № 4. – С. 65–70.
2. Иванова Н.П. Диалог в образовании. – М.: Экспресс, 2011. – 156 с.
3. Hyland K. Metadiscourse. – London: Continuum, 2005. – 230 p.

References in Roman script

1. Gorshkov L.M. Russkiy yazayk i kulytura rechi // Stily. – 2006. – № 4. – S. 65–70.
2. Ivanova N.P. Dialog v obrazovanii. – M.: Ekspress, 2011. – 156 s.
3. Hyland K. Metadiscourse. – London: Continuum, 2005. – 230 p.

References

1. Gorshkov L.M. Russian language and speech culture // Style, 2006. – no 4. – pp.65–70. (In Russian).
2. Ivanova N.P. Dialogue in education. Moscow, Express Publ., 2011. – 156 p. (In Russian).
3. Hyland K. Metadiscourse. – London: Continuum, 2005. – 230 p.

The papers that do not meet all the criteria above shouldn't be accepted.

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Списание «Русистика без граници»
София, България
e-mail: rusicabg@gmail.com